

Галина и Павел Барышниковы

АНГЕЛОВ НЕ ВЫБИРАЮТ

АНЂЕЛИ НЕ БИРАЈУ

Связь времен. Тетралогия

Галина Барышникова
Ангелов не выбирают

«Алетейя»

2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Барышникова Г. А.

Ангелов не выбирают / Г. А. Барышникова — «Алетейя»,
2025 — (Связь времен. Тетралогия)

ISBN 978-5-00165-814-6

Новый роман Галины и Павла Барышниковых отражает историю жизни современного человека на крутых виражах его отчаяния и любви, касания ангелов и полета в бездну. Как всегда, у героев – огромная география любви: это и Россия (Москва), и Германия, и Сербия, и Черногория, и снова Россия (Крым и Петербург)... Это настоящая интеллектуальная проза. Герои романа размышляют о «благословенном» Александре I и старце Федоре Кузьмиче, о легендарном Рюрике и «собирателе земель русских» Иване III, о самозванце Димитрии и патриархе Гермогене, находя для этого свой «метод исторического иммунитета». И в тот миг, когда вместе с обретением внутренней памяти они познают сокровенную жизнь своей страны – они обретает свободу и чувство личной сопричастности к ее великой истории. И главное – осознание того, что человек человеку – Ангел...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00165-814-6

© Барышникова Г. А., 2025
© Алетейя, 2025

Содержание

Целительная сила любви и творчества	7
От авторов	9
Пролог	10
Часть 1	11
Интервью № 1	11
Глава 1	13
Интервью № 2	15
Глава 2	16
Интервью № 3	17
Глава 3	20
Интервью № 4	23
Глава 4	25
Интервью № 5	29
Глава 5	34
Интервью № 6	37
Глава 6	46
Интервью № 7	53
Глава 7	58
Интервью № 8	61
Глава 8	68
Интервью № 9	76
Глава 9	81
Интервью № 10	84
Глава 10	92
Интервью № 11	100
Глава 11	109
Интервью № 12	114
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Галина и Павел Барышниковы

Ангелов не выбирают

*Истории русского народа
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

*Народ русский от времен, глубокою древностию сокровенных,
до нынешнего века (с)толь многие видел в счастье своем перемены, что
ежели кто междоусобные и отвне нанесенные войны рассудит, в великое
удивление придет, что по (с)толь многих разделениях, утеснениях
и нестроениях не токмо не расточился, но и высочайшую степень
величества, могущества и славы достигнул.*

М. В. Ломоносов.

«Древнейшая русская история»

История в лицах

Тетралогия «Связь времен»

Книга четвертая

АНЂЕЛИ НЕ БИРАЈУ
(СЕРБСК.)
ENGEL KANN MAN SICH NICHT AUSSUCHEN
(НЕМ.)

Художник – Светлана Николаевна Мурзинка

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© П.Ф. Барышников, 2025
© Г. А. Барышникова, 2025
© Издательство «Алтейя» (СПб.), 2025

Целительная сила любви и творчества О новом романе Галины и Павла Барышниковых

В конце XX века Иосиф Бродский уверенно заговорил о смерти романа. Талантливые и энергичные супруги Барышниковы, словно стремясь опровергнуть жестокие слова знаменитого нобелиата, выпускают роман за романом, каждый раз взрывая свежей темой, неожиданными поворотами авантюрного, но явно основанного на документах и конкретных судьбах наших современников сюжета самые смелые ожидания читателей.

Когда-то, в советское время, главный редактор литературного журнала, где я тогда работала, рассказал мне удивительную историю про двух молодых лейтенантов, которых послали в Японию взять пробы грунта в Хиросиме после атомного взрыва. Степень опасности, которая им грозила, они явно не понимали и послушно выполняли приказ жестокого руководства. Они взяли пробы голыми руками и привезли их в обычном кожаном портфеле в СССР. Их было двое: один – любитель выпить, признанный Дон Жуан, а второй – четкий, осторожный, исполнительный и абсолютно непьющий. Непьющий после этой командировки вскоре заболел и умер. А вот пьющий долго путешествовал по больницам, облысел после перенесенного облучения, но его спасла полюбившая его женщина-врач. И он, окруженный ее любящей заботой, к удивлению окружающих, полностью выздоровел и даже родил вместе с новой возлюбленной сына.

Тогда я впервые задумалась о целительной силе любви.

Ее убедительно показывает новый роман Барышниковых. От превращения в овощ после страшной автокатастрофы лежащего в немецкой клинике звезду тележурналистики Александра Романцева спасает любовь медсестры Маши, забота родных и друзей и... собственные оригинальные интервью, которые, по рекомендации врачей, постоянно транслируют по телевизору в его палате, чтобы помочь больному вспомнить свою жизнь и выздороветь. В процессе этих телебесед, которые он делал в течение многих лет, именитые собеседники журналиста озвучивают массу редкой и интереснейшей информации. Романцев мастерски ведет эти беседы, демонстрируя и собственную универсальную, энциклопедическую образованность, обычно не свойственную современным журналистам, а главное – любовь и уважение к незаурядным собеседникам.

Нельзя сказать, что Барышниковы изобрели принципиально новый жанр – роман-интервью. А «Я из огненной деревни» Адамовича? А «Блокадная книга» Гранина, Адамовича и Лихачева? А «У войны не женское лицо», «Последние свидетели» и «Цинковые мальчики» Светланы Алексиевич?

Отличие Барышниковых в том, что они, обращаясь к суперпрофессионалам в разных областях, затронули самые актуальные проблемы современности – это и загадка человеческого мозга, и самые спорные эпизоды и фигуры русской истории, и таинственная фигура гениального серба Теслы, и отношение выдающихся советских военачальников к религии...

Повествование искусно нанизано на волнующий читателя, медленно развивающийся любовный сюжет, традиционный для нашего времени – на наших глазах рождается большая любовь между пожилым, оригинально мыслящим и совсем еще недавно, до автокатастрофы необычайно энергичным известным журналистом и скромной и некрасивой молоденькой медсестрой, родившейся в профессорской семье, но так и не пошедшей по стопам отца-историка... И все же умной и сильной супруге удастся вернуть всерьез влюбленного мужа. И делает она это достаточно деликатно, без ревнивых упреков и семейных скандалов.

Насыщенные редкой, малоизвестной информацией интеллектуальные беседы с учеными и родственниками знаменитых военных, особый интерес к православной культуре, дополнен-

ные тонко и точно прописанной семейной сюжетной линией – продуманный авторами полифонизм придает роману Барышниковых особое обаяние.

Думаю, в современной прозе это достойный и перспективный путь – повышенная интеллектуальность и информативность, остросюжетность и последовательная защита традиционных, в том числе семейных, ценностей с опорой на возвращение в повседневную жизнь православной культуры.

Недаром именно усилиями Галины и Павла Барышниковых Рождественские чтения под эгидой РПЦ ежегодно проходят сегодня и в литературном подмосковном городе Пушкино.

Любимая ученица Анатолия Приставкина, выпускница Литературного института им. М. Горького, Галина, работающая в прозе в русле своего мастера – на горячем современном материале с мощной исторической подсветкой, нашла в пришедшем в литературу из науки Павле Барышникове достойного соавтора-интеллектуала. Неслучайно так популярны в наши дни выставки литературы нон-фикшен. Да, читая роман Барышниковых, мы с вами имеем дело с хорошей художественной литературой. Но за страницами романа встают живые люди, конкретные судьбы, на которые опирались авторы во время подготовки интервью и создания образов ключевых персонажей.

Думаю, читатели со мной согласятся: целительная сила любви и творчества – вот две главные составляющие понятия «счастье», спасающие нас в самые драматические минуты жизни.

И роман Галины и Павла Барышниковых помогает каждому из нас почувствовать это с особой остротой.

*Лола Звонарева,
секретарь Союза писателей Москвы,
профессор Университета мировых цивилизаций и Московского международного универ-
ситета,
доктор исторических наук*

От авторов

Этот роман – последняя часть тетралогии «Связь времен». Так уж получилось, что все четыре книги связывают между собою разные времена, земли и народы. При этом, несмотря на большое количество фактического материала, это не учебники по истории и не сборники документов, а полноценные художественные произведения.

Первая книга: роман-акафист «Свет твоей тени» – о дружбе народов России и Сербии. Исторический пласт: конец XIX века – начало XX, современность. Имена: Константин Победоносцев, Павел Корин, патриарх сербский Павел, митрополит черногорский Амфилохий, митрополит Трифон Туркестанов и его акафист «Слава Богу за все».

Вторая книга: роман-история корневых систем «Мост для императора», посвящен русскому воинству. Пространство: Россия – Франция. Исторический пласт: война 1812 года, Вторая мировая 1941–1945 годов, Чечня, Афганистан, современность. Имена: Михаил Кутузов, Барклай де Толли, Багратион, Наполеон, Мюрат, Сегюр, Коленкур, простые воины Победы, – у героев прослеживаются их «корни», причинно-следственные связи их поступков.

Третья книга: роман-сказка «В тени летящей птицы» – посвящен детям блокадного Ленинграда и дружбе братских народов. Время: 1941–1956 годы, современность. Пространство: Ленинград, Туркмения, Москва.

Четвертая книга: роман-интервью «Ангелов не выбирают», посвящен истории русского народа. География: Россия – Германия – Сербия – Черногория. Исторический пласт – русская история от Рюрика до последнего русского императора.

Имена: Рюрик, Петр I, Александр I, Николай II. Современность: академик Наталья Петровна Бехтерева, художественный руководитель московского театра Михаил Щепенко, отец Владимир Соколов, писатель Дмитрий Володихин, историк Сергей Алексеев, академик Альберт Цветков... – люди, с которыми ведутся интервью и которые рассказывают о «русских горках» истории, о культурных связях России и всего мира.

Всего на тетралогия «Связь времен» ушло более десяти лет.

И вот наконец она готова. «Связь времен» объединила континенты, судьбы и времена, истории любви, встреч, предательств, интриг, расставаний и обретений... За эти годы, что писались эти книги, мы привыкли и сроднились со своими героями. Самое важное, что все четыре книги между собой сюжетно не связаны. Каждую можно читать по отдельности и в любом порядке. Только последняя, заключительная книга собирает героев со всей тетралогии и ее нужно читать.

Драган, Таня и Адмирал; семья Купцовых: Петр Федорович и его сын Иван; Майя Рыбакова и ее мама Ольга Игнатьевна; семья Романцевых, Игнат Рыбаков (Илмырат Мамедов), отец Николай, – все они встретятся на страницах четвертой книги в бескрайнем океане русской истории...

Поплыли!

Пролог

Ангелов, как и родителей, не выбирают. Ангелами могут быть все. Для всех. И если какой период жизни человека или страны нам кажется тяжелым и лишним, то это означает только одно: мы ничего не понимаем в плавном и стремительном течении истории. И нет ненужных периодов в жизни человека. Или страны. Даже у такой большой, как Россия.

Часть 1

Россия – Германия

Интервью № 1

Что такое первая русская эмиграция?

АП: Здравствуйте дорогие телезрители. С вами ваш постоянный ведущий – Александр Павлович Романцев. Тема нашего сегодняшнего разговора – русские без России. Мы все знаем о парижском этапе русской эмиграции тысяча девятьсот двадцатых, но многие ли знают о роли Сербии в эти трагические дни?

Подумайте только, рушилось все: страна, система религиозных ценностей, государственная власть. Горели города и шли ко дну пароходы, груженные, как дровами, лучшими людьми России. Это была катастрофа мирового порядка.

Поломанные судьбы, разрушенные семьи, сломленные души... Кто приютил это неопценное сокровище России? Где нашел свое последнее пристанище генерал Врангель? О этом и многом другом вы можете узнать в очередном выпуске нашей программы «История рядом с нами». История, как вы знаете, это наука о прошлом. Но история России не предсказуема... в будущем.

У нас в гостях бывший военно-морской атташе в Белграде, а ныне – староста храма Федора Ушакова в черногорском городе Герцег-Нови, – Константин Георгиевич Хурцидзе, или, как его до сих пор называют друзья, – «Адмирал»...

Глава 1

Поездка «в никуда»

– Саша, Саша, не надо! Подожди!

– Отстань!

Он выскочил из квартиры, на ходу надевая пальто. «Ах, сукины дети! За спиной! Стоило только отъехать! Ах, а каков Георгий? А Игорь, – родной сын! Как же они сумели? У-у-у!» – Александр Павлович грязно выругался и так хлопнул дверью, что сам испугался. «А, ладно!..»

– Саша! – Отчаянный крик жены застал его у лифта. Лифт не работал. «Да чтоб тебя!..»

Он бросился вниз по лестнице. Набрал шофера. Тот не отзывался. Наконец растерянный голос произнес:

– Да, Александр Палыч?

– Быстро сюда! И чтоб через пять минут!

– А-а-а... Я тут... В общем, через полчаса, не раньше.

– Какого ляда? Ты что, с девкой, что ли? Ты – на работе! Я тебе плачу и за девок, и за все! Пять минут, понял?!

Машина не подъехала. Взбешенный Романцев направился к гаражу. Апрель, холодно, руки дрожат. «Уволю подлеца!» Уронил ключи: «Все, – уволил!» Гараж наконец-то открылся. Он сел за руль «Хонды» жены. Двигатель – как часы. Три сотни лошадей послушно рванули с места.

– Я взял твою машину!

– Что? Саша, ты где? – Вопрос повис в воздухе.

Руки привычно легли на матовое колесо руля. Вот оно: время и скорость, – что важнее? Газ!

Звонок. Романцев бешеным движением жмет на кнопку: «Альфонс, ты уже уволен!»

– Саша, это я! Саша, вернись! Саша...

– Алла, я... скоро. Готовь ванну. Все!

Знакомая трасса всосала автомобиль в урчащее чрево. Впереди какой-то лох. «Урод, сначала получи права!» – Александр Павлович нажал на сигнал, лох показал ему фак.

«Ах ты, падла, я тебя запомню!»

Хонда рванула, оставив девятку стоячей. В кабине повысилась температура. «Странно», – Александр Павлович расстегнул ворот. И вдруг слева обожгло так, что рука соскочила с баранки. Слабость, тело не слушается. Все поплыло: спереди, сбоку, все визжит и шипит! Жестоко, без сожаления и задержки – удар!

Межглавие

Он лежал на широком поле и пересохшие губы шептали о помощи. Рана была глубокой, безудержный пульс сердца выталкивал кровь из остывающего тела. Шелковые травы склонились над ним, а земля еще вздрагивала от топота разгоряченных коней. Жаркое небо не сулило ничего, кроме черного ворона, замершего в бесконечной бирюзе. Кольчуга давила на грудь. Его слабое дыхание замирало на каждом выдохе, с хрипом орошая ковыль брызгами ярко-алой крови.

Солнце померкло...

Интервью № 2

Тайны мозга

АП: Добрый день, дорогие телезрители. С вами ваш постоянный ведущий – Александр Павлович Романцев и передача «История рядом с вами».

А истории с нами, я хочу вам сказать, случаются разные. И разобраться в этом нам сегодня поможет главный специалист по этой теме, профессор, академик Наталья Петровна Бехтерева. Здравствуйте, Наталья Петровна.

НП: Добрый день, дорогие телезрители!

АП: Наталья Петровна, я знаю, что однажды на научную конференцию заглянула Раиса Горбачева. Философ по образованию, она с большим интересом выслушала ваш доклад, потом под села к вам в зале, и в результате долгой беседы в Ленинграде появился Институт мозга. Бехтеревцы научились помогать людям в тех случаях, которые до них считались безнадежными: восстанавливали память, способность двигаться, говорить, читать. И вы, Наталья Петровна Бехтерева, стали директором института. Не чудо ли?

НП: Чуда нет никакого, поскольку в жизни все – чудо!

АП: Как это ни парадоксально, но самым неизученным объектом на Земле является мозг человека. Мы до сих пор не знаем ответа на важнейший вопрос: как работает этот орган и почему он появился у нашего предка, которому для удовлетворения базовых потребностей – питания и продолжения рода – разум совершенно не требовался.

НП: Не знаем мы, например, и что такое память. Как среди миллиона встреченных на пути мы узнаем своего одноклассника, которого не видели тридцать лет? В виде чего «хранятся» его жесты, походка и мимика в нашей голове? Если считать, что на каждый акт запоминания требуется образование в мозгу еще одного вещества – кусочка белка, то, чтобы запомнить гигантское количество информации, которой мы оперируем, человеку потребовался бы мозг размером с Луну.

АП: А есть и такое мнение – тайна мозга и есть тайна Творения, и нам никогда ее не раскрыть, поскольку Господь непознаваем...

Глава 2

Пробуждение

...Темно, синий купол, высокий, словно цирк. Он несется навстречу куполу и со всего размаху пробивает крышу. Звездное небо. Теперь его не остановить и не удержать. Все выше, выше, выше... Холодно. Страшно пусто, не за что уцепиться. Куда он летит? Тонкий серебряный лучик. Голоса. «Готов?» Это про него? Белый голос: «Не готов».

Падает. Куда-а-а?

Романцев открыл глаза и понял: «Ослеп!» Паника охватила его. Надо встать! На этот сигнал мозга тело ответило острой болью. Он застонал. Кто-то зашевелился рядом, – яркая вспышка, лампочка. «Нет, не ослеп».

Свет заслонило лицо девушки: глаза хорошие, улыбаются.

– О! Наконец-то вы очнулись! Как вы себя чувствуете?

– Где я? – Обескровленными, сухими губами задвигал человек, которого уже год по кусочкам собирали врачи.

– Как вы себя чувствуете? – Медсестра низко наклонилась над пациентом. От нее пахло... чем-то знакомым.

– Где я? – чуть громче прожевал он.

– Вы здесь, в клинике Ханса Хофмана.

Растерянное моргание век.

– Не волнуйтесь, все будет хорошо. Утром придет врач. Хотите воды? Уже можно.

Губы свернулись в трубочку. Сестра слегка приподняла бесформенную от бинтов голову и поднесла поилку с красноватой жидкостью. Голова с трудом глотнула и устало откинулась на подушку.

Пусть длится ночь...

Межглавие

Какая блаженная тишина... Лишь звон кузнечиков наполнял пространство неясным гулом. Он пошевелился и тут же кто-то вонзил в него нож. Он застонал. Солнце приблизилось к его глазам.

– Тихо-тихо, соколик. – Старик отнял свечу от его лица. – Болит, значит, живое. Не трепыхайся-то сильно. Эко тебя...

Воин попытался открыть склеенные гноем ресницы и пошевелить рукой. Острая боль опять пронзила грудь.

– Да тихо ты, неугомонный. Господь уберет, так ты сам себя пожалеешь. Вылежаться тебе надобно. Вишь, как грудь-то разворотило... Спи, спи, соколик. Сил набирайся.

Старик задул свечу.

– Спите, спите, Александр Павлович. – Сиделка склонилась над вздрогнувшим Романцевым. – Все уже позади. Набирайтесь сил.

Интервью № 3

О силе слова и звука

АП: Добрый день, дорогие телезрители. Я счастлив представить вам необыкновенного человека, священника Владимира Соколова. Отец Владимир окончил ВГИК, затем Московскую Духовную семинарию. Работал в Издательском отделе Московской Патриархии. Сейчас – помощник председателя Синодального отдела по взаимодействию с вооруженными силами РПЦ. Автор нескольких книг: «Младостарчество и православная традиция», «На грани жизни», «Мистика и духовность», «Разговор с самим собой». Батюшка ведет свои передачи и активно выступает на радио «Россия», «Радонеж», «Вера», «Теос». Он – частый гость на центральном телевидении, телеканале «Союз» и канале «Доверие». Все ли так?

ОВ: Так-то так, только уж очень много всего получилось.

АП: А вы могли бы рассказать, как вы сами пришли к вере?

ОВ: Я стал задумываться о сутевых вещах и понял, что они не вмещаются в мою прежнюю жизнь. И тогда я резко изменил свою жизнь – ушел из театра, из кино, а школа у меня была серьезная: я учился во ВГИКе с Еленой Соловей, Владимиром Носиком. Потом хотел делать певческую карьеру. Голос был, все возможности были. Но вдруг понял, что и пение не наполняет меня. Я уже не мог дальше жить как раньше.

АП: Вера постепенно входила в вас или случилось какое-то событие?

ОВ: Были встречи, но сам приход к вере – это есть нечто таинственное, о чем нельзя говорить. Это было посещение, и тогда я увидел, кто такой человек на самом деле.

АП: И кто?

ОВ: Человек на самом деле – существо световое. Как Христос говорит: «Я есмь свет», так и святой может сказать про себя, когда он начинает светиться несказанным светом. Это Фаворский свет, этот свет – как результат преображения человека, когда он меняет свое тело и становится подобным свету. Вообще мы очень мало знаем о возможностях человека. Нельзя человеку в этом падшем состоянии доверять пользоваться ими, потому что тогда он устроит не атомную войну, а вообще нечто невообразимое. Но иногда эти запечатанные качества прорываются. Например, когда человек может проводить через себя десять киловольт, сжигать себя и оставаться живым, и так далее. Но человек должен возрасти в сознании, как должен был возрасти Адам – в любви и мудрости. В любви почему? Потому что познание невозможно производить так, как мы это делаем сейчас. Есть некоторые смыслы, которые открываются только в первоисточнике. Если посмотреть первоисточник, то мы увидим, что когда Адам именовал кого-то, то он именовал в некоем «браке» с тем, кого он именует. Таким образом, он возрастал в любви, соединялся с именуемым в любви, и тот открывал ему свою тайну. Адам «познавал» любовью. Мы же как учимся? Мы силой, опытом над природой, отбираем знания. Познание наше абстрактно. Опыт – это пытка. Так раньше и назывались эксперименты: «инквизицию натуре». Так, пытая природу, человек совершил нравственный надлом. Почему преподобный Ефрем Сирин говорил об Адаме, что тот был и бессмертным, и не бессмертным одновременно? Адам должен был возрасти в это бессмертие.

Обладая бессмертием потенциально, он должен был возрасти до него в процессе обучения в Божественной школе через правильные наименования, возрасти в этом качестве в любви и мудрости. Окончив эту школу, он стал бы бессмертным. Но тут появилось некое существо, которое названо «хитрейшим и мудрейшим из зверей полевых», то есть он представлял совершенную природу животную. Адам же был создан как тот, кто превосходит животную природу. Поэтому это существо завидовало Адаму и не понимало, почему вдруг Бог так выделяет его. Так обезьяна смотрит на годовалого ребенка, лежащего в памперсах и, вероятно, думает: «Да что же это за такое избранное существо, которое ничего не может, когда мои дети в этом воз-

расте уже самостоятельные?» Поэтому хитрый змей захотел соблазнить человека, чтобы тот в его школу попал. А что это была за школа? Опять же это раскрывается, когда мы читаем первоисточник, потому что в первоисточнике сохраняется идиоматический смысл «древа познания добра и зла», который, собственно, является первичным. Это – «древо познания всего на свете» («тоф эра»).

АП: Вы знаете язык первоисточника?

ОВ: Пришлось изучать, куда деваться. Так вот Адама змей начал обучать всему на свете. Посему нельзя было Адаму прикасаться к этому дереву. Потому что Адам не был совершенным существом. Раскрой ему познание всего на свете, и он раскроет те возможности, которые у него до времени сокрыты. Ему категорически запрещалось это. Об этом говорится в книге Еноха. Книга издана в XIX веке. Она переиздавалась неоднократно. Эта книга у первых христиан была настольной книгой. Одно время она даже входила в Канон. В ней говорится, как некая семья ангелов под опытным руководством спустилась с неба и начала учить людей математике, астрономии, как лить метал и т. д. Они раскрыли то, что является сейчас основой нашей цивилизации. А это было запечатано. То есть изначально в Библии описывается два способа развития человека. Один – воспитание того образа Божия, который был заложен в человеке, и претворение его в подобие, которое мы знаем в православной аскетике. Образ претворяется в подобие путем аскетического усилия. И другой способ, когда человеку дается знание. Знание – это же сила, которую приобретает человек. И человечество разделилось на две такие ветви. Для меня, в то время, когда я обратился к вере, это еще не было понятно, но для того чтобы вообще понять, что со мной произошло, понять «кто я», я отовсюду удалился, скрылся в лес и жил очень скромно: килограмма гречки хватало на неделю, собирал в лесу травы, орехи, делал отвары и все время их пил.

АП: А не боялись отравиться?

ОВ: Нет. Какая-то внутренняя интуиция подсказывала, что не отравлюсь. Не было никакой опаски или страха.

АП: А наставник у вас был?

ОВ: Нет, никакого наставника не было. Сначала я побаивался природы. Ночью животные разные приходили. Однажды филин пролетел, большой, как дирижабль, – испугал. А потом я подумал: чего бояться, это же просто филин.

АП: А жили в палатке?

ОВ: Да, поставил палатку и в ней жил. Постепенно стал с животными общаться. Я встретил в лесу кабаниху с кабанятами. Обычно пишут, что это страшно. Ничего не случилось, кабаниха посмотрела на меня спокойно и пошла дальше, и кабанята за ней побежали. На Кавказе вокруг моей палатки долго медведь ходил. Походил-походил и ушел. Я там по десять раз в день окунался в ледяную воду источников.

АП: Зачем?

ОВ: Мне казалось, что я пробуждаю какие-то дремлющие силы организма. И действительно, когда я выходил из леса, я чувствовал, что меня трясет, как от электричества. При этом этот энергетический заряд очень быстро исчезал, можно сказать, до города я эту энергию не довозил.

АП: А по сколько вы находились в лесу?

ОВ: Это могло быть пару недель, до месяца. Когда я так путешествовал, я, например, из Дербента шел пешком до Кавказа, потом я переходил через перевалы в одиночку.

АП: А карта?

ОВ: В том-то и дело, что без карт. Был такой смехотворный случай, когда я шел из Чегета в Сванетию, на перевале я встретил немецкую альпинистскую группу. Они все в альпинистском снаряжении, с альпенштоками, – и я иду босой по снегу. Они обнаружили мои следы и подумали, что это снежный человек. У меня нога 49 размера. Но когда они увидели меня и

когда «снежный человек» заговорил с ними по-английски, они поняли, что ошиблись, и мы разговорились. А какие у них были подробные карты местности! Все на них есть, вплоть до больших камней. Спрашиваю: где купили? Говорят, да в киоске в Берлине. А у нас же такие не купишь – секретная информация!

АП: А была ли у вас собой духовная литература?

ОВ: Только Библия. Но этого хватало.

АП: А как выживали?

ОВ: Когда у меня кончались деньги, то я выходил к людям и предлагал свои услуги: забор покрасить, дрова нарубить... – и так зарабатывал какие-то деньги, на которые мог прожить месяц. В рюкзаке у меня был запас еды и вещи, но вес его был не более пяти килограмм. Я специально сшил себе одежду со многими карманами, сшил спальник, палатку из парашютной ткани. Чтобы не отягощать себя, а идти спокойно, ничем и никем не связанный.

АП: А семья, мама отпускала вас спокойно?

ОВ: Нет, конечно. Мама вообще сильно переживала, что я стал верующим. Она считала, что я вообще чокнулся на этом деле. Но моя мама всегда помогала мне и пыталась меня понять. Даже если была не согласна со мной, в частности в моем стремлении стать священником. Я говорю: «Ну, мам, ты же мне сама помогаешь?» – «Ну как же не помочь, я же тебя люблю!» – отвечала она. Я ушел в свое «путешествие познания себя», ковал из себя настоящего воина Христова, а когда возвратился – устроился ночным сторожем, приходил домой только спать, а все свободное время проводил в библиотеке. И так семь лет подряд я регулярно, как на работу, ходил в библиотеку и много чего прочел за это время.

АП: Какие это были годы?

ОВ: Это примерно 1977–1984 годы.

АП: Иногда при воцерковлении случаются экстремальные ситуации. С вами случалась какая-нибудь необычная памятная история?

ОВ: Видите на моем лбу шрам? Это моя памятная метка о необычной встрече в лесу. Я один ушел в лес и там повстречался с человеком, который решил покончить счеты с жизнью. Я постарался отговорить его. Вроде как это удалось, но наутро он пришел ко мне с топором...

Сиделка Марта с трудом встала со своего стула, подошла к монитору и выключила его. Романцев даже не пошевелился...

Глава 3

Кто может помочь в Германии русскому человеку?

Маша. Филиппова Мария Николаевна, единственная дочь профессора истории Николая Павловича Филиппова – известного специалиста по имперской России. С детства любила и знала историю, готовилась поступать на истфак.

Девочкой она была старательной, глубокой, интересной. Но так уж зачем-то случилось, что от двух красивых родителей родился некрасивый ребенок. И ладно бы мальчик, а то ведь девочка... Глаза изумительные: серые, бархатные, брови густые в разлет – от матери. А вот вся вторая часть лица от бабушки по папиной линии – приходского священника. Тот бородой длиннющей прикрывался, а ей-то куда девать неправильный прикус и вперед выступающий острый подбородок?

Некрасивой и умной девушке жилось непросто. Маму, рано ушедшую из жизни, Маша помнила больше по фотографиям. А когда она готовилась поступать на исторический, сильно заболел отец: инфаркт. Пришлось все отложить и сесть возле него в больнице. Но профессор еще поднялся и погулял с дочерью по больничному парку, полюбовался подснежниками и тюльпанами, розами и лилиями, а затем и хризантемами, надиктовал ей последнюю книжку...

Но последующий второй волной инсульт уж навсегда приковал его к постели. Маша так и осталась в медицине, словно бы вросла в нее, поступила в медицинский. Смерть отца остановила всю Машину жизнь, и она осталась с неполным высшим.

Отец лежал долго, и все свои курсовые работы она писала «по отцу»: инфаркт миокарда, обширный инсульт, диабет, гангрена...

Последнее отделение, из которого отец так и не вышел – хирургия. Маша работа по гнойной хирургии была лучшей на курсе. Было из-за чего и было в кого.

Дело в том, что ее дед был учеником известного врача, архиепископа Луки Войно-Ясенецкого. Они встретились в Крыму, куда архиепископ получил свое последнее назначение. А до этого ссыльный профессор Ясенецкий оперировал в бараках Сибири. Благодаря его «Очеркам по гнойной хирургии» во время Второй мировой войны были спасены тысячи людей. Дед,

а потом и отец, часто вспоминали слова узника Луки: «Я бы больше смог спасти жизней, если бы вы не связывали мне руки колючей проволокой!»

Дед Павел воспитал сына и немного не дожил до рождения Машеньки – единственной внучки. Зато бабушка Настя не могла нарадоваться на свою любимицу. Старательная, отзывчивая, Машуня гостила у нее в Крыму по целому лету – и была отрадой ее старости.

Но главной опорой скромной и застенчивой девушки был отец. И когда он покинул этот мир, перед Машей встал неотвратимый вопрос – чем жить? Ведь на Ваганьковском кладбище лежали ее дед, молодая мама, а теперь и отец. Работа определила всю ее дальнейшую жизнь. Она похоронила отца и навсегда перебралась в больницу.

Домой приходила только между дежурствами: поспать. Шутила, что пора уж арендовать палату, потому что смысла возвращаться не было никакого: что там одной делать? «Ничего, подожди, разглядит твою красоту тот, единственный, – с жаром говорил ей когда-то папка, – я еще внуков хочу понянчить!» – «Ах, папка, папка, если только в Эмиратах, там пол-лица прикрывают чадрой», – вздыхала Маша, разглядывая себя в зеркало.

Вот же дал Господь ей это некрасивое лицо! Тело дал статное – от мамы, с годами оно не «портилось». Как из слоновой кости вырезана, тонкая длинная талия, в меру широкие бедра. И не рожавшая девица до сорока лет осталась статуэткой, но сколько же она от этого потерпела: окликнут на улице со спины, – она научилась не реагировать, так нет же! Еще и забегут вперед, оглянутся и она наслышится горьких слов, к которым так и не привыкла: «черепаша Тортилла», «сзади – пионерка, спереди – пенсионерка», и еще хлеще... За что? В чем ее вина? Терпеть оскорбления за лицо, к созданию которого она не причастна? С возрастом она все приняла и смирилась. Ходила по-прежнему на работу, уже не обольщалась на тему семьи, даже в институт не стала восстанавливаться – зачем?

А когда ассистент институтского профессора, немец Ханс Хофман, открыл свою клинику в Мюнхене, то позвал Марию с собой. Недолго думая, она согласилась. Немецкий знала хорошо, кроме того, Хофман женился на русской студентке Алле Купцовой, и у Маши появилось русское общество на чужбине.

И вот, в холодный апрельский день, к ней, в Мюнхен, в хирургию, привезли какого-то русского, всего поломанного, не приходящего в себя после автокатастрофы, да еще с базовым диагнозом – инфаркт миокарда. Ханс Хофман взял пациента под личную опеку, потому что тот оказался другом тестя, Петра Купцова, который лично раз в неделю звонил дочери Алле и справлялся о состоянии здоровья Александра Павловича Романцева. А что можно было сказать? Кома. Очень тяжелое состояние. Черепно-мозговая травма...

Маше вспомнился отец, да так остро, что она теперь не отходила от нового пациента: травма головы грозила амнезией.

А герр Хофман собрал консилиум, в котором принимали участие не только врачи, но и психологи. Наконец было принято решение: наряду с медицинским лечением запускать память с помощью аудиозаписей, чтобы потустороннее сознание впитывало в себя фрагменты ускользающей жизни. Пусть кома, но доказано, что и в коме человек может слышать и воспринимать все, что с ним происходит. Сейчас важно сохранить его как личность. Если он выживет... Маша прекрасно понимала, что шансов мало, помочь может только чудо. Ах, если бы она только умела молиться!

Интервью № 4

Были ли верующими советские военачальники?

АП: Добрый вечер, дорогие телезрители. Тема нашего воскресного интервью не проста. Мой собеседник – невестка маршала Советского Союза Бориса Михайловича Шапошникова – Слава Александровна Шапошникова.

СА: Добрый вечер.

АП: Слава Александровна, вы как-то в приватной беседе поведали о том, что многие русские и советские военачальники в жизни были людьми верующими.

СА: Да. И примеров тому множество. Мой муж – генерал-лейтенант Игорь Борисович Шапошников, рассказывал со слов отца, что, когда Георгий Константинович Жуков в 1943 году освободил Киев, он велел открыть Софийский собор и весь благодарственный молебен простоял на коленях.

АП: Сталин знал об этом?

СА: Несомненно. Верующими были почти все главнокомандующие, включая самого Верховного...

АП: Даже так?

СА: А вы как думали... Я скажу вам больше: маршал Василевский – сын священника, сам окончил семинарию. Мой свекр, маршал Шапошников, всю войну проходил с ладанкой, в которую был зашит казачий крест: благословение деда – донского казака; икона Божией Матери и две иконы Николая Чудотворца, да еще псалом «Живый в помощи Вышняго» – всегда были с ним.

АП: И что же, Сталину не доложили?

СА: Сталин знал. И Буденный, между прочим, носил нательный крест и, проезжая мимо храма, останавливал машину и крестился с поклоном... Маршал Тимошенко был верующим. А герой Советского Союза летчик-бомбардировщик Павел Андреевич Таран говорил, что ни разу не сел в самолет не перекрестившись. А вы знаете, сколько военачальников были женаты на поповнах?

АП: Потрясающе! Тайна русской истории не разгадана. Мы думаем, что события опираются на внешний ряд обстоятельств и фактов, а все держится на сакральном стержне, который сокрыт от глаз.

СА: Да. В нашей русской истории все неоднозначно. Не очевидно. И даже парадоксально. По-русски.

АП: Совершенно верно, Слава Александровна. Смотрите: 1917 год. Прямо в день вынужденного отречения государя является в Коломенском Державная икона Божьей Матери. Богородица изображена на троне со скипетром и державой. То есть царя нет, но есть Царица. Смотрим, что же далее происходит. А происходит следующее: икона пропадает, и только потом мы узнаем, что с 1929 по 1988 годы она находилась в Историческом музее! То есть на Красной площади! Все эти годы икона стояла незримым щитом над Россией у самых стен Кремля!

СА: Как и полагается Царице. А вы знаете, в какой день началась и закончилась Великая Отечественная Война?

АП: Война началась 22 июня, кажется, в праздник...

СА: В День всех святых, в земле Российской просиявших. Исторический разгром немцев под Москвой начался 5–6 декабря 1941 года. В эти дни Православная Церковь празднует память святого благоверного князя Александра Невского. А 17 июля 1944 года, в день убиения Царской семьи, по улицам Москвы были проконвоированы 56 тысяч фашистских военнопленных. Таким образом, Советская Россия, ведущая победоносную войну с Германией, почтила день памяти последнего Государя. Великая Отечественная война завершилась на Пасху, а в Празд-

ник Святой Троицы, 24 июня, на Красной площади был проведен Парад Победы. И принимал его по воле Генералиссимуса Сталина воин Георгий на белом коне!

АП: Ого! Слава Александровна, а я даже знаю, что у вашего рода есть своя заступница...

СА: Это невозможная история. Однажды к моему мужу приехал отец Валериан Кречетов – причастить его, исповедовать, и вдруг спрашивает: «А знаете ли вы, какой сегодня день?» Муж открывает церковный календарь: «Сегодня день Ченстоховской иконы Божьей Матери». Отец Валериан тогда и говорит: «Это покровительница вашего дома». А муж прямо подпрыгнет: «Так ее же мой отец спас! После учебы в Академии Генерального штаба, в 1912 году, Борис Михайлович Шапошников служил в Польше, в городе Ченстохове. И вот как-то к нему приходит городской глава: «Пан офицер, помогите – похищена наша икона из Ясногорского монастыря». Русские офицеры поднялись по команде, и нашли икону – ее хотели вывезти в Америку. Польская святыня была спасена. Позже Войцех Ярузельский сказал Борису Михайловичу Шапошникову: «Наш народ никогда не забудет, что вы для нас сделали».

АП: Спасибо вам, дорогая Слава Александровна! И закончить эту передачу я бы хотел словами, которыми молились в вашей семье и в годы Великой Отечественной войны, и в непростые советские времена...

СА: Спаси, Господи, мою Россию и русский народ!

АП: А к вам, дорогие наши телезрители, вопрос: назовите, пожалуйста, основные православные храмы Польши и какими историческими и духовными узами Польша связана с Россией. И уже наш традиционный вопрос: три основные качества поляка.

Спасибо. Напоминаю, что вы смотрели передачу «История рядом с нами». С вами были: Слава Александровна Шапошникова, невестка маршала Советского Союза Бориса Михайловича Шапошникова, и ваш покорный слуга, Романцев Александр Павлович. До новых встреч!

Глава 4

Встреча

Жена и дети больше всего боялись получить «овощ», поэтому переговоры психологов с главврачом и родственниками больного прошли на удивление быстро: пока Романцев был без сознания, решено крутить видеоролики его передач. А идею эту подбросил друг Романцева – биолог Петр Федорович Купцов. Узнав об аварии, он связался со своей дочерью, которая вышла замуж в Германии, и уже через день клиника Ханса Хофмана в Мюнхене приняла пациента под капельницами с частного самолета. Телевидение, дети и друзья не поскупились на лечение. А еще жена больного, Алла Борисовна, попросила перед каждым роликом запускать мелодию их любви, «Шербургские зонтики» Мишеля Леграна.

Маша не отходила от своего подопечного. Что это было: внутренняя рифма на отца? Только теперь не отец, а этот загипсованный человек водил ее по увлекательным страницам русской истории. Из динамиков шел приятный и уверенный голос. А перед ней лежало совершенно беспомощное тело.

Нет, – пыталась разобраться в себе Маша, – скорее она испытывала к этому перевязанному человеку материнские чувства. Он был спеленат, словно ее дитя, и она кормила его с ложечки, меняла памперсы, учила говорить.

Она помнит, как Романцев в первый раз пришел в себя, это было ночью. Открыл глаза, и они оказались серым темными небом. Перед грозой. Он застонал, и она подскочила к нему.

– О! Наконец-то вы очнулись! Как вы себя чувствуете?

– Где... я? – одними губами произнес человек, которого врачи собрали по кусочкам.

– Что? Как вы себя чувствуете? – Маша наклонилась к самому лицу пациента. От него пахло бинтами и мазями. И почему-то грозовым озоновым небом. Глаза в глаза: из-под косматых бровей – в разлет над туманными озерами. Ей показалось, что она в сторожке старого егеря. Ему... что показалось ему?

– Где?.. – прошептал больной.

– Вы здесь, в клинике герра Хофмана.

– Кто?.. – из последних сил вслух произнес очнувшийся. А Маша услышала, что в этом человеке есть характер и он будет жить.

– Не волнуйтесь, все будет хорошо. Утром придет врач. Хотите воды? Уже можно.

И она напоила его с ложечки. Нет, точно дитя, – подумалось ей.

Неделей позже, когда Александра Павловича разбинтовали и побрили – она с интересом рассматривала его лицо и дивилась тому, какой у него волевой подбородок: «Вперед, штурмуем жизнь!»

«Да это мой брат! – решила она, перехватив свое отражение в зеркале. Ее это даже развеселило. – Мой брат! Да, просто брат. Ведь если посмотреть очень-очень свысока: все люди – братья».

Потом она увидела на его груди маленький серебряный крест: нет, не просто брат, а брат во Христе, – она погладила тонким пальцем свой нательный крестик, – вот бы в церковку сходить! Но в Мюнхене она не знала православных храмов. Только одни костелы. Как жаль!

Были, конечно, красивейшие здания, например, Новая Ратуша, расположенная в самом центре Старого города, на площади Мариенплац. Маша любовалась фасадом здания фюреров, мифологическими персонажами, множеством водостоков в виде сказочных существ. На башне Новой Ратуши находится одна из главных достопримечательностей баварской столицы – знаменитые часы с боем. Они бьют ровно в 11 часов утра, а с мая по октябрь еще и в полдень, и в 17 часов. Как она любила этот бой. И еще самый известный символ Мюнхена – собор Фрауенкирхе, необычные купола которого были воздвигнуты в XVI веке.

Но ей сейчас хотелось другого: посидеть в полумраке маленькой церквушки в Москве на Обыденском переулке, зажечь свечечку от лампадки, поставить ее Николаю Угоднику. Папа любил. Он всегда ходил по праздникам в «свою церквушку» и свечи ставил Николаю и к иконе «Нечаянной Радости». И ей, Маше, рассказывал о разбойнике с этой иконы: «Это ведь мы... понимаешь? Человек – он всегда разбойник. А ему Нечаянную Радость Господь каждый раз подает. И всю жизнь мы смиряем своего разбойника, чтобы, может быть, по милости Божьей взойти с ним на Крест, понимаешь?» Но Маша тогда ничего не понимала, она просто любила отцовские истории...

И сейчас она, закрыв глаза, сидела в парке Хофгартен. Как хорошо: центр города, а тихо. Маша глубоко вдохнула: рядом безудержно цвела сирень. Была середина мая. Взять бы сейчас своего папку под руку да у Нечаянной Радости отмолить «своего разбойника»... и не только «своего». Маша вдруг вспомнила своего «братца-разбойника», перепеленатого Романцева, и улыбнулась. И его бы отмолить...

Вдруг рядом кто-то присел. Маша быстро открыла глаза: ого, кажется, священник! В черной одежде, молодой, черноволосый, кудрявый, – просто красавец. Маша растерялась, но он так одобрительно на нее посмотрел, что она переборола смущение.

– Здравствуйте! – сказала она по-русски.

– О! Здрафствуйте! – ответил он тоже по-русски и рассмеялся.

Голос у священника был густой и приятный, а темные глаза лучились искорками. Мужчина протянул Маше ладонь.

– Томас.

– Что?

– Меня зовут Томас. – Он опять засмеялся. – В крещении – Фома, отец Фома.

Девушка смущенно пожала протянутую руку. Православный священник что ли? Как там папа просил благословение? Но не вспомнила и оттого смутилась еще больше.

– А фы из России? – спросил отец Фома.

– Да. Работаю тут в клинике. Не далеко... А вы действительно православный священник?

– Странно?

– Да, – призналась Маша. Повисла неловкая пауза. Девушка набралась храбрости. – А почему вы православный? Вы же, наверное, были католиком?

– Протестантом. По рождению. Да. Но... – он посмотрел на часы, – я сейчас должен уходить. Если хотите – приходите ко мне.

– Куда?

– В Рюсский кафедральный собор.

– Я не знаю, где он...

– Я фас провожу.

– Хорошо. Я здесь часто бываю. Это моя скамейка.

– И моя тоже, – засмеялся отец Фома. – Зафтра праздник большой, приходите! – Он посмотрел на часы. – Уже сегодня.

- Что?
- Канун праздника. Пойдете?
- Я не знаю... у меня очень тяжелый больной. А какой праздник?
- Иконы Богородицы Нечаянная Радость.
- Господи! – Маша всплеснула руками.
- Что случилось?

- «Нечаянная радость»! Папина икона... и у меня «нечаянная» радость – мой больной вышел из комы!
- Тогда отслужим благодарственный молебен. Пойдемте!
- Но... – замешкалась Маша и посмотрела на часы.
- Никаких «но». Это – хорошо, это – прафильно.

Интервью № 5

Иван Ильин и русское качество

АП: Здравствуйте, уважаемые телезрители. Сегодня у нас с вами редкая возможность прикоснуться к одной из самых загадочных тем нашего цикла. Образно говоря, мы попробуем ответить на вечный вопрос: «Что такое “хорошо” и что такое “плохо”». А раскрыть эту загадку нам поможет наш сегодняшний собеседник, академик Академии качества РФ, лауреат премии Совета Министров СССР, известный литератор, исследователь творчества Александра Ивановича Куприна, награжденный за свои книги медалью имени Маяковского, – кибернетик Альберт Александрович Цветков.

АА: Здравствуйте, Александр Павлович, здравствуйте, уважаемые зрители.

АП: Позволю себе зачитать несколько строк из биографии Альберта Александровича, опубликованной в сборнике его стихов: «Родился 16 марта 1933 года в Ленинграде, в семье служащих. Мать родом из дворянской семьи, воспитывала сына до школы дома. Сады, парки, дворцы, музеи Ленинграда, его гармоничная архитектура, живой дух времени, литературы, живописи навсегда вошли в душу маленького человека. Неизгладимые, тяжелые впечатления оставила война, блокада, эвакуация. В 1944 году семья оказалась в Москве. Здесь Альберт закончил школу с золотой медалью. Поступил в высшее училище им. Баумана и окончил его с отличием. Всегда красив, строен, остроумен и весел, в молодости занимался спортом и прекрасно танцевал». Альберт Александрович, может, вы нам продемонстрируете несколько «па» шестидесятых?

АА: О нет, пожалуй, в следующий раз. Я специально подготовлюсь.

АП: Хорошо, будем ждать. Итак, продолжим: «Успешно занимался в закрытых учреждениях страны. Закончил аспирантуру, защитил диссертацию. За участие в разработке и внедрении в войска двух систем автоматического управления награжден “Орденом Трудового Красного Знамени” и медалью “За трудовую доблесть”. А за цикл работ по внедрению десяти пакетов военных прикладных программ ему присвоено звание “Лауреат премии Совета Министров СССР в области программного обеспечения и информационных технологий». У Цветкова более 100 научных работ по укреплению обороноспособности нашей страны. Жизнь круто повернулась с началом перестройки...» И тут с Альбертом Александровичем случается одно странное событие, о котором пусть он расскажет сам. Альберт Александрович, пожалуйста, поведаете нам, что же случилось дождливым осенним вечером 1990 года.

АА: Я шел домой с работы по проспекту Мира. Осталось только перейти на другую сторону. И вдруг я почувствовал, что сильно устал, и – остановился.

– Давайте отдохнем, молодой человек, – сказал мне невесть откуда появившийся рядом старичок. Потертый тулупчик, на голове старенькая ушанка, в руках – палка. А глаза удивительные: мягкие, внимательные, улыбчивые.

– Ну что ж, дедушка, давайте постоим.

– Вы там живете? – старичок указал прямо на мой дом.

– Да, это мой дом – удивился я.

– Хорошие, добрые люди живут в этом доме. А вы в выборах районных будете участвовать?

Знаете, Александр Павлович, дедушка прямо угадал мои мысли. Именно об этом я и думал сейчас всю дорогу. Мне тогда предложили стать кандидатом в депутаты. А я все размышлял: надо ли?

– Вот и идите. Вы хороший человек, добрый человек. Вам надо стать депутатом. А я буду за вас голосовать. Все будет хорошо. Вы в Бога верите? – спросил вдруг он.

Что я мог ответить? Ответил, как есть. Мол, всегда испытываю волнение, когда вхожу в храм, но дальше этого не пошло.

– А вот я в Бога верю. У меня и иконка есть, и лампадка перед ней горит...

Старичок исчез так же, как и появился. Он прошел по лужам, не оставляя следов, и от палочки не было кругов! Исчез!

АП: Как исчез?

АА: Я на миг на что-то отвлекся – а его и след простыл. Словно растаял! Вот такая история. Если б это произошло не со мной, – не поверил бы.

АП: И через некоторое время вас выбрали в депутаты Дзержинского районного совета, не так ли, Альберт Александрович?

АА: Да.

АП: То есть старичок оказался прав?

АА: Более того, вопрос о Боге затронул мою душу, открыл целый мир новых взглядов и мыслей. И в 1993 году я принял крещение. А еще через несколько лет был написан мой доклад в Академии качества, о котором мы сегодня, я надеюсь, поговорим...

АП: Постойте, постойте, Альберт Александрович! А как же членство в союзе журналистов Москвы, а три книги об Александре Куприне, а медаль имени Маяковского?

АА: Да, это моя вторая часть деятельности. Вероятно, сказалось то воспитание, которое заложила во мне моя мама. Но боюсь, что в рамках сегодняшней передачи мне не уместить все то новое, что хотелось бы рассказать и об известном писателе, Александре Ивановиче Куприне, и о многом другом...

АП: Хорошо, давайте вернемся к тому случаю, со старичком. Вы больше с ним не встречались?

АА: Нет. Но впечатление об этой встрече осталось у меня на всю жизнь. Долгое время я об этом никому не рассказывал, пока не услышал, что подобные случаи происходили и с другими людьми, и происходят в настоящее время.

АП: И вот скажите, теперь у вас есть предположение, кто же это мог быть?

АА: По некоторым характерным деталям, которые накопились у меня за это время, думаю, что по какой-то причине я удостоился встречи с Николаем Чудотворцем.

АП: А что это за детали?

АА: Ну, например, я слышал, что в таких случаях к мужчинам Николай Чудотворец часто обращается «хороший», а к женщинам – «милая». Да и образ старичка в потертом тулупчике с посохом и узелком... тоже. Согласитесь, нетипичный образ для современного города. И ощущение легкости, света и радости.

АП: Вот какая, дорогие телезрители, неожиданная встреча произошла у Альберта Александровича в наши лихие перестроечные года. Встреча, которая, возможно, укрепила будущего академика в правильности выбранного им пути. А теперь перейдем к тому сообщению, которое произвело такое, я бы сказал, шокирующее впечатление на профессоров известной Академии качества и за которое, кстати, вы и получили звание «академика». Все ли правильно я сказал, Альберт Александрович?

АА: Да, все правильно.

АП: Итак, во все времена главным вопросом человечества было «как жить хорошо и еще лучше». Иными словами, человека всегда интересовал вопрос «качества жизни». Недаром в советские времена был введен всем известный «Знак качества», который ставили только на образцы высококачественной продукции. По крайней мере, так подразумевалось.

АА: Видимо, советское государство тоже оценило важность качества. Но, увы, оно так и не смогло реализовать идеи Ивана Александровича Ильина.

АП: О да! Я не забуду, как году примерно в 90-м, во время строительства дачи, мы, по записи, целый год стояли в очереди за кирпичом первого сорта, а когда нам его привезли, то

20 % рассыпалось на куски при разгрузке. А еще процентов 10 % была полная некондиция. Вот тебе и качество

АА: Да, к сожалению, это так. Что там кирпичи, страна разваливалась на куски.

АП: Хорошо, а что же мы видим здесь и сейчас? От чего в наше время зависит качество нашей жизни? Сколько машин в гараже должно быть у каждого российского гражданина, чтобы он чувствовал себя полноценным членом общества? Что важнее всего для современного человека? Куда идти России и как выбраться из сегодняшнего кризиса? Альберт Александрович Цветков берется ответить на эти и другие вопросы. Слушаем вас, Альберт Александрович.

АА: Уважаемые зрители, моя задача гораздо скромнее. Может, для вас будет некоторым откровением, что вопрос качества жизни так же актуален, как и почти сто лет назад. Не так давно в нашей стране праздновался очередной юбилей со дня рождения известного религиозного философа Ивана Александровича Ильина. Его статья «Качество жизни и духовность», написанная в 1928 году, на одном из учебных сайтов предлагается и сейчас как «Программная статья для современных менеджеров по качеству».

АП: Неужели до сих пор актуальна, Альберт Александрович?

АА: Вопрос не простой. Само понятие «качество жизни» включает в себя определенный набор необходимых параметров и условий жизни людей.

АП: Так вас что-то смущает? Кстати, а что наше государство понимает под этим выражением?

АА: Да, хороший вопрос. По мнению социологов, высокое качество жизни подразумевает достаточную продолжительность здоровой жизни, гарантированный доступ к материальным благам, удовлетворительные социальные отношения, равноправие, благополучие семьи, доступ к знаниям, комфортные условия труда и так далее. Но необходимо не только перечислить критерии качества жизни, но и указать пути возможного их достижения. Как добиться высокого уровня качества жизни? Лучше и больше работать? Да, но если я буду работать в два раза больше, то это может ухудшить мое здоровье, а значит – и мое качество жизни. Чем больше работаешь – тем ниже качество жизни, замкнутый круг. Да и потом, кто и как распределяет плоды затраченного вами труда? Поровну или по труду? Или кто успел – тот и съел? А чье качество жизни важнее: ваше или соседа? Или, так сказать, среднее по больнице?

АП: Ой, ой, ой! Подождите, Альберт Александрович, давайте мы не будем забывать, что наша программа называется «История рядом с нами».

АА: Не будем. Действительно, история человечества нам показывает, что проблеме качества всегда уделялось значительное внимание. Но мне бы хотелось рассмотреть эту проблему с точки зрения «духовность – качество – стандарт».

АП: То есть вы хотите сказать, что качество жизни напрямую связано с нравственностью общества?

АА: Давайте заглянем в историю. По Ивану Ильину духовность – это то, что выделяет человека из царства живого; возможность накопления и хранения Божественного (вечественного) опыта. В своей лекции «Кризис безбожия» (1935 год) Ильин подчеркивает, что «Бог есть дух и открывается только духовному опыту человека». Чуть позже Ильин дает определение духа (духовности) через качество и совершенство: «Дух есть любовь к качеству и воля к совершенству». Отсюда немедленно следует определение качества: качество – это достигнутое на земле совершенство. И еще один важный для практики вывод: качество жизни и качество духовности – векторные величины, указывающие путь к совершенству.

АП: То есть они смотрят в одну сторону, так я понимаю?

АА: При этом мы должны немедленно задать себе вопрос: качество жизни кого мы собираемся рассматривать: всех сразу или отдельного человека?

АП: Я думаю, что в религии всегда обращались к конкретному человеку.

АА: Да, верно. Но тем не менее XIX–XX века прославились неоднократными попытками осчастливить все человечество сразу. Попытка Пол Пота, уничтожившего 25 % населения Камбоджи ради абстрактного «качества жизни всех», была последней в XX веке.

АП: Да-да, я думаю, у всех на памяти кадры массовых репрессий в этой стране.

АА: Итак, рассмотрим становление религиозной стандартизации.

АП: Религиозной чего, простите?

АА: Стандартизации. Человечество, обретя оседлый образ жизни, столкнулось с проблемой экологического кризиса, который удалось преодолеть только религиозным путем. Язычество определило наличие разнообразных духов во всех предметах и с помощью грозного табу запретило человеку все, что не разрешено жрецами, говорящими от имени этих духов.

АП: То есть вот: сруби два дерева, а три – нельзя, духи рассердятся. Две рыбы поймай, а двадцать – нельзя, по той же причине. И будешь делать то, что тебе сказали!

АА: Да. То есть был воплощен принцип: «Запрещено все, что не разрешено». Так возник первый религиозный стандарт. Это способствовало становлению морали экономного расходования ресурсов, повысило степень организации труда, что привело и к повышению его производительности. Но притормозило развитие творческих, исследовательских способностей человека. Так, например, в ремесле это вылилось в запрет на отклонение от образца.

АП: И как же дальше?

АА: А дальше развитие религиозных стандартов пошло по пути расширения творческих возможностей человека. Так во втором тысячелетии до нашей эры возникло единобожие, освободившее человека прежде всего от страха перед количеством богов. По каждому вопросу не надо было теперь обращаться к жрецу.

В I веке до нашей эры была произведена самая крупная реформа в области религиозной стандартизации. Десятью заповедями Моисея принцип «запрещено все, что не разрешено», был заменен на принцип «все разрешено, что не запрещено».

АП: Минуточку. То есть в первом случае ничего было нельзя, пока жрецы не разрешат. Да?

АА: Да.

АП: А во втором – ограничивался только круг неразрешенного. Остальное было можно. Так?

АА: Да, правильно. В этом и есть прогрессивный смысл заповедей Моисея. Тем самым и в религиозной жизни, и в производстве было разрешено «необходимое разнообразие» для оптимизации деятельности человека. А человек увлекся другим. Он начал множить ограничения «подзаконными актами». Так появился Талмуд и талмудисты, берущие на себя обязанности по расшифровке этих новых ограничений.

АП: Небольшая справка: Ветхий Завет содержит более шести сотен религиозных запретов, распространяющихся как на сакральную (священную), так и на секулярную (светскую) область жизни: прием пищи, одежду, сексуальное поведение и так далее.

АА: Кстати, некоторые ограничения сняты личными указаниями Иисуса Христа, провозгласившего, например, что «суббота для человека, а не человек для субботы», и тем освободившего христиан от шаббата. Или что «ничто, извне входящее в человека, не может осквернять его», и тем освободившего христиан от пищевых запретов, например, от запрета есть не кошерную пищу.

АП: Я знаю случай, когда в Израиле провалился проект разведения большой пресноводной креветки: не кошерная.

АА: Но не только некоторые изменения в Ветхий Завет принес Христос 2000 лет назад. Человечеству была предложена новая религия, с совершенно новым подходом к стандартизации. Вместо ограничительной системы стандартов была предложена система с бесконечно удаленной целью недостижимого на земле совершенства. Есть ограничения только с боков, а

вверх – бесконечно. В этом суть девяти заповедей Нагорной проповеди Христа с точки зрения теории качества. Новый Завет – Завет совместной работы людей, дающий новый эффект. Что принципиально – впервые появилось понятие «соборности», по сути – предложен новый принцип – принцип «коллективного разума», как модно сейчас говорить.

АП: А вот с этого момента, пожалуйста, поподробнее. Как теперь выглядит производственная схема? Какие стандарты мы должны применять? И как?

АА: Образно говоря, легко сломать по отдельному пруту метлу, но метлу в «сборе» – тяжело. То есть у метлы появилось новое качество, не присущее отдельному пруту. Появление Завета «совместной работы людей» привело к дальнейшему росту и укрупнению производственных мощностей и, соответственно, к повышению производительности труда.

АП: Но, извините, где же стремление к «качеству»? Какие конкретно стандарты мы должны использовать, чтобы добиться «русского качества» по Ильину? Ведь Иван Александрович говорил еще в 1928 году: вот оно, мол, грядет!

АА: Мне трудно судить за Ивана Александровича... По моему мнению, сегодня, без обращения к нынешним религиозным стандартам, невозможно достичь экономического процветания. А попросту можно сказать, что вопрос качества – это, прежде всего, вопрос совести. А самый высокий нравственный стандарт, предлагаемый для достижения совершенного качества – это, конечно, любовь.

АП: Я думаю, что Иван Александрович вас бы поддержал.

АА: Да, да, только с верой, надеждой и любовью, только с данной нам мудростью, возможно достичь национального возрождения России. И я в это верю!

АП: Вот так, дорогие наши телезрители. Как видим, без любви ничего не выходит хорошего не только в жизни отдельного человека, но и в экономике целой страны. Позволю себе завершить нашу передачу словами Ивана Ильина: «И ныне верить в русское национальное возрождение – значит верить в грядущую победу качества, в победу верности над предательством, знания над невежеством, труда над хищением, воли над страстностью, верить в победу божественных сил над сатанинскими... Имя этой волевой идеи – РУССКОЕ КАЧЕСТВО!»

Спасибо, Альберт Александрович. Дорогие телезрители, с вами был человек удивительной совести и удивительной эрудиции – Альберт Александрович Цветков, а также ваш покорный слуга – Александр Павлович Романцев. История рядом с нами. До новых встреч!

Маша с интересом досмотрела передачу до конца, даже прокрутила ее несколько раз подряд. Качество духовной жизни... и любовь?

Глава 5

Первые шаги

Постепенно разум АП стал проясняться, точнее, мозг его все больше освобождался от боли. И она стала прятаться, уступая место привычным для здорового человека ощущениям. Он уже отчетливо осознавал, что лежит один в комнате, что по какой-то причине любое движение вызывает боль. И боль бывает разной: острой как нож, глухой и ноющей, дергающей и свербящей или гудящей, как колокол, во всем теле. Он к ней привык и решил, что это обязательное условие любого движения. Как привык видеть около себя девушку с теплыми серыми глазами. АП ждал ее прихода, томился, прислушивался к легким, торопливым шагам, колокольчику ее детского смеха. Других сиделок он просто терпел. Даже никак не мог запомнить их имена, хотя розовощекая Марта, изящная Гретхен и пухлая Кэт несомненно привлекали внимание окружающих. Наконец, он стал приподнимать руку и пользовался этим жестом как сигналом, чтобы выключили экран или свет в комнате. А чаще – то и другое вместе. Скоро пришла нестерпимая череда вопросов. «Кто я? Почему лежу? Почему так больно? Кто эти люди? Зачем эти люди на экране? Кто эта девушка?» И еще и еще... Но сил задавать их не было. А девушка каждый раз просила его: «Скажите па-па, ма-ма, ба-ба», – детский сад какой-то... Стоп! Что такое «детский сад?» Память услужливо выдавала отрывки чего-то знакомого, но непонятно как это связать в одно целое... Очень тяжело, но надо. Надо. Он должен все вспомнить и понять, кто он и что здесь делает. Ее зовут Маша. Сестра... мед. Медсестра.

– Ма-ша! – АП произнес это как «ма-ма».

– Ой, вы запомнили!

– Маша, – АП пошевелил рукой.

– Ага, понятно! – Маша встала и выключила телевизор.

– Маша, – АП опять сделал движение рукой. Маша погасила свет.

Он устал, но был очень доволен собой, так и заснул с полуулыбкой на воспаленных губах.

* * *

– Постепенно мы будем выводить пациента из этого состояния, но пока он еще очень, очень слаб.

Белоснежный халат врача, казалось, поскрипывал от крахмала. Галстук, рубашка, колпак, ботинки – все безукоризненной чистоты. «Чай, Германия», – усмехнулся про себя Георгий и вслух добавил:

– И правильно. Спешка тут не нужна. Лечите сколько надо. Главное – результат. Мы не покусимся ни средствами, ни временем. – Он обернулся к белесому парню. – Пожалуйста, переведите это как можно точнее герру Хофману. Если нужен еще год – значит, год. Два – значит, два. И все счета отправляйте лично мне. Я прослежу, чтобы клиника не испытывала финансовых затруднений при лечении глубокоуважаемого Александра Павловича. – Георгий обратился к врачу. – *Zeit und Marken ist alles gut!*

Лицо герра Хофмана, и без того узкое, вытянулось еще больше.

– Не надо... – отчеканил он, – я понимаю по-русски.

* * *

Время для АП измерялось только сменой дня и ночи. Но постепенно он начал отмечать и другие перемены. Дождь, утреннее солнце, шум листвы, лай собак все отчетливее проникали в его затуманенное сознание. Его заново учили есть, пить, разговаривать.

– Ну малое дитя, да и только, – всхлипывала жена, ежедневно посещая больного Романцева.

– Алла Борисовна, вам бы радоваться надо, ведь буквально с того света вытащили, в коме столько был, вспомните! – Георгий деликатно подал заплаканной женщине платок.

– Спасибо вам, Георгий, вы так помогли нам, если бы не вы...

– Ну что вы, Александр Палыч – мой друг, а уж потом – компаньон. И мы делаем все возможное, чтобы поскорее вернуть его в строй. Он еще у нас с горных склонов кататься будет!

Женщина печально улыбнулась.

– Да точно я вам говорю, вы же знаете его, он не сдастся ни за что!

– Да-да, конечно, он-то не сдастся. Главное, еще бы нам... выдержать, – всхлипнула в платочек Алла Борисовна. – Вы принесли его новую фонотеку, Георгий?

– Да, передал Маше.

– Кто такая?

– Сиделка.

– А-а... та...

– Вы знаете, доктор Хофман о ней очень высокого мнения. Говорит...

– Да не важно, – отмахнулась Алла Борисовна и машинально поправила точеной рукой высокую прическу. – Бог с ней. Я только не понимаю, зачем мы человеку, который находился в коме, крутили его фильмы? И сейчас... сейчас показываем их тому, кто даже имени своего не помнит!

– Герр Хофман сказал, что это глубинные процессы возвращения к себе. Восстановление памяти. Идентификация, понимаете?

– Ничего я не понимаю, Гоша. Кроме того, что безмерно устала, и у меня даже сил на надежду...

Она отвернулась к окну: у фонтана в коляске спал ее спеленатый бинтами муж, а рядом на скамейке, у куста жасмина, дремала уставшая, серая Маша.

Межглавие

– Я – Рюрик! – Романцев стоял на высоком крыльце деревянного терема. Внизу волновался народ. – И я говорю вам...

Кто-то пытался противиться речи вождя. Рюрик сурово посмотрел на него из-под лохматых бровей, и тот невольно осекся.

– Мы – одного корня, мы – дети Перуна! Желаете нас? – разнесся над головами его могучий глас.

– Желаем! Любо! Правь нами! – раздалось со всех сторон. – И да будет наша земля нарядна и упорядочена!

Рюрик и его дружина поклонились в пояс собранию. И вся площадь заколыхалась. Народ, который в это мгновение прирастал к нему, народ, своенравный и непостоянный, по завещанию Гостосмыслову впервые склонил выю перед Государем.

– И ни один враг не возьмет эту землю. Вот вам на то мое слово! – молвил он с расстановкой.

Романцев чувствовал, как наполняется силой все его существо. И сила эта ворочалась в нем от бескрайних просторов, от вековых деревьев, от студеных морей и окнянов. Подобно тому как скрытые подземные жилы наполняли чаши озер целительной влагой – так и он, могущественный Рюрик, наполнялся силой и пробуждался вместе со всей русской землей! А земля благоухала жасмином и в обмершей вдруг городской тишине где-то близко, совсем рядом, вывел раскатистое коленце маленький серый соловей.

Интервью № 6

Обретение русской истории

Беседа с профессором Сергеем Викторовичем Алексеевым

АП: Сегодня мы зададимся одним из самых обсуждаемых вопросов в древней русской истории. Кто такие были варяги, если они были, и зачем их надо было приглашать? Есть мнение, что, собственно говоря, русское государство уже было задолго до того... И поможет нам в этом разобраться член Императорского Православного Палестинского общества, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, специалист по истории древней Европы и раннему Средневековью – Сергей Викторович Алексеев.

СВ: Здравствуйте, уважаемые телезрители. Действительно, рождение русской государственности – это один из самых спорных и обсуждаемых периодов древней Руси, и здесь сразу надо сделать несколько замечаний. Прежде всего, когда именно возникает государство на Руси. Возникновение государства, исходя из здравого смысла, это не одномоментный факт, а длительный процесс преобразования племенного, первобытного, до-государственного уклада. Если мы посмотрим, когда на Руси появляется писаное право, один из важнейших признаков государства, – то это период с конца X века. Если мы посмотрим, когда Русь выходит на международную арену получать международно-правовое признание, когда появляются первые русские акты – это тоже X век, правда несколько раньше, – международные договоры Руси относятся к первой половине X века. Если же мы посмотрим на развитие культуры, на то, что традиционно называется цивилизацией: появление городов, письменной культуры, литературы, все это происходит на протяжении X и даже первых десятилетий XI века. Поэтому тот ранний отрезок времени, о котором мы сегодня будем говорить – это еще предгосударственный период. IX век – это время, когда только создавались условия для появления русского государства. В этом отношении Русь подобна другим государствам Северной и Восточной Европы, которые складывались на протяжении IX–XI веков, иногда позднее. Скажем, в скандинавских странах образование государственности вполне завершилось в XII, а местами даже в XIII веке. Некоторые славянские племена так и не сумели создать полностью оформленной государственности, – если говорить о славянах полабского региона, поморского региона. Польское государство складывалось довольно длительное время, и общепольское писаное право появилось вообще только в XIV веке в результате централизации польских княжеств.

АП: То есть то, что государство складывается на протяжении длительного времени, это естественное явление?

СВ: Конечно. Еще один момент, который был долго в центре научных дискуссий и, к сожалению для трезвомыслящих ученых, на него переключается внимание и сейчас, – это даже не само наличие или отсутствие каких-то внешних воздействий на формирование древнерусского государства, сколько пресловутый «норманнский вопрос». Здесь четко надо понимать две вещи и, поняв их, больше к этому не возвращаться. Государство не возникает просто из-за того, что кто-то приплыл из-за моря. Государство не основывается одним человеком, пусть самым выдающимся, чего, кстати, нельзя сказать о полулегендарном основателе древнерусской правящей династии – Рюрике, который, за пределами летописных преданий, фигура совершенно неизвестная. Те, кто считает иначе, независимо от того, выводят ли они нашу государственность от кельтов, германцев, от западных славян (что почему-то вошло у нас в моду) – они, мягко говоря, очень упрощают картину. Это было естественно, когда наши знания были ограничены в XVIII–XIX веках, но все-таки в начале XXI века это уже непростительно. Госу-

дарство возникает в результате потребности общества, развития общества, по многим причинам, и это не может быть только внешний импульс.

С другой стороны, само по себе наличие внешних импульсов, внешних влияний, присутствие различных этнических групп в нарождающейся государственной элите – в этом опять же нет ничего необычного. Особенно в родоплеменную эпоху, когда этнос хотя и значил многое, но все-таки больше значила именно племенная принадлежность, принадлежность к знатному или незнатному роду. Когда создавалось государство, оно включало в себя те или иные родоплеменные элементы. Это не могло не оказывать своего влияния, тем более на таком «перекрестке» народов, которым была Восточная Европа. Где наряду с основным населением: славянами, финно-уграми, балтами, присутствовали кочевые народы с востока, присутствовали те же скандинавы, искавшие торговых путей на Восток. Были внешние влияния из Византии, отдаленные, – с арабского Востока. Поэтому естественно, что мы встречаем среди древнейших имен русской истории имена и скандинавские, и тюркские, наряду со славянскими. Поэтому не надо отождествлять этническую принадлежность с одной только кровью; этнос, – это язык и самосознание в первую очередь, и уж тем более нельзя однозначно определять этнос тех или иных персонажей по их именам. Даже если мы из преданий можем предполагать, что в жилах человека со скандинавским именем течет скандинавская кровь, то мы не можем знать с уверенностью, на каком языке он говорил и кем себя осознавал.

Кроме того, внешний импульс – достаточно частый факт истории. Так греческая государственность не родилась бы без финикийского влияния и влияния других восточных народов через древний Крит, государство Древнего Рима, его историю невозможно представить без греческих колоний в Италии, германцы обрели свою государственность, завоевав римские земли, приняв христианство и восприняв римское право. Если говорить о славянском мире, то ключевую роль здесь сыграло, с одной стороны, особенно у западных славян, столкновение с государственной машиной франкской империи, от которой так или иначе надо было защищаться, а с другой стороны, для южных и восточных славян, – это выстраивание взаимоотношений с Византией, чтобы говорить с ней на равных. Заключать торговые сделки, политические соглашения и так далее, включая знаменитый путь «из варяг в греки». Таким образом, стремление выстроить общество по образу и подобию того, с кем приходилось общаться, – все это сыграло свою роль в строительстве государства.

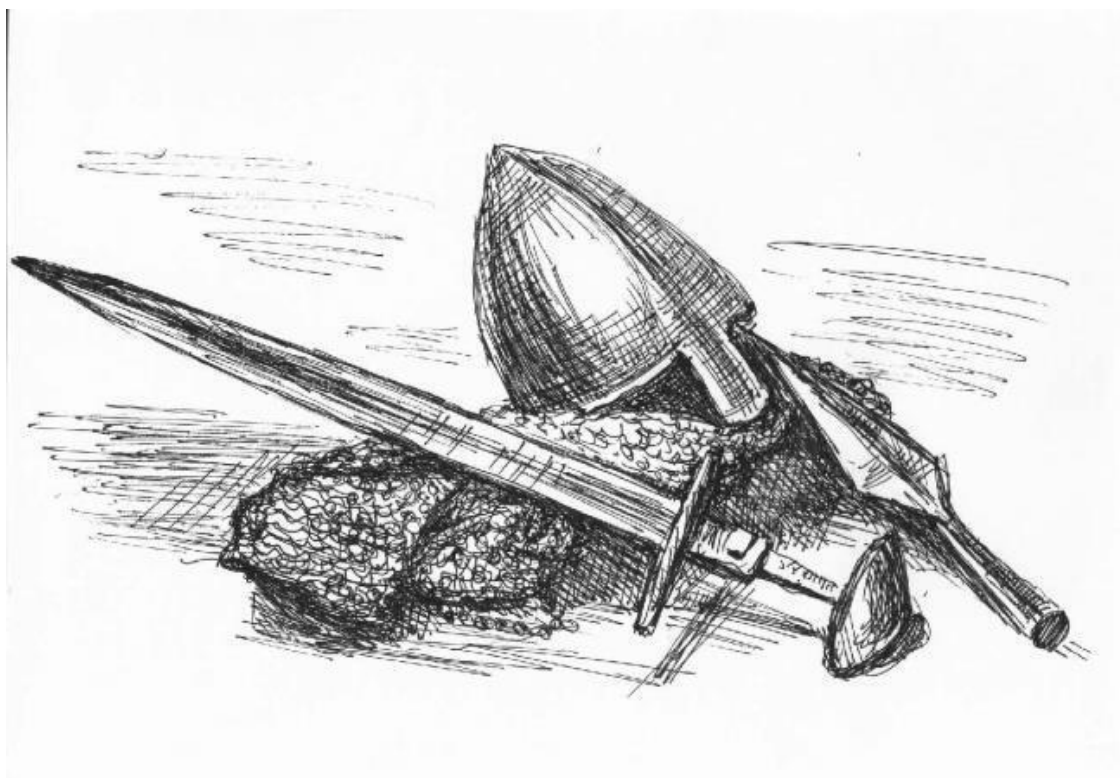
АП: Сергей Викторович, скажите, а что из себя представляла ранняя Русь в это время?

СВ: Прежде всего надо сказать, что об этом периоде Древней Руси знания наши ограничены. И в определенном смысле они существуют в трех разных измерениях, которые не вполне пересекаются между собой. Во-первых, кое-что о Древней Руси и восточных славянах мы знаем из иностранных источников IX и более поздних веков. Это греческая, византийская традиция, это арабо-персидские сочинения, это латинские источники. Из них мы узнаем, что в IX веке появился в Восточной Европе народ русь, находящийся в военных и торговых отношениях с соседями, беспокоивший всех набегами, включая Византию. Узнаем кое-что о внутреннем устройстве восточнославянских племенных объединений и руси, названия некоторых восточнославянских племен. То есть имеются общие контуры ситуации, но она нуждается в раскрытии. По большому счету до появления в X веке на киевском престоле Великого князя русского Олега, мы не имеем даже достоверных имен вождей, которые действовали на этом восточноевропейском пространстве. Упоминается в арабском источнике X века царь Дир. Имя, совпадающее с именем одного из легендарных князей, правивших до Олега. Это интересно, но требует доказательств.

Второе измерение – археологическое. Археологические источники – это те, которые пополняются постоянно, расширяя наши знания о Древней Руси. Многие выводы корректируются, например, границы археологических культур, но иногда это большая проблема. Если, скажем, к югу от Оки и верховий Днепра культуры считаются славянскими, то к северу от

верхнего Поднепровья, в землях летописных кривичей, летописных словен ильменских, – там, где, к слову, и возникло понятие «русь», – не все ясно. Что там присутствовали древние славяне, в настоящее время никем не отрицается, но кто там еще присутствовал: балты, финно-угры, скандинавы? И каков вклад каждого из них в формирование общего этноса? – Здесь у археологов есть дискуссии. Тем не менее археология обеспечивает нас богатым материалом, который позволяет нам в общих чертах представить структуру расселения, экономический и культурный уровень развития народов, населявших Восточную Европу. Очень ценным источником как раз по формированию системы торговых путей являются уже многочисленные в IX веке, взрывным образом нарастающие в числе, клады восточных монет. Арабский дирхем был основной валютой не только Ближнего Востока, но и Восточной и Северной Европы начиная с IX века. Позволяют археологические данные уточнить процесс складывания первых прото-городских поселений и далее городов Древней Руси, а затем и появление ведущих великокняжеских и удельных столиц, включая Киев, Новгород. Из них следует, что в IX веке существовали: так называемое Новгородское или Рюриково городище (самого Новгорода еще не было), Ладога, Ростов, Полоцк, Смоленск, – и другие центры, которые на протяжении IX, первой половины X века появляются не только в летописных преданиях, но и на археологической карте.

И наконец, есть третий срез – это летописные предания, записанные, самое раннее, спустя двести и более лет после событий середины IX века и спустя сто с лишним лет после событий первой половины X века. Насколько мы им можем доверять, насколько достоверны даже генеалогические данные о древнерусской княжеской династии, которые там указаны, – на этот вопрос ответа у нас нет, и, в общем, однозначного ответа при нынешнем состоянии источников у нас и не будет. С этим связано большое количество версий и о самом происхождении династии, вошедшей в историю как Рюриковичи, и о конкретных событиях того времени. В связи с этим, практически у каждого исследователя, занимающегося историей древнейшей Руси, есть своя интерпретация летописных известий за IX, а значит, и за первую половину X века. Надо иметь в виду, что здесь есть вещи, более-менее подкрепленные археологией или современными тому времени письменными источниками, а есть вещи, которые известны из летописных преданий и которые нуждаются в интерпретации. Помимо этого, еще есть скандинавские саги, еще менее достоверные по крайней мере с точки зрения времени их записи, содержащие кое-что, какие-то смутные воспоминания о набегах на Восточную Европу в IX–X веках, но, как правило, в совершенно фантастическом обрамлении.

АП: Например, какие?

СВ: Скажем, имеется «Сага о Хрольве Пешеходе», где вокруг исторического по имени персонажа, основателя Нормандии во Франции (о чем, впрочем, в самой саге ни слова не сказано), разворачивается целая фэнтезийная эпопея с противостоянием добра и зла, демоническими врагами и битвами волшебников, – все это на территории Северной Руси. При этом любопытно, что ядро саги отдаленно напоминает наше сказание о «призвании варягов». Но скандинавскими источниками дело не ограничивается. Есть, допустим, венгерские хроники, не менее фантастично описывающие переселение венгров на восток и, в частности, их проход по территории Южной Руси в конце IX века.

АП: Очень интересно...

СВ: А я о чем... Так вот, если мы сопоставим весь материал о древнейшем периоде (особенно у тех народов, где информация проверяема по современным источникам) с исторической реальностью того времени, описанной в нашем русском летописном материале, то мы поймем, что документального изложения событий IX – первой половины X века от русских летописей ждать не следует.

АП: Почему?

СВ: Это предания, это уже интерпретация, причем интерпретация воспоминаний нескольких знатных семейств, северного, в основном новгородского происхождения, которые подавали информацию нашим летописцам.

АП: В которой заинтересованы лично?

СВ: Конечно! Надо еще иметь в виду важный момент, что летописцы наши не пользовались родовой памятью самой династии. Никаких ссылок о сведениях, полученных от князей, – нет. Есть только ссылки на беседы со знатными людьми: с Янем Вышатичем – киевским тысяцким, сыном новгородского воеводы, с Гюрятой Роговичем, – ладожским, а затем новгородским посадником. Вот от кого летописцы черпали родовую память о древнейших периодах истории Руси. А для них, конечно, было важно подтверждение их собственного благородного происхождения.

АП: Позвольте, но мы все выросли на Несторовой «Повести временных лет» и всегда восхищались подробной хронологией этого предания.

СВ: Действительно, в исторической памяти восточных славян начало русского летописания неразрывно связано с именем преподобного Нестора Печерского, и с названием его главного труда: «Повесть временных лет». И тем не менее, нужно осознавать и тот факт, что «Повесть временных лет» – это памятник не того времени, когда происходили древнейшие описываемые в ней события. Надо осознавать, что, когда мы говорим «позвали варягов», мы используем предание, записанное спустя двести лет. А кроме того, оно существует в двух версиях. Одна – версия так называемого «Начального свода» Никона Великого. Вероятнее всего, эту летопись создали под руководством Никона в начале 80-х годов XI века, когда он был игуменом Киево-Печерской лавры. Здесь дат еще почти нет. А вторая версия, подписанная именем Нестора Летописца, – это южнорусская редакция обширного летописного труда, «Повести временных лет». Основанная на Начальной летописи, «Повесть» продолжила летопись до первых десятилетий XII века, и, помимо того, поставила историю Руси в широкий контекст мировой.

АП: Очень интересно...

СВ: Но тем не менее, еще Карамзин 205 лет назад совершенно справедливо заметил, что вся наша ранняя летописная хронология появилась неизвестно откуда, поскольку в то время народ не владел письменностью и, конечно, точные даты никто не запоминал. И если Карамзин еще использовал летописную хронологию, поскольку мог себе это позволить на раннем этапе развития науки, то сейчас большая часть ученых склонна считать, что эта хронология не точна.

АП: Ясно. Хорошо, давайте вернемся к нашей теме. А что представляла из себя территория, населенная восточными славянами на протяжении IX века?

СВ: И по археологическому материалу, и по сообщениям иностранных авторов, и по сопоставлению с другими народами на этапе предгосударственного развития мы можем представить славянское общество того времени как общество, в котором очень большую роль играли родовые начала. Они определяли круг брачных связей, обязывали к кровной мести, определяли права первопроходцев на земли и так далее. Существовали и общины, и объединения родов, во главе которых стояли князья. И таких объединений было множество, во всяком случае около сотни только исследованных гнезд славянских поселений, которые центрировались вокруг городищ-убежищ, святилищ, просто больших поселений, где нередко богатые находки, свидетельствующие, что хотя бы одна-две семьи были людьми состоятельными, составляли элиту. Эти состоятельные люди могли иметь несколько жен, рабов, наложниц, могли заготавливать много продуктов. Но, в целом, уклад таких объединений был достаточно прост. Элита образовывалась из людей, чаще связанных со жреческой, реже, – с воинской функцией, в связи с образованием воинских дружин. Мы знаем из зарубежных источников о таком вот объединении, своеобразной федерации, хорватских племен в Прикарпатье. Это довольно развитая культура, еще не городская, но идущая по этому пути и находящаяся под влиянием с юга – Болгарии, с запада – Моравии, а через их посредство, соответственно, – западноевропейских государств и Византии.

АП: То есть, если бы этот путь продолжался, то...

СВ: Если бы этот путь продолжался, то, вероятно, на восточнославянских землях произошло бы образование нескольких государств, как это произошло в южнославянских землях, особенно в юго-западной части славянского региона, где вот такие крупные племенные союзы переросли со временем в отдельные государства. У нас на восточнославянской территории существовало четыре больших культурных региона, не считая только заселяемого славянами Волжско-Окского междуречья. И в рамках этих регионов – до полутора десятков вот таких вот племенных объединений, которые в IX веке объединялись, видимо, не общей властью, а общим самосознанием, происхождением от одних предков и общими верованиями.

Если бы восточные славяне двигались в этом направлении, то рано или поздно сложилось бы некоторое количество государств на восточнославянской территории. Но, говоря мирским языком, история рассудила иначе, и мы видим, что в IX веке в Восточной Европе появляется сила, которая, в конечном счете, поверх племенных границ, создала собственное политическое объединение вдоль проложенных ею речных путей и, из находящихся на этих путях форпостов, постепенно установила контроль над племенными территориями. Сначала формальный, через сбор дани, и уже в течение X века, постепенно, – государственный. Эта сила – древнейшая русь. Русь как самоназвание людей, как этноним, самоназвание общественной группы, но еще не как название государства.

АП: Сергей Викторович! Так откройте нам, наконец, откуда все-таки произошло название «русь», «русский»?

СВ: Версий, откуда слово «русь» произошло, в науке немало. И ни одной из них со счетов сбрасывать нельзя, но есть наиболее распространенная, так называемая скандинавская или финно-скандинавская теория, которая предполагает заимствование славянами финского слова «руотси», которое обозначало приходящих в земли финнов чужеземцев. А это слово, в свою очередь, произошло от скандинавского, которое означало «гребцы». Есть и балтско-славянская теория происхождения слова «русь», связывающая его с географическими названиями к югу от озера Ильмень. Есть теория древнеарийского происхождения этого названия, связанного с рекой Рось к югу от Киева. Есть колоритная теория кельтского происхождения... Но все-таки, исходя из наших летописных преданий, исходя из археологических источников, сейчас все больше уверенность у историков, что и название «русь», и сама русь появилась на севере. И что до появления Руси в Восточной Европе никакого этноса с тем же названием «русь» ни в Скандинавии, ни у кельтов, ни в западнославянском Поморье не существовало. Когда в IX веке на политической арене появляется Русь, она появляется именно в Восточной Европе и нигде больше.

АП: Скажите, а кем или чем была изначальная Русь?

СВ: Исходя из тех источников, которые у нас есть, точнее всего можно ее определить как этно-социальную группу. Русь в то время – это бродячие, не оседлые люди, хотя были и форпосты руси, которые долго функционировали, в которых жили семьи руси и куда возвращались отряды руси. Такие, как Ладога, Рюриково городище, Гнездово под Смоленском и ряд центров на северо-востоке. А уже с рубежа IX–X века Киев, Чернигов и Шестовицы недалеко от Чернигова. Но в основном русь подолгу на одном месте не оставалась. Византийцы определяют ее как народ кочующий. При этом она занималась освоением торговых путей на восток и на юг, попутно – пушным промыслом и заморской торговлей. Занимались войной, естественно, воюя и с восточнославянскими племенами, и с Византией. В IX веке было совершено по одному походу: на Каспий и далеко на Запад, вместе со скандинавскими викингами, в их большом нашествии на Западную Европу. По сообщениям восточных авторов, русь в это время не занималась земледелием, это была элитная военно-торговая дружинная группа, которая использовала труд покоренных племен. Надо признать, и об этом говорят многие источники, что одной из важных статей доходов руси была еще и работорговля. Это, конечно, было общество первобытное, общество преимущественно языческое, построенное на очень суровых основаниях, которые поражали разум западных и восточных путешественников.

АП: Сергей Викторович, а по этническому составу что представляла из себя русь?

СВ: Прежде всего надо отметить, что из договоров первой половины X века мы знаем, что русь уже признавала себя, осознавала именно как «русь», как «род русский». Русь не называет себя в этих договорах ни славянами, ни варягами, только как род русский. Хотя из источников IX века мы знаем, что, с одной стороны, среди руси были люди из народности сенов, то есть шведы, с другой стороны, из других источников мы знаем, что русь – это разновидность славян. В середине X века Константин Багрянородный узнавшие от русов названия днепровских

порогов отнес к двум языкам: славянскому и... второй он, не имея других терминов, назвал «росским». Этот «росский» язык – действительно скандинавский. Также можно сказать, что имена ряда древнерусских князей, как исторических, так и легендарных, IX – первой половины X века, – скандинавские.

АП: Ага, то есть если я правильно понимаю, предки династии Рюриковичей носили скандинавские имена?

СВ: Да. Но наряду с этим центры руси там, где их названия образовались от личных имен, носят названия славянские. То есть мы имеем, например, соглашение Олега, где он перечисляет грады, где сидят подчиненные ему князья, и среди них Чернигов, Ростов, Любеч, в основе которых – славянские имена. Поскольку ни один из них не основан раньше Олега, мы можем заключить, что основатели, Чернига, Ростислав, Любоко, – это современники Олега, вожди руси, под Олегом сущие. Славянские имена есть среди перечня князей в договоре с Византией 944 года, который заключал уже Игорь. Собственно, сын самого Игоря носил славянское имя Святослав. То есть правдой является то, что мы не можем себе представить соотношение скандинавского и славянского элементов в ранней руси. Можно только гипотетически предположить, что в IX веке славянский элемент был очень существенным, и стоит отметить, что арабское серебро в конце VIII – начале IX века вывозилось в Южную Прибалтику, населенную западными славянами, больше, чем в Скандинавию. Только в середине IX века оно начинает массированно вывозиться именно в Скандинавию.

АП: Значит, это указывает на значительную роль скандинавов среди руси уже к концу IX века?

СВ: Да, но со второй половины X века происходит заметное снижение роли скандинавского элемента. Этому могло поспособствовать два исторических события. С одной стороны, неудачный поход Святослава на Болгарию, где погибла значительная часть русских дружин, включая самого Святослава, и с другой стороны, в 980-х годах киевский князь Владимир отказывается от услуг варяжских наемников в том количестве, в котором они раньше присутствовали в русских дружинах, выдавливая их в Византию, при условии, что византийский император не будет отпускать их обратно. Помимо этого, происходил постоянный процесс ассимиляции скандинавов среди славян, который начался гораздо раньше, чем сын Игоря получает имя Святослав. Уже в начале X века богами руси были славянские боги, и, видимо, так было изначально.

Другое дело, что на том этапе, когда русь подчиняла себе восточнославянские племена и вела борьбу с местной племенной знатью за свое доминирование, ей мог быть существенным на психологическом уровне вот этот скандинавский элемент: наличие древних скандинавских корней, связь со знатными скандинавскими родами. Это было то, чем русь могла отличать себя от окружающей массы. Например, войны между русью и жившими к западу от Киева древлянами продолжались, видимо, довольно долго.

АП: М-м-м, интересно, может, слово «русские» – это перешедшее в существительное прилагательное, означающее «принадлежащие ру-сам»? Помню, на одной из древних карт была надпись: «русские славяне»...

СВ: Но здесь может быть и другое прочтение: «славяне рода русского».

АП: Да, спасибо. Еще один важный момент – это происхождение династии Рюриковичей. Могли бы вы остановиться поподробнее на этом вопросе?

СВ: Дело в том, что этот вопрос на сегодняшний день во многом остается без ответа. Имя Рюрик, по мнению большинства историков и практически всех языковедов, скандинавского происхождения, но, видимо, довольно рано воспринятое от датских ютландских конунгов и соседними с ними западнославянскими племенами. Во всяком случае известно, что датчане называли Рериком центр племени ободритов, так называемый великий город, Велиград. Причем в источнике указано, что именно датчане так его называли.

АП: Почему?

СВ: То ли по имени датского вождя, захватившего город, то ли по имени славянского вождя с датскими корнями, – мы не знаем. Но к началу IX века так уже было. Поэтому теоретически можно представить Рюрика и западным славянином, как у нас любят это представлять. Практически это ничего не изменит, в том, что Рюрик – персонаж легендарный и о нем знаем только из летописных преданий. Что он не основал ни Новгорода, ни Ладоги: Новгород основан позже, Ладога – раньше. Притом, что он носит типичное для королевской династии имя, приписаны ему братья Трувор и Синеус, – но здесь отражаются другие скандинавские имена, Торвард и Сигнют, которые никогда не встречались в королевских родах. Но и нет оснований отождествлять Рюрика с каким-то известным из датской истории

IX века Хрериком, что у нас также часто делалось. Просто гадание и желание подставить легендарного персонажа под какое-то известное историческое имя.

АП: То есть это может выглядеть как стремление выдать желаемое за действительное, так как наша история IX века, как вы говорите, появилась в наших преданиях только с XII века.

СВ: В Начальном летописном своде XI века просто дается понятие, что все это происходило где-то во второй половине IX – начале X века, но без конкретных дат.

АП: Так откуда же конкретные даты могли появиться в летописи XII века?!

СВ: Из условных подсчетов, обычных для устного предания для фольклора. Вот посмотрите: Игорь, согласно «Повести временных лет», княжил тридцать лет и три года. И Олег княжил тридцать лет и три года, и Киев на третий год правления захватил... Ни о чем эти «точные» цифры не напоминают? Правда, не надо считать летописца совсем уж доверчивым. Напротив, он не доверился своему источнику – Начальному своду. Он установил на основе изученных им договоров с Византией, что Олег был великим князем русским в начале X века, а Игорь после него, к 944 году. Именно это побудило его поверить в легендарные сроки правления.

Далее – как раз об Игоре. Не вполне вероятно, что сын человека по имени Хрерик мог носить имя Игорь (Ингвар). Это имя, в отличие от имени Хрерик, характерно не для датских вождов викингов, а для шведских. И есть целый ряд аргументов, что и сам Игорь, и его потомки, то что мы называем династией Рюриковичей, имели какие-то отдаленные корни именно на шведских землях.

АП: Простите, а насколько «отдаленные»?

СВ: Известно, что в начале IX века имя Ингер уже встречается в Византии. Это, собственно, первое скандинавское имя, которое встречается в византийских источниках. Причем это уже были солидные люди, уже вошедшие в византийскую элиту, один даже получил епископскую кафедру, то есть был крещен. Можно вспомнить также, что в византийском источнике есть известие, что на рубеже VIII–IX веков в Крыму принял крещение славянский вождь Бравлин. Правда, к этому можно относиться по-разному, так как это известие не сохранилось в греческих первоисточниках, только в русском и армянском переводах.

АП: Вот так-так! Значит, Владимир Красно Солнышко не был первым в этом списке?! Оч-чень интересно!

СВ: Да, и рассказы об их крещении после войны с Византией и грозного чуда отчасти схожи. Только разница в том, что после разграбления храма Святого Стефана в Суроже Бравлин не ослеп, а, как следует из написанных в Крыму в конце X века. «Чудеса святого Стефана Сурожского», «обратилось лицо его назад». В итоге он вернул награбленное и покрестился вместе с частью своей дружины. Так вот, если признать, что некая русь Бравлина первая положила торговый путь из Балтики к Черному морю и часть ее приняла крещение, то можно предположить, что именно из этой руси и происходил тот самый Ингер. Но тогда получается, что близкие родичи, предки князя Игоря присутствовали в Восточной Европе задолго до того времени, которое мы соотносим с призванием Рюрика. Возможно, с той самой первой половины или середины VIII века, когда первые скандинавы появились в Ладоге, и за полтора века

они должны были уже основательно ассимилироваться и быть скорее славянами по крови и даже по самосознанию, чем скандинавами.

АП: А-а-а, тогда становится понятно, почему отпрыск Игоря (Ингвара) получил славянское имя Святослав.

СВ: Но, повторяю, все это – лишь поле гипотез. Первым исторически достоверным князем руси, которого мы безусловно знаем, был Олег, правивший в первой половине X века, причем насколько совместно с Игорем, – мы не знаем. Мы даже не знаем, был один Олег или два Олега, тут большие споры идут, поскольку упоминается какой-то князь по имени Хелгу (Олег) одновременно с Игорем, и даже действовавший вместе с ним.

АП: Простите, насколько я знаю, Игорь княжил позднее Олега и был убит древлянами, после чего наступила эпоха правления его жены, княгини Ольги, первой русской христианки, возведенной в лик святых.

СВ: Ну, так или иначе, от имени князя Олега, великого князя русского, и, видимо, после очередной войны с Византией, заключаются два договора: 907 и 911 годов. С этим русь и выходит на мировую арену. В 941 году Игорь совершает неудачный поход на Константинополь и в 944 году заключает новый договор, дающий нам целый смотр русских княжеских имен, а также имен русских купцов. Имена самые разные: балтские, скандинавские, финские, тюркские и, естественно, славянские.

С середины X века мы уже имеем больше сведений о древней Руси, особенно с момента вступления на престол княгини Ольги, первой княгини из рода Рюриковичей, которая в 957 году приняла христианство. И с ней связывается выстраивание того, что уже можно назвать русским государством: единая система сбора дани, создание местной администрации, – поговоров для сбора дани, объединение северной и южной части страны. С этого момента в истории Руси начинается совершенно новая эпоха.

АП: Ну что же, пора подводить итоги. Итак, благодаря нашему собеседнику, профессору истории Сергею Викторовичу Алексеву, мы подробно разобрали, как рождалась наша государственность. Надеюсь, Сергей Викторович не откажет нам в любезности продолжить наши беседы по древней русской истории. И во второй части мы познакомимся с походами первого русского князя Бравлина к Черному морю и его чудесным крещением. А также поговорим о молодом русском государстве при княгине Ольге и великом князе Владимире Киевском. До встречи. Не пропустите наш эфир: история рядом с нами!

Маша обернулась на своего пациента – Романцев давно спал. У него сейчас была своя история, личная...

Глава 6

Отчаянье

Александру Павловичу отчаянно захотелось встать и закурить.

– Ой, что вы! – Сиделка, кажется Катарина, подбежала и чуть ли не силком заставила больного вернуться в лежачее положение. – Не можно!

Он был непреклонен.

Сестра замерла в нерешительности.

На этот раз ему почти удалось. Он присел. Страх отпустил, и присмирившая боль угнездилась где-то в самой глубине, неясная, пульсирующая.

– Позовите врача! – четко произнес он.

– Морген. Завтра герр Хофман придет. А сейчас бите, отдыхайт. – Очередной укол вернул его в привычное состояние.

Сиделка щелкнула пультом.

– Что вы все время крутите?.. – слабеющим голосом спросил он. – Мне надоел этот мужик... Это кто?

– Это ви. – Сиделка улыбнулась и поправила одеяло.

Романцев так и заснул с удивленным выражением лица.

* * *

Большие часы отбили на башне полдень. Маша сидела на своей заветной скамейке. Рядом тихо присел отец Фома.

– Фот, ви просили... – он протянул маленькую бутылочку с иконкой вместо этикетки.

– Ой, спасибо! Я тут не могла найти...

– Это же не Крим, это – Германья... – улыбнулся священник.

– Спасибо. – Маша повертела в руках пузырек со святым маслом.

– Тут немного, – смутился батюшка, – я из Сифферополя прифез...

– Моему больному хватит, – улыбнулась она.

* * *

– Я так больше не могу, мама!

– Потерпи, дорогая, может, все уляжется. – Алла Борисовна прижала дочь к себе, как маленькую, и покачала. Та, точно малышка, уткнулась в ее ночную рубашку и всхлипнула. – Кофе будешь?

Ленка помотала головой и сильнее прижалась к матери.

– Я боюсь к нему приходить... смотрит страшными глазами, не узнает. А потом такое спросит...

– Ленуся, дорогая, сама посуди, сколько на него бедного свалилось: авария, целый год только одной комы.

– Я знаю, мама.

– Руки и ноги переломаны, шутка ли? Черепно-мозговая травма?! Переломы ребер с проникновением в легкие. Тебе этого мало?

– Мне этого много, мам. Много! Ты еще забыла про инфаркт! – С обидой в голосе Лена отпрянула от матери, будто именно та была виновата в происшедшем.

– Не забыла, дочь. Если бы не этот инфаркт, то и аварии бы не было никакой. Не умеет твой папка спокойно жить, он и в молодости-то горячился на пустом месте...

– И поругались, небось, из-за ерунды?

– Не говори. Ладно бы что серьезное, а то подписали соглашение на какую-то передачу, но... без него. Трагедия!

– А где папка был?

– В Египте. Вот Игорь с Георгием и...

– А подождать отца было нельзя?

– Говорят, что заказ был срочный.

– Срочный? Вот теперь мы срочно получили мумию на два года, если не больше... То от него слова не дожدهшься, смотрит и молчит, то словно бы на другом языке говорит. Сегодня знаешь что меня спросил?

– Что?

– Что такое «Перун»?

– Не что, а кто. Это главный бог славян.

– Ты веришь во все это?

– Во что? В Перуна?

– В восстановление памяти!

– Леночка, – мать погладила ее по голове. – Я ни во что больше не верю. Я знаю одно – случилось чудо, твой отец жить бы не должен, но – выжил. И это главное...

– Мам, я тут только три дня и мне страшно, а ты уже больше года здесь. Ужас какой!

– Игорь прилетает, Георгий вот только улетел, – я не одна... А потом, я же домой прилетаю часто.

– А надолго все это? – Лена с надеждой посмотрела на мать.

– Герр Хофман говорит, что пошла положительная динамика.

– Мама! – Дочь приподнялась на постели. – Какая динамика? Он не ходит сам, не говорит вразумительно. Нас не узнает!

– То, что он не помнит, что вы его дети, это ничего. Главное, чтобы ты и Игорь не забыли о том, что он ваш отец. Понимаешь?

– Мам, ну что ты такое говоришь! Я люблю папку... – Лена опять шмыгнула носом. – Только это больше не он...

– Доченька, а ты вспомни, как ты в Швейцарии упала на лыжах и как отец тебя, беспмятную, на руках нес и все шептал тебе в ухо: я твой папа, ты – моя дочь. Я – твой папа, ты – моя дочь... Ты потом с этими словами очнулась.

Ленка засмеялась и громко всхлипнула. Алла Борисовна взяла ее светлые волосы и стала плести в одну косичку.

– А еще я помню, как Игорек болел двусторонним воспалением легких, и Саша носил его на уколы три раза в день. Кололи полугодовалому ребенку антибиотики. Я была против, а отец сказал: все потом решим, главное, чтобы выжил... Потом будет потом. Он за вас боролся. Всегда. Как тигр. Теперь вы боритесь за него. Он жив – это главное. Потом будет потом...

– Мамка, а ты ведь его сумасшедшие любишь!

– Леночка, милая моя девочка, нам под рождество исполнилось 30 лет. Только я в палате встретила наш юбилей...

– А я помню вашу серебряную свадьбу!

– Да?

– Еще бы! Тогда папуля увез нас на Гавайи и устроил шатры из лотосов! Луна была какая, помнишь? Пстой, это же... весной было?

– Да. Поженились весной. А празднуем нашу встречу под Рождество, когда он мне предложение сделал. – Алла Борисовна улыбнулась воспоминаниям и тут же сникла. Ленка порывисто обняла маму за опущенные плечи.

– Все будет хорошо. Я верю в папку. Он сильный у нас. Он вспомнит все! И Гавайи... Правда?

– Да.

– Он у нас еще на горных лыжах бегать будет!

– Вот родишь ему внуков, он их на лыжки поставит, как вас тогда в два года. Помнишь?

– Мапочка, ты опять за свое! Мне только двадцать три, и я не собираюсь замуж, и рожать детей мне рановато. Все – к Игорехе.

– А Игорь говорит, что ему пока только двадцать шесть и он преуспевающий бизнесмен, и ему пока не до семьи!

– Значит, у нас есть время. Мам, как ты думаешь, папка года за два поправится?

– Будем надеяться. Ладно, встаем! Полдня провалялись с тобой в постели. Сегодня я на целый день в больницу. Маша, сиделка, взяла выходной.

– Она там что, единственная?

– Нет. Но твой отец гоняет всех остальных.

– Я же говорю, мам, характер не пропьешь! Я начинаю в него верить!

– А я продолжаю... Ваш отец сильный. Он всегда говорит: «Романцевы никогда не сдаются».

– Нет, он говорил: «Пусть мы не победим, но не сдадимся!»

* * *

Лена вышла в город. Одна. Мама поехала к отцу. А она уже не могла там находиться – раздражало все: и немецкие порядки, и вежливые сиделки. И пучеглазая русская Маша, и красавица Марта, и толстуха Катрин, ворчливая, понимающая, но словно специально коверкающая русские слова... – все, буквально все выводило ее из себя. Ей хотелось рвать и метать...

Ее даже собственный отец раздражал своими историческими бреднями. И Ленке вдруг подумалось, что он тоже издевается над ней специально. Иногда она отчетливо видела, что отец подглядывает за ней из-под опущенных век...

«Все! Не могу! Завтра уеду!» – сказала она себе, сидя в кафе напротив клиники.

И вдруг...

– Лена, Ленушка! – донеслось до нее из уголков памяти. Лена обернулась и увидела себя, зареванную, только что пришедшую со школы: банты в разные стороны на жиденьких белых волосиках. И мама... Мама сидела над своими переводами... она оторвалась и поманила ее к себе.

– Лена, Ленушка! Пойди сюда, детка.

Она подошла, шмыгая носом.

– И что случилось? – мама обняла дочь.

– Вовка Некрасов пристаёт.

– И как?

– На банты вешает своих солдатиков, – разревелась Ленка.

– И всего-то?

– Знаешь, как больно?

– Больно?

– Да! Тянет за косичку и в бант засовывает солдат.

– Так уж и солдат? Лена! Солдатика! – Мама сложила большой и указательный палец. – Пять молекул в щепотке! Как и твой Некрасов.

Лена рассмеялась:

– А я ему завтра так и скажу: пять молекул в щепотке!

– И не вздумай!

– Почему?

– Это грубость!

– А как же тогда защищаться? Игорехе сказать?

– Лена, – мама посмотрела на нее исподлобья, и ее карие чуть раскосые глаза засмеялись.

Рыжая челка запрыгала над глазами как клоунский колпачок. – Лена...

– Что?

– Я научу тебя своему старинному оружию, – тихо прошептала она в самое ухо дочери.

– Настоящее оружие? Против Вовкиных солдат?

– Против всех армий всего мира!

– Ого! А откуда оно у тебя?

– Это наше фамильное женское оружие. Мне мама сказала, а ей, наверное, бабушка...

– Нет, мам, наверное, дедушка! Он у нас дипломат. Он со всеми врагами всего мира тайно сражается!

Мама засмеялась.

– Нет, точно не дедушка. Это ведь женское оружие, и зовется оно...

– Зовется оно... – Ленкино личико вытянулось, и вся она стала похожа на березовую щепочку – беленькая и узенькая. – Зовется оно...

– Никому не скажешь?

– Никому, мамочка!

– И папе с Игорехой?

– Но это же свои, мам.

– Нет, дочь, есть отдельные женские секреты, которые никогда и никому... ясно?

– Ясно! Я даже Наташке Ефимовой не скажу!

– Только твоя тайна, хорошо?

– Да, мамочка, да, – в нетерпении потирала ладошки первоклассница. – И зовется оно...

– Мульти! – выстрельнула словом мама.

– Что «мульти»? – Ленка попыталась широко раскрыть свои узенькие серые глазки.

– Мульти, – спокойно ответила мама.

– Так нечестно, – захныкала дочка. – Мультики не бабушка придумала...

– Не мультики. А мульти! – сделала ударение на первом слове мама.

– И как? Что это? – Лена перестала кукситься. Ей опять стало интересно.

– Очень просто. Кто бы тебя ни обижал, как бы тебе ни было грустно или ты очень-очень на него злишься...

– Как на Вовку сегодня, да?

– Совершенно верно. И даже еще сильнее. Ты просто сидишь спокойно, Лен, и смотришь на него, – перешла мама на шепот.

– И что дальше?

– И дальше тихо-тихо, про себя, начинаешь пририсовывать ему... ослиные уши!

Ленка представила Вовку с такими ушами и хихикнула.

– Получается, да?

– Да. А еще можно с ослиным хвостом, мам...

– Рисуй!

Ленка дорисовала ему хвост.

– А теперь можно, чтоб ему сверху, прям со школьной доски на голову высыпался... – включилась она в игру.

– ...весь мел!

– Нет, мам, лучше манная ка-а-а-ша, – Лена скривилась – не любила она манку.

– Пускай!

– А еще, – разошлась дочка, – а еще... с самолета стали сбрасывать...

И так они рисовали свой мульт до папиного прихода. Когда он вошел в квартиру, стоял такой шум и смех, что он решил: полкласса точно у них в гостях. Входит, а на диване мама с дочерью от смеха катаются.

– А потом... пришла снежная королева и отморозила ему его ослиные уши!

– Кому уши? Какая королева? – прогремел его голос.

– Папа, а мы тут с ма...

Мама хотела прикрыть большой ладошкой рот дочери, а получилось, что все лицо закрыла.

– Мы сказки сочиняем, дорогой. Раздевайся! Ванну наполнить?

– Я сам. У вас тут такое веселье. А где наш боец?

– Мечами машет.

– На соревнованиях?

– Нет. Соревнования – завтра. Сегодня – репетиция.

– Тренировка! – засмеялся отец и скрылся в дверях.

Мама перестала смеяться и строго произнесла:

– Значит так, Елена! Ты только что чуть не сдала нашу фамильную тайну!

– Но это же папа!

– Женскую тайну, Лен!

– Я поняла, – сникла дочь. – Прости, ма-а.

– И еще, Лена, так смеяться, до икоты, ты не должна. Смысл этого оружия в том, что тебя пытаются расстроить, рассердить, сделать тебе больно, а ты вместо этого тихо... тихо! – повысила мама голос, – сидишь и рисуешь себе мульт. В собственное удовольствие, с самым серьезным лицом. Чтобы никто не догадался. Понятно?

– Понятно! Ой, мамулечка, – Лена кинулась обнимать мать, – какая ты у меня!

– Какая? – Мама кокетливо от нее отстранилась и поправила сбившуюся прическу.

– Мультишная!

...Сколько раз потом мамин совет выручал ее, – и не счесть. Свою обиду, свою злость, свою растерянность – она разрисовывала мультями, быстро остывала и переключалась.

* * *

Вот и сейчас она вспомнила заветный мульт-прием, глубоко вздохнула и... четко увидела перед собой зловредную Машу и представила ее Бабой Ягой – челюсть вперед, на голове косынка, завязанная «ушами вверх», узел на лбу, помело в руках, и она кружится, кружится над потолком палаты... А остальные сиделки – русалки, сидят, как на ветвях заветного пушкинского дуба, на гирляндах капельниц. Особенно смешной получилась толстая Катарина с рыбым хвостом и распущенными волосами!

* * *

Лена выдохнула, улыбнулась, глотнула остывший кофе.

Неожиданно зазвонил телефон.

– Да. Мам, я тут рядом. Хорошо, дорогая. Я знаю, мам. Да. Я верю. Нет, он сейчас как слепой котенок.

Она вдруг неожиданно рассмеялась.

– Да, мам. Но мы-то с тобой знаем, кто он на самом деле! Как кто? Кот ученый! Все ходит по цепи кругом. Нет, мам, я не смеюсь. Я выращиваю в себе «не отчаяние». Хорошо. Пусть это будет «вера». Да, дорогая. Я ее тоже в себе выращиваю. Сейчас буду.

Она положила телефон в сумочку и, как всегда, оставив на блюде два евро, вышла на улицу.

Межглавие

Князь Владимир сидел в княжских палатах, и его белые одежды, вышитые серебром, были под стать седине его бороды. Словно бы время вышло свой узор и на кудрявой голове князя.

Он был слеп.

Его незрячие серые глаза из-под густых бровей беспомощно двигались в глазницах. Мир потух.

Сила несдержанного слова хлестнула по нему, как оборванная тетива лука. Страх объял Романцева. Неужели этот Бог так силен?

Он трясущимися руками ощупал ручки своего резного кресла: «Кто я теперь? Откуда эта внезапная слепота?» Он попытался встать: «Кто виноват и кто поможет? Уж не предательский ли замысел? Неужели смута?»

Наконец он поднялся и на ощупь сделал шаг. Тут же чьи-то руки подхватили его.

– Готовьте к крещению, – глухо произнес князь Владимир.

Интервью № 7

Существует ли Печальник Земли Русской?

АП: Здравствуйте, дорогие телезрители! Александр Дюма как-то сказал: «История – это роман, произошедший в действительности». Давайте попробуем с вами вместе погрузиться в удивительный и неоднозначный роман русской истории. Уже не в первый раз исторические события спустя века ложатся зрелым литературным ощущением и разворачиваются широким сценическим замыслом. Так родилась в свое время трилогия Алексея Константиновича Толстого: «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис». Не случайно именно трагедией «Царь Федор Иоаннович» 14 октября 1898 года открылся в Москве Художественно-общедоступный театр, будущий МХАТ. Кстати, репетиции и первые показы проходили в подмосковном Пушкино. Главная идея этого спектакля – народ при безвольном царе. Другая же постановка, спустя век, в Московском «Театре Русской Драмы» под руководством Михаила Щепенко дала совершенно иное звучание образу Царя: перед потрясенным зрителем предстал не слабоумный государь, а святой человек, волей случая возведенный на трон. Сегодня у нас в гостях художественный руководитель Московского «Театра Русской Драмы» – Михаил Григорьевич Щепенко.

АП: Здравствуйте, Михаил Григорьевич.

МГ: Здравствуйте, Александр Павлович, здравствуйте, уважаемые телезрители.

АП: У меня к вам вопрос – почему царь Федор стал вашим любимым театральным образом? И почему вам близок такой блаженный государь?

МГ: Блаженный государь, говорите вы... Конечно. Наш театр его таким видит: не безвольный царь, а высокая душа, страждущая под бременем возложенной на нее ответственности.

АП: Но тогда это настоящая трагедия несовпадения мира «горнего» и «дольнего»?

МГ: Согласен. В нашей трактовке царь Федор все принимает на себя: и кровавое правление своего отца, Ивана Грозного, и тяжесть грядущих «смутных времен», наступление которых он предчувствует.

АП: Я знаю, что в 1997 году этот спектакль принял участие в фестивале исторических спектаклей «Голоса истории» и стал лауреатом премии Москвы в области литературы и искусства.

МГ: Все так.

АП: А в 2003 году за роль царя Федора вы получили звание лауреата в номинации «Лучшая мужская роль» на международном фестивале «Славянские театральные встречи».

МГ: Все так. От вас не спрячешься.

АП: А что прятаться? Царь Федор – это визитная карточка вашего театра. Меня другое удивляет: как вы пошли на смелый эксперимент и написали свою собственную пьесу о патриархе Гермогене?

МГ: Да, спустя почти пятнадцать лет, мы решили продлить историческую перспективу. Это будет диалогия – вторая часть к «Царю Федору Иоанновичу».

АП: Смело! Стать соавтором Толстого! Смутное время... Что заставляет вас так углубиться в этот непростой период нашей истории? Может быть, то, что сегодняшний день так напоминает те времена?

МГ: Может быть... Время Годунова, стихийные бедствия, три года неурожая, повлекшие за собой голод и смерть, польско-шведская интервенция, тяжелейший политический, экономический, государственный кризис... что еще могло выпасть на смутные времена? Но этим временам предшествовало правление царя Федора! А закончились они, эти времена, патриархом Гермогеном.

АП: Понятно. В этом историческом коридоре интересно будет побродить вместе с вами.

МГ: А нам интересно было пройти по лезвию ножа – между двух святых – царем Федором и мучеником Гермогеном. Есть много трактовок образа царя Федора, но при всех мнениях почему-то забывается, что именно царь Федор стал местночтимым московским святым.

АП: Да, сын Ивана Грозного качнул маятник истории в другую сторону. Хотя... в какой-то мере Федор Иоаннович продолжил политику своего отца. Есть объективный исторический взгляд, не терпящий возражений. Я зачитаю: «По смерти отца вступил на престол 19 марта и коронован 31 мая 1584 года; велел строить город Архангельск, принял присягу на подданство от Александра, царя Иверского...

МГ: То есть вы понимаете, Александр Павлович, что Грузия стала частью Российской империи в 1585 году?! Как и то, что он украсил Москву и заложил Белый город в 1586 году.

АП: Жаль, не сохранился. Кстати, насколько я помню, именно при Федоре Иоанновиче был основан город Тобольск, ставший столицей Сибири.

МГ: А патриаршество, которое в 1587 году согласно желанию Бориса Годунова, шурина своего, учредил на Руси наш царь «не от мира сего»!

АП: Хотел бы я знать, Михаил Григорьевич, много ли на Руси активных царей, которые свершили столько же, сколько этот, простите, «безвольный»?

МГ: Вы же помните, Александр Павлович, что царь Федор лично водил рать на шведов, взял Ямь (Ямбург) и добыл Ивань-город и Копорье? А когда одержал победу над крымским ханом Казы-Гиреем, указал строить на месте битвы нынешний Донской монастырь!

АП: Этот государь не перестает меня удивлять, хотя я, конечно, понимаю, что многое делалось руками Годунова...

МГ: Но с позволения царя.

АП: Возможно.

МГ: Царь Федор Иоаннович в 1591 году утвердился дружбой с шахом персидским Аббасом, послал полки воевать в Дагестан, заложил каменные укрепления Смоленска в 1596 году, которые до сих пор украшают город, несмотря на пожар 1812 года!

АП: Да-а. Крепко строил царь Федор. Не много ли для слабоумного государя, не способного к государственному правлению?

МГ: Знаете, что я думаю? Имеются «покаянные письма» Ивана Грозного. Может быть, они в какой-то мере определили образ правления его сына?

АП: Сыновнее послушание заветам отца при мудром советнике Борисе Годунове?

МГ: Да. Но мы должны понимать: так или иначе, царь Федор своим правлением сдержал смуту, которая могла бы прийти на Русь гораздо раньше. Молитвою ли своею, мудрым и мягким ли правлением.

АП: Вы хотите сказать, что Иван Грозный споткнулся об идею неограниченной власти, а сын попытался исправить эту «колею» покаянием?

МГ: Да-да.

АГ: Но, Михаил Григорьевич, возникает вопрос: если так значима, как вы говорите, роль Бориса Годунова, то почему так непросто сложились жизнь и царствие его после смерти царя Федора?

МГ: Это был 1598 год, когда правящая династия Рюриковичей пресеклась после необъяснимой гибели последнего из них: малолетнего царевича Димитрия. На сцену выдвинулись боярские роды Захарьиных (Романовых) и Годуновых. На трон был возведен Борис Годунов, брат Ирины Годуновой, жены царя Федора Иоанновича. Вроде бы все хорошо, так как Борис уже проявил себя как зрелый и мудрый правитель, но в народе стал распространяться слух о причастности Бориса Годунова к смерти царевича Димитрия.

АП: И этот слух сильно укрепился, когда три года подряд, с 1601 по 1603, были неурожайными. Даже в летние месяцы не прекращались заморозки, а в сентябре выпадал плотный

зимний снег. Погиб весь урожай, что привело к голодной смерти, по разным данным, от полу-миллиона до двух миллионов человек. И народ винил Бориса Годунова...

МГ: Да. К несчастью для последнего, это явилось не только пресечением его удачной карьеры, но и жизни всего его семейства. И вот сложились вместе два трагичных обстоятельства, каждое из которых само по себе могло стать катастрофой для страны: пресечение царской династии Рюриковичей, которые руководили страной более семи веков, и невиданный голод, порожденный, как считали в народе, карой Небесной за убийство последнего Рюриковича.

АП: А вот по современным данным, причиной голода могло стать природное явление.

МГ: Вы имеете в виду извержение огромного вулкана Уайнапутина в Перу?

АП: Да, в феврале 1600 года, которое было сильнейшим за всю историю заселения Южной Америки и которое привело к вулканической зиме. Кстати, а вы знаете, что в Европе тоже наблюдалось подобное?

МГ: Да?

АП: В 2008 году международная исследовательская группа из Великобритании, Швеции и России выяснила, что причина «малого ледникового периода» – в извержении вулканов, подобных Уайнапутина. Так, известно, что подобное явление описано в византийских летописях 536 года. Вот оно: «Солнце было темным, и это длилось 18 месяцев; каждый день оно светило лишь около 4 часов, однако этот свет был очень слаб... солнце имело необычный голубоватый цвет». Летние заморозки в последующие несколько лет погубили зерновые, вызвав массовый голод и мор населения Евразии. А вот еще то, что мне, как физику, показалось особенно интересным: исследователи «Центра льда и климата при институте Нильса Бора» обнаружили в слоях льда Гренландии следы крупного вулканического извержения. Проанализировав информацию, ученые сделали вывод о цикличности таких катастроф. Вот так, ни больше ни меньше! И наконец, по данным американских исследователей, изучавших годовые кольца деревьев, зима 1601 года в Северном полушарии была самой холодной за предшествующие шесть столетий. То есть это может указывать...

МГ: То есть это может указывать, что цикл подобных катаклизмов – около 600 лет?

АП: Точно! Все лето 1601 года на Руси лили дожди, а ранние заморозки уничтожили остатки урожая. И это наблюдалось в течение трех лет, из-за чего цены на хлеб выросли в сто раз!

МГ: В итоге на Руси в начале XVII века наступает период народных бунтов и возмущений, названный «Смутой», который буквально сметает династию Годуновых. При поддержке поляков власть захватывает черета Лжедмитриев. России грозит полное разорение. Новые власти начинают готовить страну к католицизму. И в это тяжелое время на политическую арену выходит патриарх Гермоген, который уже при жизни прославился как пастырь, «полагавший душу свою за овец», как обличитель предателей и разорителей православной веры.

АП: Да, интересен путь этого святого. Расскажите...

МГ: Служение будущего Патриарха началось в Казани простым приходским священником Ермолаем. В 1579 году он, уже будучи пресвитером, стал свидетелем чудесного явления иконы Казанской Божией Матери. Бог судил ему первому «взять от земли» бесценный образ, показать его собравшемуся народу и затем торжественно, с крестным ходом, перенести в соседний Никольский храм. Вскоре священник Ермолай принял иноческий постриг с наречением имени Гермоген. А в мае 1589 года владыка Гермоген был хиротонисан во епископа, и в том же году новоизбранный Патриарх Иов...

АП: Первый на Руси Патриарх?

МГ: Да, совершенно верно. Патриарх Иов возвел Гермогена в сан митрополита Казанского и Астраханского. На этой кафедре святитель Гермоген проводил миссионерскую работу среди язычников и мусульман.

АП: Это были в основном татары?

МГ: Да. А в 1606 году в Москве святитель Гермоген был поставлен Патриархом Московским и всея Руси. Ему было более 70 лет.

АП: В то время немалый возраст, согласитесь.

МГ: Да. Патриаршество святителя Гермогена совпало с трудной порой Смутного времени: везде изменники и враги Отечества, желающие поработить русский народ, ввести в России униатство и католичество и искоренить Православие...

АП: Посмотрите, Михаил Григорьевич, когда Лжедмитрий II в июне 1608 года подошел к Москве, именно Патриарх Гермоген обратился к мятежникам с посланиями, в которых обличал их и увещевал. Вот у меня этот текст: «Вспомните, на кого вы поднимаете оружие: не на Бога ли, сотворившего вас? Не на своих ли братьев? Не свое ли Отечество разоряете? Заклинаю вас именем Бога, отстаньте от своего начинания, пока есть время, чтобы не погибнуть вам до конца... Бога ради, познайте себя и обратитесь, обрадуйте своих родителей, своих жен и чад, и всех нас; и мы станем молить за вас Бога...»

МГ: Познайте себя... Как точно сказано!

АП: А вы помните осаду Лавры?

МГ: Как же! Патриарх Гермоген вдохновил иноков Троице-Сергиевой Лавры на самоотверженную оборону обители. Польско-литовские интервенты осадили Лавру в сентябре 1608 года. 16 месяцев длилась осада, но безуспешно: в январе 1610 года интервенты с позором отступили.

АП: Кстати, не будем забывать, что к Смутному времени монастырь был не только центром религиозной жизни, но и хорошо вооруженной военной крепостью. Его окружали 12 башен, соединенных крепостной стеной протяженностью 1250 метров, высотой от 8 до 14 метров, толщиной 1 метр. На стенах и башнях размещалось 110 пушек, имелись многочисленные метательные устройства, котлы для варки кипятка и смолы, приспособления для их опрокидывания на неприятеля.

МГ: Но тем не менее с 1610 по 1612 год Москва, по согласию московской «семибоярщины», была занята польско-литовскими войсками. Большинство бояр желало видеть на русском престоле польского королевича Владислава, сына Сигизмунда III. На требование бояр написать особую грамоту к народу с призывом положиться на волю Сигизмунда Патриарх Гермоген ответил решительным отказом и угрозой анафемы. Он открыто выступил против иноземных захватчиков, призывая русских людей встать на защиту своей земли. По благословению Патриарха Гермогена из Казани в Москву была перенесена Казанская икона Пресвятой Богородицы...

АП: Скорее всего, копия с подлинной.

МГ: Это и не важно, москвичи подняли восстание, в ответ на которое поляки подожгли город, а сами укрылись в Кремле. Они насильно свели Патриарха Гермогена с патриаршего престола и заключили его под стражу в Чудовом монастыре. Дальше начались страдания этого Печальника земли Русской.

АП: Я слышал, что осажденные в Кремле поляки не раз посылали к Патриарху послов с требованием, чтобы он приказал русским ополченцам отойти от города, угрожая при этом смертной казнью.

МГ: И святитель им твердо отвечал: «Что вы мне угрожаете? Боюсь одного Бога!»

АП: Вот точное высказывание, позвольте процитировать: «Если все вы, литовские люди, пойдете из Московского государства, я благословлю русское ополчение идти от Москвы, если же останетесь здесь, я благословлю всех стоять против вас и помереть за православную веру». Он же благословил ополчение Кузьмы Минина и князя Димитрия Пожарского.

МГ: Страдания престарелого Патриарха были немислимы. Более девяти месяцев томился святитель в тяжком заточении. И 17 февраля 1612 года он мученически скончался от голода и жажды.

АП: Страшная смерть...

МГ: В том-то и дело, что святая: когда через 40 лет вскрыли раку с мощами преподобного, патриарх лежал как живой, а в 1654 году нетленные его мощи были перенесены в Успенский собор Московского Кремля. Еще в царской России, в 1913 году, Русская Православная Церковь прославила патриарха Гермогена в лике святых.

АП: Вот такие две личности, два мощных духа, но такие разные: царь Федор и патриарх Гермоген, объединены общим замыслом на одной московской сцене. Что интересно, дорогие телезрители, что и роль царя, и роль патриарха играет сам Михаил Щепенко. Трудно нести такой тяжелый крест, Михаил Григорьевич?

МГ: Это и трудно, и радостно...

АП: А насколько вы чувствуете себя преемником Ивана Грозного «изнутри», из роли царя Федора? Учитывая, что Федор Иоаннович – святой царь, а Иоанн Васильевич считал себя наместником Бога на земле, самовластным хозяином Земли Русской? В народе всегда жило сомнение: не мог же от кровопийцы родиться святой?

МГ: Иван Грозный, на мой взгляд, осуществил миссию, которую ему вручила сама история: централизация и объединение Руси были единственным путем выживания Отечества. Но миссия эта была, можно сказать, не по силам человеческим. Она по своим масштабам не могла уместиться в годы царствования Ивана IV. Может быть, это главная, но не единственная (!) причина того надрыва и противоречивости личности царя. Я не сторонник канонизации Грозного, но и не его обличитель. Он понимал, слышал Промысел Божий, но воплощал его жестокой рукой. Шла грандиозная ломка: удельные князья должны были уйти в прошлое, а опорой царя должно было стать служилое дворянство.

АП: Но это отдельный разговор, для следующей нашей встречи. Вернемся к Федору Иоанновичу. «Царь Федор не таков...» – звучат слова в спектакле... А каков он по-вашему?

МГ: Думаю, что его чуткая душа ощущала надвигающуюся смуту, но пыталась предотвратить ее не «железной рукой» слабого человека, а верностью Отечеству Небесному, ибо земное Отечество не может устоять, если не будет являться проекцией Отечества Небесного. Здесь я усматриваю великую мудрость царя Федора. Учитывая противоречивый опыт отца, он создал иной опыт. Словно через века он слышал слова Серафима Саровского: «Стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи». Царь Федор был верен идеалу Святой Руси. И Русь при нем «отдыхала» и расцветала – как на внутреннем, так и на внешнем поприще. Он знал, что все доброе и прекрасное создается только любовью.

АП: Согласны ли вы, что Петр I был продолжателем дела Ивана Грозного? Ведь недаром Максимилиан Волошин назвал его «первым русским большевиком». Что вы думаете?

МГ: Отказ от духовных начал, уклонение в цезарепапизм Ивана Грозного и Петра подтачивают корни, которые питают народ. Это создает условия для расцвета так называемых просветительских идей безбожия. После попраения нестяжательства и старообрядчества произошло великое надругательство Петра над старой Русью, и сопротивление ему было ничтожно. Но, я повторяю, духовная традиция преподобного Сергия жива и сегодня. На нее надежды.

АП: Спасибо вам огромное, Михаил Григорьевич! Мы с нашими телезрителями с нетерпением ждем ваш спектакль.

Напоминаю, с вами был Александр Павлович Романцев и его гость – режиссер и художественный руководитель «Московского Театра Русской Драмы» – Михаил Григорьевич Щепенко.

Вопрос в студию: назовите три качества современного русского человека. Спасибо! Нам интересно ваше мнение!

«История рядом с нами» – будьте внимательны! Мы – это история, которую будут изучать завтра.

Глава 7

Смута

Вот и прошли первые весенние дожди, и наступило очередное похолодание. Вовсю цвели дубы и холод был «дубовый». И если вначале возникла какая-то надежда на выздоровление, то с тяжелым серым небом пришло новое обострение. Александр Павлович перестал выезжать на своей каталке даже в коридор.

Это совпало с отъездом Аллы Борисовны – срочные дела потребовали ее присутствия в Москве. «Зачем? Что у нее там за дела, когда я здесь?» – Романцев стал раздражен и обидчив. Он пытался понять, почему это все с ним произошло. Кто виноват в том, что вся его жизнь пошла наперекосяк? И что дальше?

Обычно Алла приходила с утра и проводила с ним час-другой. Держала его за руку, что-то говорила. Романцев даже уставал от этих домогательств, от вечного ее «А ты помнишь?». Он помнил то, что считал нужным помнить, а эти фотографии, это видео из семейного архива, эти устные предания... – зачем они ему сейчас? И тем не менее, теперь он заскучал.

Маша металась между избалованной Ленкой и замкнувшимся в себе Романцевым. Дочь приходила в палату после обеда и всегда с наскака начинала кружить вокруг отца, ища недостатки в уходе.

- Почему простынь мятая?
- Елена Александровна, ваш отец беспокойно спал ночью. Весь искрутился.
- А ты что, всю ночь возле него проводишь?
- Конечно!
- Вот еще новости! Куда только мама смотрела! Я скажу Хофману...
- Я буду вам очень благодарна, Елена Александровна.
- Это почему еще?
- Устала я. Почти не отдыхаю.
- Это ваша работа!
- Да, конечно. Но, понимаете...
- А тут и нечего понимать! Работайте и не задавайте лишних вопросов!
- Хорошо.
- Что хорошо? Поменяйте белье!

Маша молча вышла из палаты. Романцев открыл глаза и долго в упор смотрел на дочь.

– Па, ты что? – Лена присела на Машин стул. – Тебе что-то надо?

– Где твой Дмитрий?

– Папа, папочка! Ты все вспомнил! – Лена взяла отца за руку. – Мы расстались с Димкой.

Ой, как хорошо, что ты говоришь... Да, мы расстались. У него только бизнес на уме. Поляки эти, французы... Помнишь, ты так хотел, чтобы мы поженились. Ну и хорошо, что не успели! Я у него после всех его контрактов – на последнем месте.

Романцев приподнялся на кровати и схватил дочь за плечи.

– Ложь! Где твой Лжедмитрий?

– Кто? – Лена растерялась. – Лже-же-же...

С каждым словом он все сильнее ее сотрясал.

– Подлая изменница Марина! Ты осквернила Русь Лжедмитрием!

Маша вошла вовремя, с пакетом чистого белья. Она подлетела к Романцеву и разжала его руки. Тот рухнул на мятые белые подушки.

Лена отскочила в сторону.

– Ненормальный! Он чуть душу не вытряхнул из меня! Ты видела?

– Не надо так об отце. Он не в себе. – Маша присела рядом на кресло и взяла Романцева за руку.

– Опять не в себе? Всю весну был в себе, даже говорил разумно... что вы с ним опять сделали?

– Кризис. Так бывает, – медсестра сжала руку Александра Павловича и помазала ему виски и переносицу святым маслом от Луки Войно-Ясенецкого. – Ничего, это... это скоро пройдет. Я верю!

Романцев волком зыркнул на дочь из-под лохматых бровей.

– Изменница, – прошептал он и закрыл глаза.

Лена вздрогнула, открыла рот, но ничего не сказала. Наконец, она встала со стула и отступила к окну. Долго смотрела на улицу. Потом осторожно, с опаской поглядывая на отца, повернулась к сиделке.

– Маша, я уезжаю!

– Конечно-конечно, вам надо отдохнуть. До завтра, да?

– Домой.

– Ну что вы, Елена Александровна. Он принял вас за Марину Мнишек. Только и всего!

– Только и всего! А вас он, интересно, так трясет?

– Меня? – Маша растерялась. – Меня? Иногда...

– И что, вам нравится? Нравится вам, я вас спрашиваю, когда богатый дядька вот так вас тискает?

Маша вся сжалась в комок и затряслась от хлынувших слез. Романцев взял ее за руку. Ленка глубоко вздохнула и...

* * *

...и взлетела под потолок. Маша, и без того маленькая, стала стремительно уменьшаться и вскоре совсем превратилась в крохотную мышку. Лена издала истошное «мяу» и приземлилась на пол уже красивой огненной кошкой. Она уже приготовилась к прыжку, как вдруг в окно залетела огромная птица. Ленка присмотрелась. Черный ворон. Нет – белые крылья, как огромные простыни, – на всю палату. «Отец», – пронеслось в ее голове. Он заслонил мышку своими крыльями и склонился в поклоне перед дочерью. «Ладно, пускай сегодня поживет!» – смиловилась она.

* * *

Лена выдохнула, улыбнулась, стряхнула забавный мультик с длинных ресниц и подошла к сиделке.

– Ну, Маша, Маша! Простите меня. – Она робко погладила ее руку. – Сама не знаю, что со мной. Простите. Этот год свел меня с ума. Вокруг все только и говорят...

– О чем?

– О том, как вы перед отцом пляшете.

– Да жалею я его!

– Просто его деньги...

– Вы все с ума сошли от этих денег! – Маша выскочила из палаты.

Рука Романцева бессильно свесилась.

Межглавие

«Марина... Подлая изменница Марина! – Романцев подскочил на кровати. Острая боль в ногах – и... падение в душные подушки. Ночь. Луна ныряет в открытое окно.

– Спите. Тихо-тихо, Александр Павлович, – чья-то рука успокаивает его, глядя по спине. Не ее ли рука?

И опять хитрая Марина смотрит на него из-за ветвей непролазного леса. Где он? Кто он? Да, он пришел на эту странную землю, сюда, к стенам Кремля. Он должен взять все в свои руки. Он – законный наследник Руси! Он – сын самого Иоанна Васильевича! Кто может устоять перед грозной кровью, бушующей в его жилах? Никто! Он все возьмет в свои руки! Разве кто одолеет человека с такими целями? Он знает, зачем был рожден и зачем был сокрыт до времени. Если бы не мнимая смерть – одолели бы его бояре, когда он был младенцем, царь Федор был стар – он не защитник ему, а царь Борис одного желал – своей власти и своего пира! Подлый Георгий! Хотел отобрать его трон. Его! Самой судьбой предопределенное ему место!

Романцев делает шаг к тяжелым дубовым вратам – еще шаг – и Кремль будет его...

И вдруг... луна оборачивается к нему хищным женским лицом, он бегом взлетает по ступеням старого Кремля, закрывает за собой врата. Скрип, тяжесть дубовой двери. Спасен!

Марина... Марина...

Откуда-то из глубины выходит узкая, как щель, черная девушка, волосы – в жесткой рамке каре, черные, словно облитые смолой, прямые, тяжелые. Они учились в одном классе. Марина... Подлая изменница! Она написала первая... Первая написала ему на уроке записку «Давай с тобой дружить!» и потом он ей ответил... И целую неделю носил ее портфель в школу и домой, делая крюк через соседнюю улицу, мимо цветущих майских садов, пробираясь обратно соседскими огородами, чтобы батя и старший брат Василий не осмеяли. А осмеяла его перед всем классом Марина, сама Марина!

Никогда потом он, Саня Романцев, не будет так беззащитен перед женщиной. Никогда!

Он бежал вдоль густого, как часток, леса, луна гналась за ним, вот он увидел большое море, нет, огромный океан. Спасение! Он оглядывается назад, луна догоняет его. Но не на того напала – он с разбегу прыгает с высокого утеса в это бескрайнее море. Спасен! Но отражение в черной воде-яркая лимонная луна, дрожит на волнах, и он летит к ней, бесконечно долго летит к ней... в разверстную пасть. Огненная, как жар печи, луна открывает перед ним свою бездну, и он ныряет в нее с разбегу. И только каким-то верхним, надмирным взглядом, ловит свой исчезающий образ в ее чреве.

– Я постиг... я постиг...

– Что, Александр Павлович?

– Обратную сторону Луны, Марина...

Интервью № 8

История любви царицы Тамар

АП: Что такое любовь по-грузински? Что такое верность по-грузински? И что такое вечность по-грузински? Все это мы сможем узнать в нашей передаче «История рядом с нами». С вами сегодня, как и всегда на ближайшую вечность, ваш покорный слуга – Романцев Александр Павлович – и экономист, переводчик с грузинского, – Александр Семенович Окромчедлишвили.

АС: Здравствуйте, дорогие телезрители!

АП: Как вы думаете, дорогой Александр Семенович, когда точно родилась великая царица Грузии Тамар, которую у нас принято называть на русский манер Тамарой? Историки считают, что сия дата неизвестна...

АС: Как так – неизвестна? В Грузии все известно! По предположениям наших историков, наша славная царица появилась на свет около 1165 года. Мать царицы Тамар умерла рано, и девочка воспитывалась теткой Русудан.

АП: Я знаю, уважаемый Александр Семенович, что царица Тамара получила прекрасное образование, научилась у тетки Русудан женским премудростям, выдержке и терпению. Что ей несказанно пригодилось в ее непростой жизни.

АС: О да! Недаром из ее жизни родилась самая совершенная поэма в мире!

АП: Вы о Шота Руставели?

АС: Конечно. Но мы еще подойдем к этой теме. Когда Тамар исполнилось двадцать лет, ее отец, царь Георгий III, предчувствуя свою скорую смерть, короновал единственную дочь, впервые в истории Грузии отдав трон женщине.

АП: Хм, а у меня данные, что в это время юной Тамаре исполнилось только 14 лет.

АС: Но ведь история – женщина капризная и часто скрывает свой возраст, не правда ли?

АП: О да!

АС: И когда молодую Тамар помазали на царство, это стало поводом для возмущения придворных, весь государственный совет, дар-бази по-грузински, встал на дыбы. Еще бы: женщина на троне Грузии! «Как, – бушевали гордые дидебулы, то есть князья, – царевна станет повелевать нами и поведет нас в бой на врага? Еще никогда славный трон Багратидов, ведущих начало от самого Иесе, не занимала слабая женщина! И тут под сводами дворца раздался громовой голос главы церкви католика Николая. «Как вы думаете, – невозмутимо спросил он, – почему именно женщину выбрал и явил нам Господь?» Знатные феодалы разом притихли. Действительно, предания гласили, что в стародавние времена их страна, древняя Иверия, слыла уделом Богоматери.

АП: Конечно, все мы знаем икону Иверской Божьей Матери.

АС: Совершенно верно! Она повелела посланнице своей Нине обратиться к христианской вере своих жителей. Нет у грузин более высокочтимой святой, заступницы небесной, чем Царица Небесная, равноапостольная Нина и царица Тамар.

АП: Итак, католикос Николай всех убедил, и царевну венчали на царство...

АС: Да. А через шесть лет отец умер, и девушке пришлось править страной самостоятельно. Тамар это делала смело и справедливо, чем и снискала уважение у своего народа. Весть о мудрой молодой царице облетела все ближайшие государства. Могла возникнуть смута, но...

АП: Но?

АС: Тамара сохранила себе трон и была повторно коронована. Однако управлять войсками ей по-прежнему не доверяли и требовали ее замужества, чтобы страна обрела мужскую руку в управлении.

АП: Я понимаю ваш народ, Александр Семенович, такая женщина, как драгоценность, должна быть в ларце за семью печатями.

АС: Что вы хотите сказать, Александр Павлович?

АП: Только комплименты! Тамар была статной и грациозной, высокая ростом, правильного телосложения, с темными, глубокими глазами, она держалась гордо и с достоинством. О царице говорили, что она имела манеру... Я сейчас зачитаю откровения современников... Та-ак... «...манеру царственно и вольно метать взоры вокруг себя, имела приятный язык, была веселая и чуждая всякой развязности, услаждающую слух речь, чуждый всякой порочности разговор».

АС: Да, о совершенстве молодой царицы ходили различные слухи, ее руки искали византийские царевицы, сирийский султан и персидский шах. К Тамар стали приезжать женихи, которые предлагали ей свое сердце и богатства. Но согласие она дала лишь сыну великого князя Андрея Боголюбского, Юрию.

АП: Тесть снискал себе царство Небесное своим мученическим концом. А что же муж – Юрий Андреевич Боголюбский?

АС: Муж был нелюбимым.

АП: А что ж так?

АС: Обычное царское дело. Брак был продиктован политическими соображениями. Свадьба состоялась в 1188 году, однако успокоения молодой женщине она не принесла. За два года своего брака с грузинской царицей Юрий натворил много нечестивого и, хотя добросовестно водил войска на войну и даже одерживал победы, вел себя при этом столь разнузданно, что не выдержала и Тамара, и ее двор. Юрий много пил, устраивал дебоши, унижал знатных людей и, поговаривали, даже бил жену. В итоге Тамара велела отсыпать супругу меру золота и выпроводить из страны.

АП: Вот так бывает...

АС: Действительно, очень печальная история. «И я не в силах выпрямить тень кривого дерева и, не имея за собой вины, отряхаю пыль, которая пристала ко мне через тебя», – писала Царица Тамара супругу Юрию, князю русскому.

АП: Однако я знаю, что оскорбленный Юрий не согласился с разводом, собрал войска и пошел войной на Грузию. Вот тут-то, впервые, Тамара и проявила свой недюжинный полководческий талант, встав во главе своего войска и разбив в пух и прах непутевого бывшего супруга.

АС: Прошу вас обратить внимание, дорогой Александр Павлович, что царица Тамар, будучи женой, как говорят, терпела побои от своего супруга. А как стала свободна от уз брака, то смогла дать ему достойный отпор.

АП: А это вы о чем, уважаемый Александр Семенович?

АС: О смирении, конечно. О женском смирении, которого даже царицы не избегли. Православные царицы.

АП: Да, сильная и красивая женщина. Вот передо мной документы тех времен, которые повествуют нам о том, что страна грузинской царицы процветала и за короткое время стала одной из богатейших держав того времени. О Тамар слагали легенды, воспевали ее красоту, великодушие и мудрость. Современники называли ее царем – «мэпэ», а не царицей – «дэдо-

пали». Правительница строила крепости, дороги, корабли и школы. Она вернула ко двору всех людей, преданных ей и памяти ее покойного отца, отстранив от двора священников и чиновников, которые пытались перетянуть одеяло власти на себя, и облегчила налоги для простого народа. «Я – отец сирых и судья вдов», – говорила она о себе.

АС: Да, она, поистине, несла просвещение в свою державу. И приглашала лучших ученых, поэтов, философов, историков и богословов. Так однажды в ее дворец прибыл великий Шота Руставели.

АП: О! Наконец-то мы дошли до этой удивительной истории!

АС: Легенды. Это всего лишь красивая легенда. Поэт родился в Рустави и получил образование сначала в монастырях Грузии, затем в Афинах. Считают, что он сразу же влюбился в царицу.

АП: Некоторые полагают, что Тамар ответила на чувства поэта.

АС: Однако, судя по другим источникам, скорее всего, взаимности поэт так и не добился. Он любил и почитал свою царицу втайне.

АП: Горе властителей мира – жить без взаимности! Но ведь поэт был приближен к трону?

АС: Да, Шота стал личным казначеем царицы. Но не финансовые дела волновали поэта. Он желал воспеть любимую Тамар в поэме. Поэма «Витязь в тигровой шкуре» стала одним из самых выдающихся произведений Средневековья. В ней влюбленный Шота воспел идеалы любви, дружбы, благородства, чести и добродетели. Все эти высокие качества поэт видел в своей великой правительнице.

АП: Да, я слышал, что прототип главной героини поэмы, Нестан-Дареджан, поэт списал с любимой царицы. Чтобы скрыть свои чувства и не навлечь тени сомнения на возлюбленную, Руставели специально перенес действие поэмы в Индию и Аравию. Но в каждой строке шедевра угадываются образ прекрасной, величественной царицы Тамар и чувства несчастного поэта, упоенного безответною любовью.

*Перлы уст ее румяных
под рубиновым покровом
Даже камень разбивают
мягким молотом свинцовым!*

*Косы царственной – агаты,
ярче лалов жар ланит.
Упивается нектаром
Тот, кто солнце лицезрит.*

АС: Чудесные строки. Но вот пришло время царице задуматься о наследниках. Она решила выйти замуж за человека проверенного и с детства знакомого. Вторым ее супругом стал храбрый полководец осетинский князь Сослани, принявший в Грузии имя Давид. Благородный и беспрдельно любящий свою жену, он принес ей долгожданное счастье. Через год после свадьбы царица родила сына, которого назвали Георгием. Еще через год родилась дочь Русудан.

АП: В честь воспитавшей ее тетки?

АС: Конечно!

АП: А что же бедный Шота Руставели?

АС: Он более уже не мечтал о Тамар и решил навсегда покинуть Грузию.

АП: И куда же он направил свои стопы?

АС: В Палестину, где принял постриг в монастыре Святого Креста.

АП: А Тамара?

АС: Царица Тамар некоторое время правила страной вместе с сыном Георгием, а потом умерла от тяжелой болезни, будучи еще не старой женщиной. Это случилось 18 января 1212 года.

АП: Можно посчитать... так... так... Царице Тамар тогда исполнилось 47 лет.

АС: Примерно так. Но мы не будем тягаться с историей, прикрывающей вуалью времени свои тайны, ведь так?

АП: Договорились!

АС: Царицу Тамар похоронили в фамильном склепе в Гелати. Через несколько веков склеп вскрыли, но останков царицы там не обнаружили. Согласно преданию, когда великая правительница доживала последние дни, она попросила утаить от людей место ее погребения. Тамар не хотела, чтобы ее гробница была найдена и осквернена мусульманами, которые за долгие годы борьбы так и не смогли победить грузинскую царицу. Видимо, прах Тамар был тайно вынесен из монастыря, и где он покоится ныне – никто не знает.

АП: Но есть легенда, Александр Семенович, будто бы в Ватикане обнаружены летописи, согласно которым грузинская правительница была похоронена в Палестине, в древнейшем грузинском монастыре Святого Креста. Будто бы она так страстно желала посетить этот монастырь, но из-за многочисленных войн не успела этого сделать, а потому завещала отвезти ее туда после смерти. Возможно, в вечности Тамар хотела остаться со своим верным поэтом.

АС: Смерть Руставели тоже окутана легендами. Доподлинно известно, что в маленькой келье монастыря было найдено обезглавленное тело грузинского поэта. Убийцу так и не нашли. А много лет спустя в Иерусалиме была обнаружена фреска с изображением старого человека. Предполагают, что это лицо великого грузинского поэта Шота Руставели. Свидетельство тому, что рядом с ним была похоронена грузинская царица Тамар, найдено не было.

АП: После кончины Тамар Грузия стала быстро терять свое могущество. Годы процветания сменили тяжелые годы монголо-татарского ига, затем власть над страной захватила Турция. А потом Грузия при царе Федоре Иоанновиче вошла в состав России. Ныне же царица Тамар причислена к лику святых. О ней ходят многочисленные легенды. В частности, говорят, что ночами она является больным и лечит их от тяжких болезней.

АС: Мы, грузины, верим в это.

АП: Мы – русские, тоже! Тамара была удивительной женщиной! Она не только создала мощную империю, простиравшуюся от Каспийского до Черного морей, – ни до, ни после Грузии не имела такого сильного государства, – но еще и стала «крестной матерью» грузинской культуры. Есть женщины-правительницы – сильные, властные, подчинявшие своим желаниям ход истории, но очень немного найдется личностей, сумевших сформировать целую нацию. При царице Тамар генерировались все основные признаки грузинского менталитета, при ней родились гениальные поэты, великие зодчие, знаменитые богословы.

АС: Совершенно верно, Александр Павлович! При нашей царице авторитет грузин в глазах мирового сообщества поднялся на недостижимую высоту – мои земляки, путешествующие к святым местам, были освобождены от дани, султан турецкий и султан египетский почитали

за счастье приглашать в свои элитные охранные войска горцев, о целомудрии и выносливости грузинских женщин складывались в Малой Азии песни!

АП: Дорогие телезрители! К сожалению, время наше подошло к концу, на этом итоговом восклицании позвольте нам попрощаться с вами. Напоминаю, что с вами сегодня были экономист, поэт и переводчик, почти Шота Руставели, Александр Окроечедлишвили и ваш покорный слуга – Александр Романцев. И на прощанье, как всегда, вопрос: какие три основные качества грузина вы можете назвать. Звоните нам и пишите. Наш адрес: shata_gri@mail.ru

Оставайтесь с нами – нам с вами интересно. Ведь там, где мы рядом с вами, начинается... история!

Глава 8

Георгий

Георгия Магиашвили Романцев принял сразу. Этот первокурсник с умными глазами на настороженном узком лице понравился ему своей неторопливой сдержанностью. Георгий был 18-ти летним очкариком с узкими плечами, в модной джинсовой одежде, и при этом не по-грузински застенчивым. В общежитии он щедро угощал голодных студентов, Саша тогда впервые попробовал чурчхелу, вяленую хурму, долму...

Мама Георгия жила в Тбилиси и часто приезжала навещать сына, а уж посылки приходили и почтой, и с попутными поездками, и с многочисленными родственниками, которые с удовольствием приезжали погостить в Москву. За ящик мандарин комендант общежития закрывал глаза на веселых гостей, которым стелили матрасы прямо на полу, и вечерами на том или ином этаже звучали солнечные грузинские песни, а то и густое многоголосье, и вино лилось рекою. Романцев тогда научился произносить грузинские тосты и в отличии от молчаливого Георгия, был душой компании.

Пылкий и необузданный Саша Романцев был старше на девять лет, он имел уже опыт истфака МГУ и вот теперь выходил на диплом в МИФИ. Они встретились на шахматном турнире. Магиашвили вел партию со значительным преимуществом. Уверенный в своей победе, он расслабился и получил от Романцева обидный мат. Георгий, посидев немного над партией, кротко улыбнулся и сказал на латыни:

– *Sunt cuique.*

– Да, каждому свое... – Усмехнулся Саша. Он был опытный КВН-щик, веселый и находчивый, и больше всего ценил интеллект и смекалку. – Каждому свое... Я люблю этот классический принцип справедливости... Но.... – Он вскинул свои бархатные серые глаза из-под густых нахлобученных бровей и наткнулся на спокойный карий взгляд под овальными стеклами очков. – Но не люблю – *Jedem das Seine.*

– Я тоже не сторонник Третьего Рейха.

Это было состязание в эрудиции и остроумии.

– О! Врата смерти... Бухенвальд....

– Кстати, по поводу Бухенвальда... – Георгий улыбнулся одними глазами. – Мне вчера пришла посылка из Грузии...

– И? – Вскинул брови Романцев.

– Милости просим на вечернюю баранину!

– Впечатляет! Но вам, молодой человек, все равно – мат! Я – неподкупен!

– А я – не потопляем!

Георгий сказал это, не отводя взгляда.

Романцеву это понравилось. В парне чувствовался характер. Он протянул руку.

– Ничья! – По-барски решил АП.

– И все-таки – мат. – Поправил его Георгий.

– Я о нашем словесном раунде, – Саша встал из-за стола. – Вечером приду. В какой комнате живешь?

– В тридцать седьмой.

– Когда?

– В девять.

– Буду в девять.

* * *

Кто бы мог знать тогда, что в будущем они станут не только друзьями, но и компаньонами. Саша везде за собой, как нитку за иголкой, таскал Магиашвили. Только однажды они столкнулись лбами. А было это так. Саша Романцев уже работал на телевидении, куда иногда приглашал Георгия. Он готовил ему место, и всякий раз, когда в студии возникал аврал, – брал «своего студента», как он его называл, и на телевидении постепенно привыкали к гордому грузинскому профилю. Чуть позже, после института, Гога плавно перетечет в руки своего наставника. Они будут создавать свою передачу, но пока участвовали в чужих проектах, и вот однажды...

* * *

Однажды АП пригласили снимать новогодний КВН двух Вузов: иняза и родного МИФИ. Романцев взял Георгия, аппаратуру и отправился в родные пенаты. Команду переводчиков возглавляла рыжеволосая роскошная девчонка – пятикурсница.

- Смотри какая кукла! – Георгий первым обратил на нее внимание.
- Так подойди! – Романцев был сосредоточен на работе. – После съемок!
- Да нет...
- Старуха, да?
- Нет. Подумаешь, два года... или три. – Пригляделся он к красавице.
- Так не дрейфь! – Саша схватил камеру и оставил друга одного.
- После съемок был банкет, АП, толкнул локтем Георгия.
- У тебя в комнате что-нибудь осталось от посылки?
- Чача.
- Не годится. А еще?
- Чурчхела завалялась.
- Идет! Дуй наверх и тащи сюда.
- Зачем?
- Познакомиться хочешь?
- Георгий замялся.
- Да что ты, как пареный желудь. Смотри, как это делается...

И Романцев пошел на штурм. Был он в хорошей форме, занимался рукопашным боем, высок и строен, длинные русые волосы ложились на широкие плечи мягкой волной, волевой раздвоенный подбородок украшала открытая улыбка, серые глаза лучились из-под густых бровей. Добрый молодец, да и только!

«Мирей Матье, «Шербургские зонтики»... Белый танец!» – С чувством объявил конференсье.

- Разрешите?
- Девушка обернулась и улыбнулась Александру.
- Вы – мне?
- Вам.
- Но объявлен белый танец...
- И?
- И девушка приглашает первой.
- И? – Романцев погрузился в ее зеленые, по-восточному вздернутые к вискам глаза.
- И... я приглашаю вас.

Зазвучал чарующий голос Мирей Матье, и они закружились по просторной зале, мимо жующих студентов, удивленных преподавателей, мимо нарядной елки и растерянного Георгия с чурчхелами в руках.

Девушка смеялась, запрокинув голову, и Саша любовался ее белыми маленькими зубками, ее полными губами и роскошными длинными огненными волосами. Она нарочно встряхивала головой, и воздушные локоны искрились, рассыпаясь по плечам, дурманили, игриво касались его лица и рук, крепко обнимающих талию девушки. Глаза она закрывала и неслась в вихре музыки, доверив себя ему.

– Перевести о чем она поет, можете? – скорее повелел, чем попросил Романцев.

– О, нет, неужели вы не знаете этих прекрасных строчек? Ах, вас этому не учат! – Игриво засмеялась девушка и запела вместе с Матье:

*«Целой жизни мало, чтобы ждать тебя,
Моя жизнь пропала, если нет тебя,
Ты в краю далеком не забудь меня,
Где бы ни был ты, я жду тебя!»*

Романцева охватила дрожь. Он вдруг почувствовал, что никакому Георгию, и никому другому больше не позволит так вот крепко, по-хозяйски, вести ее в танце... Да что там в танце, по жизни! Кружить ее может только он! И Александр закружил, закружил ее так, что все слилось в едином цветном вихре, все исчезло в едином порыве вспыхнувшего чувства. А она хохотала под его руками, быстро-быстро перебирая ножками и цитировала великую сказку Андерсена: «Ах, кружите меня, кружите!»

* * *

Музыка стихла. А они все кружились и кружились. А потом вместе, за руку, подошли к стенке, которую подпирали бледный Гога. Саша подмигнул ему:

– Позволь... – Он выхватил из его рук пучок чурчхел, торопливо завернутых в листочек в клетку с формулами и синусоидами.

А вокруг все смеялись, жюри КВНа шумно открывали бутылки с шампанским: «С наступающим Новым годом! С 1990-м!».

Неожиданно для себя, Романцев бухнулся на колени перед рыжеволосой феей, как букет, протягивая ей пучок тугих, налитых густым виноградным соком, ореховых чурчхел:

– Девушка, будьте моей женой!

– А вы хоть имя мое знаете? – Смеясь, проговорила она.

– Вот и познакомимся...

Девушка приняла чурчхелы и, улыбаясь, обернулась к своим подругам:

– Оксана, Ольга! Наш режиссер делает мне предложение! Как вам? А ведь- только один танец!

– А! – Поднялся с колен Романцев, – вас тут всех на «О» зовут. Тогда вы – О – о – о... Олеся? Оливия? Офелия?

– Не мучайтесь, я – на «А». Алла – Она протянула крупную точеную руку.

– А я – тоже на «А» – Александр.

– Вот и познакомимся.

– Все! Можно жениться!

– Какой вы приткий, однако!

– Вы так иронизируете, что можно подумать, тут очередь с предложениями стоит.

Алла резко отдернула руку:

– Вот и стоит! А вам – на выход! – Она развернулась, тряхнула колдовскими кудрями, и, покачивая бедрами, пошла к столу за бокалом шампанского. В руках она несла чурчелы Георгия.

* * *

На следующий день Романцев пришел в Институт иностранных языков, и в столовой высмотрел оранжевую Аллу.

– О! Женишок пожаловал!

Романцев взял ее за руку, девушка руки не отняла. Он потянул ее к выходу.

– Куда? Куда мы идем? – С наигранным возмущением спросила Алла. Ей нравился этот настойчивый парень. К тому же профессия эффектная – режиссер телевидения! Вон как вчера кружил ее на глазах у двух институтов, подруги обзавидовались!

– Мы? – У Романцева сердце забилося. – Мы пойдем вместе, Алла. Отныне и во веки веков...

– Ой ли?

– Вот тебе и «ой ли»! Пойдем!

– Куда? – Она смеялась, но не сопротивлялась. И Романцев почувствовал это. «Моя! – Сказал он себе, – Моя!»

* * *

Он водил ее до самого вечера по морозной предновогодней Москве. Было весело кружиться под зависающими в хрустальном небе снежинками, которые спешили одеть этих двоих чудаков в белое подвенечное.

– Алка, смотри, так ты у меня – уже готовая невеста!

– Тоже мне, думаешь уговорил, да?

– А я – упрямый, знаешь?

– Знаю!

– И у меня все – навсегда?

– И сколько таких «навсегда» уже в коллекции?

– Обижаешь! Я за юбками не волочусь!

– Что, такой же скромник, как и твой грузин?

– Какой грузин? А, Георгий? Не-ет! Был бы такой же, до сих пор бы у стенки стоял.

– Думаешь, я не видела, как он смотрел на меня?

– Ну, и смотрел, ну и что? На то и глаза мужику, чтобы смотреть на красавиц!

– Да? А как насчет верности?

– Мы – Рязанские! – Гордо ответил Романцев, – мы создаем семью на всю жизнь.

– Лебеди, значит?

– Выходит, что лебеди. А может, быть, волки? Они тоже на всю жизнь...

Алла внимательно посмотрела на этого смешного заснеженного мужчину, совсем ручного в ее руках, и такого цельного, такого сильного.

– А сегодня Рождест... – Только и успела вымолвить она. Саша притянул ее к себе и крепко поцеловал.

– ...во – выдохнула она, когда он ее отпустил. Сердце девушки билось, как у пойманной птицы, и взволнованное дыхание сметало снежинки с воротника шубы.

А когда он опять обнял ее за талию, глаза ее потеплели, она улыбнулась и стала ловить густой снег горячими губами.

– Нет, красавица, у нас Рождество седьмого января будет...

– А у нас мама сегодня стол накрывает. Всегда.

– Так ты что – полячка, что ли?

- Не-ет! – Засмеялась она, – Мы долго в Германии жили, потом в Швеции, в Ирландии...
- Эко тебя угораздило!
- Да не меня, папу. Он у меня – дипломат. Вот и поездили...
- Ах, так вы у меня – «вип – персона»! Европейская мамзель? – И не дав ей опомниться, он опять прижался к ее сочным губам.
- Рождество, говоришь... Может махнем ко мне в общагу. У Магоги винца нацедим?
- В общежитие? Нет. В общежитие я не поеду... – Алла задумалась. – А может поедем к нам, а? Мама пирог испекла...
- Ну, поехали! По любому – руки просить.

* * *

- Георгий встретил друга хмурым взглядом.
- «Гомарджоби»! Не сердись, Жорик! – Протянул руку Романцев для приветствия. Тот руку не принял.
 - Ну, как хочешь, дружище!
 - А это по-дружески, да? – Всегда сдержанный Георгий метал молнии, его трясло так, что он уронил очки. – Честно, да?
 - Гога! Я предложил тебе подойти, ты подошел? – Саша прямо смотрел на друга, он чувствовал за собой правду. – Ты подошел к девушке? Ты пригласил ее на танец? Ты объяснился ей в любви?
 - Георгий вытер вспотевший лоб дрожащей рукой.
 - Нет.
 - Так какое ты право имеешь меня обвинять? Я что, невесту у тебя увел?
 - Мне понравилась девушка. Может быть впервые, понимаешь?
 - А что ты сделал, чтобы завоевать ее?
 - Георгий стоял бледный и растерянный.
 - Ты только увидел ее! И все! Мало ли, на кого ты посмотрел, и кто приглянулся? Я сделал попытку, а ты упустил шанс. Вот и вся история. Не сердись, Гога! – Романцев повторно протянул открытую ладонь.
 - Георгий нехотя ее пожал. Рука его была тяжелой, а ладонь – холодной. Сухое горячее пожатие Романцева обожгла его.
 - Саня, ты пойми меня...
 - Понимаю, обидно, да?
 - Обидно. – Честно сознался Георгий.
 - Да, понимаю я, Гоша, только и ты меня пойми... Для тебя это так – симпатия, а мне это – судьба...
 - Так уж и судьба, Саня? – Георгий одел очки и внимательно посмотрел на Романцева.
 - Судьба, Магога, судьба. Я уж и с родителями познакомился.
 - Так ты... – жениться что ли?
 - А я тебе о чем! В феврале – свадьба.
 - Ну ты даешь?
 - Вот тебе и весь КВН!
 - Да-а-а, – Протянул Георгий, – и что, родители разрешили?
 - Да нет, конечно! Выпинали, как Мурзика.
 - А как тогда? Заявление подали?
 - Нет пока...
 - Ну, ты даешь, Саня! А невеста хоть в курсе, что она женится?

– Замуж выходит! Моя невеста выходит замуж! За меня! – Твердо и решительно заявил Романцев, словно печать поставил.

– В феврале?

– Ну, может быть, в марте...

Георгий засмеялся и потрепал Романцева по плечу.

– Э-э-э, до марта еще у тебя столько будет... – но наткнувшись на сердитый взгляд друга, миролюбиво произнес:

– Ну, ладно, ладно! Пусть так и будет, Саня! Раз так решил.

– И будет! Увидишь у меня – будет!

– Вай-вай, как тебя зацепило! – Георгий сочувственно покачал головой.

Саша восторженно замахал руками:

– Это просто караул! Глаза зеленющие, кудри – огненные, сама – вихрь непредсказуемый.

– А по характеру?

– Я же говорю – для всех – пантера, для меня – кошка ласковая.

– И когда успел приручить?

– Да, звезды сошлись! Как екнуло под ложечкой – и все!

– Где? Под ложечкой? Это где? А у нее тоже екнуло? – Гога уже дружелюбно подтрунивал над влюбленным юношей.

– А у нее... ей до сих пор икается!

Георгий рассмеялся.

– Ну, Саня, ну ты горазд! Что, уже успел и...?

– Нет, Гога, у нас, у Романцевых, так не делается. Невеста она мне, – не просто так! Мы завтра заявление понесем, а там к восьмому марта сделаем предкам подарочек: объявим о свадьбе. Я денег подкоплю...

– Саня, у меня есть... я дам.

– Спасибо, Гога, я возьму! Потом рассчитаемся.

* * *

Вот так и поженились Романцевы. Правда, не обошлось без проблем. Как Сане удалось уговорить родичей – неизвестно. Но свадьбу сыграли, как и хотел Александр, весной. Шумно, по-грузински. Георгий привез вина, целого барана передала в подарок его мама. Родители Аллы уже приняли выбор дочери, и тоже внесли свой вклад. Из Рязани приезжал отец Саши и его родной брат Василий со своей семьей.

И надо же, на свадьбе Георгий познакомился с Олесей, подругой Аллы, – они были свидетелями, и через полгода тоже поженились. Олеся была под стать Георгию: скромной умной девушкой, переводчицей, маленькой, застенчивой – полной противоположностью своей подруге. Георгий был счастлив в браке, но иногда Романцев замечал, как Гоша любит его женой. И тогда он с усмешкой ворчал на Георгия:

– Хорош zenки паялить! Своя есть!

И только однажды, хорошо выпив, Гоша признался другу:

– Эх, Саня! До сих пор жалею о своей нерешительности...

– Поздно жалеть, – свою жену люби, чтоб опять поздно не стало. А Алку я советую тебе называть Аллой Борисовной.

– Почему бы нет? – Посерел Георгий, – Жена начальника – начальник для подчиненных.

– Нет, дурья твоя башка, это рабочая субординация. Мы с тобой идем на повышение!

– Да что ты?

– Да! Будем вести свой канал!

– Как? Где?

Романцев приложил палец к губам:

– Тс-с....

– Ну, тогда я готов звать ее на «вы»!

– А вот это – правильное решение, старик! – В кармане Романцева зазвенел телефон. – Нас ждут... Идем!

Межглавие

Новгородское вече. В сумраке костров грозно раскачивался колокол. Звон стоит по всей земле русской. Князь Александр Невский восседает на своем троне. Юный. Сильный. Весь как пружина. Встал.

– Кто к нам с мечом придет – тот от меча и погибнет! – Гролом раскатывался его голос и глубокие как небо, глаза сверкали из-под густых соболиных бровей.

– Одолеем врага, княже? – Раздается у него за спиной.

Князь Александр обернулся.

– Ты сомневаешься, Георгий? – Романцев повернулся к нему всем корпусом. – Ты во мне сомневаешься? Аль в народе моем?

А в голове пронеслось: уж нет ли тут предательства?

– Биться с крестоносцами, – это не дань в Орду возить, княже – С усмешкой произнес Георгий.

– Да знаешь ли ты, кому перечишь?

– Знаю, княже, знаю...

Романцев взял его за плечо, но Георгий откинул его руку и вонзил копье. Все поплыло...

– Капельница? Опять эта капельница, – поморщился он, просыпаясь.

– Тс-ссс, все, все, все.... – Погладила его по голове сиделка.

* * *

Маша дежурила у постели мнящегося во сне Романцева и оттирала пот с его лба. Послышался осторожный стук, и в палату вошли Алла с Георгием. Алле белый халат был к лицу.

– Ну как он? – Она быстро подошла к Маше. – Мы прямо из аэропорта и – сюда.

Девушка встала и уступила место жене.

– Бредит. Как вы уехали, Все звал...

– Меня? – Алла вскинула голову и посмотрела на сиделку.

Маша смутилась:

– Ну да... и Георгия

– Это хорошо, – Алла отвернулась от Маши и, поправляя прическу, незаметно смахнула слезу. – Как сегодня?

– Да получше. Спал. А под утро начал метаться. Я ему укол сделала, капельницу поставила...

– Спасибо, Маша. Георгий, можно я одна с ним посижу?

– Конечно, Алла Борисовна, конечно. – Георгий открыл дверь палаты. – Идемте, Маша, пусть они побудут одни.

Интервью № 9

Зачем дипломату отдушина?

АП: Дорогие друзья! В этом году мы чествуем юбиляра, поэта Бориса Ивановича Мосалова, дипломата, Секретаря правления Союза писателей России, советника руководителя Федерального агентства «Россотрудничество». Презентации пройдут в России и Великобритании, в Испании и в Сербии. Но у нас с вами, дорогие телезрители, сегодня будет возможность познакомиться лично с этим уникальным человеком. Итак, здравствуйте, Борис Иванович!

БИ: Здравствуйте, дорогие телезрители!

АП: Борис Иванович Мосалов начал свою трудовую деятельность с электромеханического завода, затем, после окончания Горнопромышленной школы трудился на строительстве Московского метро. В 60-е годы Борис Иванович – известный спортсмен, мастер спорта СССР по самбо и дзюдо. В 1963 году окончил Институт физической культуры и спорта им. Сталина; являлся одним из организаторов Московской Олимпиады в 1980-м. Награжден Орденом «Знак Почета». Работал в Международном отделе спорт-комитета СССР.

БИ: Ну, Александр Павлович, зачем вы это...

АП: Не скромничайте, мой друг. Согласитесь, дорогие телезрители, ведь – история рядом с нами – это, между прочим, еще и история людей, их жизненного пути. А, согласитесь, не много у нас дипломатов вышло из рабочей среды. Это ремесло – наследственное...

БИ: Помог спорт, знаете ли...

АП: Спорт?

БИ: Ну да... Я был боксером... Это помогло и характер установить, и поступить в институт...

АП: Друзья, я вам открою секрет: в течение 20 лет Борис Масалов был вице-президентом и членом исполнительного комитета Всемирного боксерского совета, ведущей международной боксерской организации среди профессионалов. Наш гость окончил с отличием Институт иностранных языков имени Мориса Тореза и был принят на работу в Союз обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Работал в аппарате Президента СССР в качестве консультанта по международным вопросам. Являлся генеральным консулом России в Швеции в ранге Чрезвычайного и Полномочного посланника России. Ранее работал в посольствах СССР и России в Бирме, Бангладеш, Уганде, Японии, Великобритании.

БИ: Александр Павлович, я, конечно, очень горжусь всеми своими званиями, но для меня особую ценность имеют мои литературные победы.

АП: Вот об этом я бы хотел с вами поговорить особо, ведь тема нашей сегодняшней встречи – «Нужна ли дипломату отдушина?»

БИ: Просто необходима!

АП: Расскажите!

БИ: Стихи я начал писать поздно, в 59 лет, на закате своей трудовой профессиональной деятельности дипломата. В школьные годы я очень любил стихи Пушкина, Лермонтова, в студенческие годы увлекался Есениным, Тютчевым, Ахматовой. Я много читал и многие стихи знал наизусть. И вот, представляете, после долгого перерыва, заполненного только работой, связанной с международной деятельностью, со спортивными организациями, вдруг в одно мгновение я стал писать стихи...

АП: Как это произошло?

БИ: Это случилось в 1999 году. Я работал генконсулом в Гетеборге, в один из вечеров мы с Лейлой, моей женой, заговорили по телефону о душе...

АП: То есть жена не была с вами в Швеции тогда?

БИ: Нет. Она тогда еще с дочерью была в Москве.

АП: И что было дальше, простите, я вас прервал.

БИ: Разговорились мы о душе и ее существовании у человека. Лейла настаивала, что она есть у каждого из нас, я высказывал сомнения, ссылаясь на то, что я хорошо знаю анатомию человека и что в организме ее нет среди органов, которые составляют человека. Спор был упорный и жаркий. И вот последний вопрос жены срезал меня под корень: «Вот гордился всегда, что ты из рабочих. А есть ли у тебя рабочая совесть?» Я ответил, что есть и тем самым подписал приговор неразумному спорщику, то есть себе. Она спросила, в каком месте моего организма она располагается.

АП: Ох, уж эти женщины!

БИ: Утром, когда я пришел на работу в свой кабинет, обнаружил лист бумаги и карандаш. Был уверен, что я их не оставлял на столе.

Так как у меня сохранилась привычка с времен работы на заводе: уходя оставлять верстак чистым. И я был уверен, что на столе вчера я не оставлял ничего. Но когда я подошел к столу, рука сама взяла карандаш и, не подчиняясь моему сознанию, написала следующее:

*«Что такое душа?» – был поставлен вопрос.
Я отвечу тебе, но вопрос сей не прост.
Это то, что в груди очень сильно болит.
Это то, что о многом тебе говорит.
Это то, что не видишь, а все-таки есть.
Это то, что не спрячешь ни там и ни здесь.*

Я прочитал и удивился: как это я сумел написать такие слова в рифму. Я позвал друга и прочитал стихотворение ему. Стихотворение понравилось, и он спросил: откуда. Я соврал, что из журнала.

Не решился сказать, что это я написал. На следующий день родилось еще, и еще. И так пошло.

АП: Борис Иванович! Ваша история мистична!

БИ: Появилось необъяснимое, жгучее желание перечитать стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, поэтов Серебряного века, современных поэтов: Кузнецова, Рубцова, Ахматову... Меня интересовали теперь не только сами произведения, их художественная ценность, а стиль написания стиха, язык, его напевность, стилистические приемы, синтаксическая и смысловая нагрузка стихотворения, его рифма, образно-смысловая структура. Меня интересовало все! За полгода я перечитал всю библиотеку посольства и попросил жену присылать мне из Москвы, еще и еще, стихи русских и зарубежных поэтов. В то же время традиции русской классики и постоянное соприкосновение с живой народной поэтической стихией придали стихам определенный народный колорит. Большую роль в этом сыграло то, что я родился и вырос в деревне и знаю хорошо народное восприятие действительности, быт и традиции. Я впитал в себя с молоком матери красоту русской природы, Рязанщины. Народная форма параллелизма и повторов, народная символика, лексика и фразеология – все это взаимодействует с теми оригинальными поэтическими средствами, которыми владели и Пушкин, и Есенин, и Ахматова, и естественно, все это отразилось на моем творчестве.

АП: То есть, я хочу уточнить для наших зрителей, вы никогда раньше не писали, а тут – прорвало!

БИ: Не то слово! Начитался – и прорвало! Духовная традиция русской поэзии оказала и на меня огромное влияние. Наверно, поэтому творчество русских поэтов считается не ремеслом, а искусством и высокой миссией. Язык поэтов, метафоры превращались в библейскую идею поэта-пророка, который выступает в роли истины, дарованной свыше. Просвещение ассоциируется с крестом – «хоругвью Европы». «Россия – часть Европы и христианской

цивилизации... Нести эту цивилизацию на восток – ее историческая миссия», считал Пушкин. Тема любви к Родине, к ее народу, истокам, истории, желание сделать свою страну еще прекрасней также оказались в основе и моего творчества. Поэт-дипломат Тютчев, – великий певец красоты русского края, не раз показал мне в своих стихах, что природа живая, одухотворенная, способная чувствовать и переживать.

АП: Борис Иванович, в МИД России создано литературно-творческое объединение «Отдушина». Расскажите об этом!

БИ: Нашему объединению уже 10 лет. Основателем его является очень деятельный человек, подвижник, Юрий Иванович Алимов, советник первого класса, кандидат исторических наук, поэт, член Академии поэзии. В списке нашего ЛИТО насчитывается 65 человек. Из них 8 – члены Союза писателей России. Среди членов нашего Объединения есть и молодежь, и мэтры советской и российской дипломатии: Сергей Лавров, Евгений Примаков... Мы продолжаем дело, начатое нашими великими предшественниками: Антиохом Кантемиром, Денисом Фонвизиним, Константином Батюшковым, Александром Грибоедовым, Федором Тютчевым, Александром Пушкиным.

АП: Как вы храните память о ваших великих предшественниках?

БИ: Прежде всего, отмечаем их юбилейные памятные даты, проводим вечера поэзии в их честь, круглые столы. В 2010 году МИД России подписал соглашение с Брянской областью об оказании помощи музею Федора Тютчева на родине поэта-дипломата в Овстуге. Мы передаем копии документов для музея, приглашаем поэтов с родины Федора Ивановича на наши московские вечера. Последняя наша встреча с приглашением земляков поэта проводилась этой осенью в Особняке МИД России. Заместитель министра иностранных дел и Глава Брянской области открыли вечер, посвященный Федору Тютчеву. Гости привезли великолепную выставку о жизни и деятельности поэта. Важным моментом вечера явилась передача копий документов, связанных с его дипломатической деятельностью в период работы в Германии и Италии. Подобную работу мы будем проводить и с музеем Грибоедова в Смоленске.

АП: Какие планы в литературно-творческом объединении МИДа России «Отдушина»?

БИ: Творить! Предполагаем совместно с «Россотрудничеством» и Союзом писателей России принять участие в поэтических форумах и фестивалях в Москве, Варне, Варшаве, Вильнюсе, Киеве, Минске, Тбилиси, а также в Овстуге, Смоленске, Рязани, селе Константинове...

АП: Вашей Родине!

БИ: Совершенно верно. Я – весь оттуда. Может быть, удастся повторить поездку с участием зарубежных поэтов на пароходе по Волге, с заходом в приволжские города.

АП: Вы – дипломат, поэт, общественный деятель, известный спортсмен – оказались свидетелем коренного перелома в истории развития нашей страны. Перед вашими глазами происходила смена эпох, нравственных ориентиров. Как вы оцениваете изменения в культурной и духовной жизни страны? Что надо делать, чтобы наша культура сумела выжить в этих диких рыночных условиях?

БИ: Мне, как человеку, родившемуся в рабоче-крестьянской семье, прошедшему довольно сложный жизненный путь, познавшему тяжкий труд рабочего и шахтера, достигшему определенного социального положения, в том числе и на дипломатическом поприще, взирая спокойно на то, что сегодня происходит с российской культурой, образованием, литературой, творческими союзами, – мучительно. Если говорить о русской культуре и литературе, ее духовно-нравственной основе – ей наносится удар в самое сердце. Новое время считает своим достоинством забыть в литературе героя нашего времени – подвижника, духовное начало которого ведет к самопожертвованию в борьбе со злом, низменными и бездуховными привычками. Наоборот, сегодня прилавки магазинов забиты низкопробной литературой, где герои – чистоган, разврат, безнравственность, садизм, проституция. Хочется, чтобы наша лите-

ратура вернулась в лоно нравственности, учила читателей добру и состраданию, закрепляла в памяти людей примеры великих дел и ратных подвигов, создавала образы народных героев, вела борьбу с общественными пороками и пошлостью. Вне духовных составляющих русской культуре очень трудно выжить. Путь один – восстановить утраченные позиции в культуре, поднять степень нравственности и духовности в литературе. Когда всему советскому народу во время войны было трудно – и на фронте, и в тылу, – культура и литература всегда были передовым отрядом духовности, необходимостью нашего народа в борьбе с врагом. Иначе бы не выдюжили в войне. Человек, в душе которого вращены такие чувства, как любовь к Родине, патриотизм, честность, доброта, готов пойти на любые жертвы во имя страны, во имя своего Отечества. Именно с этих позиций надо смотреть на спасение отечественной культуры.

АП: В чем вы видите свою личную задачу?

БИ: Очень важно сегодня достучаться до сердца каждого человека, помочь ему увидеть луч добра и света, поверить в себя, в страну – через поэзию и литературу.

АП: Вы из Рязанской области, из есенинских мест. Как вы относитесь к Сергею Александровичу Есенину?

БИ: Как можно относиться к великому поэту, земляку? С уважением и любовью. Сергея Есенина я люблю с детства. Помню, жили мы уже в Москве, и попала какими-то неизвестными путями в нашу коммунальную, многонациональную, многонаселенную квартиру запрещенная в те годы, затертая книжечка стихов Сергея Есенина. Откуда и кто ее принес, не знаю, только помню, это было в 1950 году, все жильцы нашей квартиры из 11 комнат как-то непроизвольно собрались на кухне, которая была для нас и клубом, и местом постоянных встреч, и теплушкой, там стояла большая плита. Была зима. Собрались на кухне, кто перекусить, кто погреться. И вдруг кто-то начал вслух читать стихи из сборника Есенина. Все ужинающие, готовящие еду, стирающие – затихли. Потом кто-то другой продолжил читать, и так продолжалось часов до 12 ночи, пока не закончилась книга. Мы, пацаны, тоже слушали стихи вместе со взрослыми. Мама работала в тот день во вторую смену и пришла уже к самому концу наших чтений. Она взяла книгу к нам в комнату и стоя, облокотившись о стол, читала ее до 4 утра. В то время в нашем доме жили в основном строители, приехавшие из деревень и поселков из самых разных уголков России, так же, как и наша семья. Поэтому стихи Есенина не могли не тронуть каждого из нас, ведь он писал о природе, о любви, о крестьянской жизни, о любви к животным. Каждый, слушая эти стихи, сопереживал поэту, вспоминал свою жизнь, родные места, свою судьбу. С тех пор и я полюбил стихи Есенина. Кстати сказать, судьба ко мне очень благосклонна. Дело в том, что когда я вернулся в Москву из Швеции, где работал генеральным консулом, то меня пригласили на работу в одно из подразделений МИД России, которое размещается в бывшем особняке известного русского генерала Ермолова, героя Отечественной войны 1812 года по адресу Пречистенка, 20. И что оказалось!

АП: Что?

БИ: А то, что в этом же доме в 1921 году жил Сергей Есенин с Айседорой Дункан. Очень популярную в то время американскую танцовщицу, «царицу жеста», носившую тогда титул «русской американки» из-за того, что она симпатизировала нашей стране и часто бывала в России, советское правительство пригласило «обучать искусству танца пролетарских детей», как было сказано в документе. Московская школа, а позже студия имени Айседоры Дункан, просуществовала до 1949 года. Итак, волею судьбы я оказался в доме, где когда-то жил и работал мой земляк, великий Есенин. Моим рабочим местом оказался кабинет № 13, который в свое время был спальней Айседоры Дункан и Сергея Есенина.

АП: Это, конечно, удивительно. Дорогие телезрители, я счастлив, что мог сегодня поделиться с вами встречей с удивительным человеком, дипломатом Борисом Мосаловым, секретарем правления Союза писателей России, вице-президентом Лиги писателей Евразии, академиком Академии поэзии России. Борис Иванович возглавляет литобъединение Министерства

иностранных дел России «Отдушина», способствует укреплению мира и дружественных связей государств, созданию единого гуманитарного пространства для сотрудничества народов на ниве Милосердия. А если это так, то мы спокойны за нашу державу. Она – в руках умных и творческих людей. Спасибо вам за это, дорогой Борис Иванович! И – до новых встреч!

БИ: Всего доброго!

АП: Напоминаем: с вами был ваш постоянный ведущий – Александр Павлович Романцев – и передача «История рядом с нами». Обернитесь вокруг, загляните в себя и поймите, что мир простирается гораздо глубже, наша история – в нас самих!

Глава 9

Алка

Постоянные посещения жены, просмотр семейной хроники и душевные разговоры сделали свое дело – Романцев вспомнил свою семью.

Алла Борисовна сидела у его кровати и держала его за руку.

– Саш, ну хочешь, мы на все лето к твоим в Рязань поедem, а?

«Тоже мне, вспомнила! Через четверть века. Как будто бы у нее, а не у меня амнезия», – молча, только одними сухими губами препирался с ней Романцев.

– Что ты там шепчешь?

Он закрыл глаза. А ведь действительно, сколько раз он хотел поехать, так каждый раз возникали какие-то дела!

Хорошо, тесть сам оказался рязанский...

* * *

Алка после занятий прибежала домой. Зимняя сессия обещала быть тяжелой. Пятый курс, нагрузка перед дипломом – не побалуешь. Отец встретил ее серьезным разговором.

– Алюня, поди, что скажу, дочка, – позвал он ее на кухню и закрыл дверь.

Она подлетела к отцу, поцеловала в щеку, прижалась к нему замерзшими губами.

– Не поможет. И не думай ластиться, лиса.

– Ну папка...

– Что папка? Что это ты надумала, а?

– Ничего...

– А вчера что за «экземпляр» в дом привела?

На кухню влетела мама.

– Борис! Скажи ей!

– Я и говорю!

– Нет, ты серьезно скажи! Замуж собралась!

– Да! И что? – Алка пошла штурмом на маленькую мамку. «Карманный одуванчик» звал ее отец: маленькая, рыженькая... А дочка пошла ростом в отца, мастью – в мамку.

– Тебя столько лет ждет Женька – нормальная семья, дипломаты, вы с детства знакомы...

– Мама! Мне твой Сергеев с яслей надоел!

– Неправда! Ты была в него влюблена в восьмом классе.

– И что? Сколько с тех пор прошло? Дурной он, избалованный, индюк надутый! «Мой дипкорпус! Мое консульство!»

– Боря, хоть ты ей скажи!

– Я бы и сказал, если бы ты не набежала...

– Мне что – уйти? – бросилась в атаку маленькая львица, – Судьба дочери решается, а мне уйти?

– Лейла, ну что ты, в самом деле? – Муж осторожно взял ее за руку. Это было так трогательно, что Алла обняла мать.

– Ну мамулечка, ну ты же знаешь, все по любви должно быть.

– По какой любви? Вы два дня знакомы!

– А ты папу сколько знала? Неделю?

– Не сравнивай! Тогда было другое время! И твой папа уже был дипломатом!

– А мой тоже будет...

– Кем? Телевизионной пешкой? КВНы снимать?

– Ма, ну вспомни своего первого мужа! Почему ты не смогла с ним жить?

– Да дура была!

Борис удивленно посмотрел на жену.

– Нет, мам, ты его не любила! Вот что значит за престиж выходить. А с папкой, раз увидела – и на всю жизнь! Помнишь?

– Он как в самолете подошел ко мне, так и не отходит до сих пор! – размякла мама, с нежностью взглянув на мужа.

– У вас билеты, что ли, вместе были? – подначивала Алла. Она, конечно, помнила всю историю, но ей необходимо было погрузить маму в воспоминания. Та всегда плакала, когда рассказывала про первую встречу.

– Представляешь, подошел к почтенной даме и говорит на чистом испанском: «Вы ведь позволите мне сесть возле моей спутницы?»

Ата: «О! Конечно! Если это ваша спутница! Конечно!»

И всю дорогу, все пять часов...

– Три с половиной, – уточнил отец.

– Он читал мне стихи. Аллочка, детка, я была потрясена. Вы поэт, говорю. А он мне – нет, я дипломатический работник...

Отец на этом месте всегда откашливался и обнимал свою лисичку.

– Вот, какая дивная история! – Алла продолжала гнуть свою линию.

– Так ведь дипкорпус! Эрудиция! Воспитание! Не то, что твой э... медведь, – не сдавалась мать.

– Послушай, одуванчик, а чем, собственно говоря, плох медведь? – миролюбиво произнес Борис и чмокнул жену в макушку. Он и сам был похож на медведя, особенно рядом с маленькой своей Шахерезадой.

– Вы посмотрите, у него единственную дочь пытается забрать какой-то... мужик рязанский, – вспыхнула Лейла, вырвавшись на свободу из его объятий, – а он!..

– Что-о-о? – Отец подскочил как ужаленный. Кто-о-о?!

– А, точно! Папка, так ты у нас тоже... с Рязани! – И Алка поняла, что эту битву она выиграла. Борис Иванович был вне себя:

– Ага! Вспомнили! Так вот, многоуважаемая Лейла Булатовна!..

Мать вся сжалась, – обращение по батюшке не сулило ничего хорошего. – Я вам, как рязанский мужик, говорю: пусть приходит к нам зятек, пообщаемся с ним по-нашему, по-человечески! Разобраться нужно, а не рубить с плеча. Я вон тоже один поднимался, без отца был, мать нас троих тянула, а вот смотри, что спорт с человеком сотворил! Из крестьянских детей в МГИМО – через бокс!

– И чемпионом был! – Алка почувствовала вкус победы.

– Я по жизни – чемпион, дочка, и не важно, в какой области: если за что взялся – должен первым быть! В спорте, в делах, в профессии!

– И Саша точно такой же! Такой же, как ты! – Дочка бросилась на шею отцу.

– В общем, пусть приходит. А там – посмотрим. Что скажешь, лиса? – Отец совсем растаял.

Жена хмыкнула и, поджав губы, отвернулась к окну. Конечно, Алла понимала, что это лишь первая битва. Папа завтра остынет и все начнется заново. Но сегодня... сегодня победа за нами! Да!

* * *

Когда Романцев пришел в дом Аллы во второй раз, его ждали. Стол был накрыт специально для него, а не Рождества ради, мама была подчеркнуто внимательна и старалась слушать его рассказы, а отец, как только Саша сказал, что он из деревни Константиново, обнял его, как родного.

– А вы откуда? – спросил растроганный Саша.

– Да из Неверово, Рязанской области, – широко разулыбался Борис Иванович.

Интервью № 10

Парадоксальный Святитель: художник, епископ и врач

АП: Добрый день, дорогие телезрители. Сегодня тема нашей передачи необычная. Как необычны сами виражи русской истории. Возможно ли, чтобы один и тот же человек получил высшую награду советского государства – Сталинскую премию – и одновременно с этим сидел в сталинских лагерях? Его хорошо знали раненые в военных госпиталях и ссыльные в Красноярском крае. Вот как описывает его биограф: «На фотографиях облаченный в рясу старик с седой бородой. На груди крест и знак архиерейского достоинства – панагия. Сурово и пронизательно глядит он поверх или чуть сбоку стареньких, с немодной оправой очков. На некоторых снимках видны его руки – крупные, изящной формы руки хирурга». Итак, кто он, автор 55 научных трудов по хирургии и анатомии и десяти томов проповедей, книга которого «Очерки гнойной хирургии» выдержала три издания за десять лет. Почетный член Московской Духовной академии в Загорске, награжденный премией Хойнатского от Варшавского университета, бриллиантовым крестом на клобук от Патриарха Всея Руси и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и умерший в сане Архиепископа Крымского и Симферопольского.

Об этом и других фактах жизни профессора-епископа нам сегодня поведаст гость нашей передачи – журналист Игорь Родионович Ивачев. Добрый день, Игорь Родионович.

ИР: Добрый день, Александр Павлович. Добрый день, дорогие телезрители.

АП: Скажите нам, уважаемая Игорь Родионович...

ИР: Можно просто Игорь.

АП: Принято. Скажите, Игорь, кто этот «герой без страха и упрека», и как он с вами связан? Или точнее, вы с ним?

ИР: Это крымский святитель Лука, или точнее архимандрит Лука Войно-Ясенецкий, ныне причисленный к лику святых. Уникальность его судьбы в том, что святитель никогда не отступался от своей веры. А связан я с ним, как и все мы – узами любви и веры.

АП: Замечательно сказано! Когда произошло ваше первое знакомство со святителем?

ИР: Впервые я узнал о святителе Луке во время паломнической поездки по Крыму, будучи уже взрослым человеком. Позже прочитал, что святитель Лука, по молитвам которому до сих пор паломники получают исцеления от болезней, родился 14 апреля 1877 года в Керчи в многодетной семье аптекаря. Предки его происходили из старинной шляхетской фамилии и принадлежали к католической вере. Но под влиянием матери Валентин еще в юности выбрал православие.

При крещении младенца нарекли Валентином (что значит «сильный, крепкий») в честь священномученика Валентина Интерамского, получившего от Господа дар врачевания и ставшего затем священником.

АП: Подумать только, какое провидение!

ИР: И оно не единственное, я вас уверяю. Подобно своему небесному покровителю, Валентин Феликсович стал и врачом, и священнослужителем. А Лукой он был назван при монашеском постриге, в честь святого апостола Луки – врача и художника-иконописца.

АП: И это тоже знаковое событие. Насколько я знаю, в молодости Валентин Феликсович колебался в выборе профессии: быть ему художником или врачом.

ИР: После окончания художественного училища в Киеве, куда родители переехали, чтобы дать детям хорошее образование, во время вступительных экзаменов в Петербургскую Академию художеств, Валентин вдруг решил, что не вправе заниматься тем, что нравится только ему, «но обязан заниматься тем, что полезно для страдающих людей».

АП: Впрочем, он все же стал художником – «художником в анатомии и хирургии», как сам себя называл.

ИР: Но путь был не легкий. Преодолев отвращение к естественным наукам, Валентин с блеском окончил медицинский факультет и получил диплом с отличием.

АП: Насколько я в курсе, «отлично» было у него только по анатомическому рисунку?

ИР: Но тем не менее карьере ученого он предпочел должность простого земского лекаря – «мужицкого» врача. Иногда, не имея под рукой инструментов, он использовал перочинный нож, гусиное перо, слесарные щипцы, а вместо ниток – женский волос.

АП: Кстати, по женской теме: насколько я знаю, женился Валентин Феликсович по большой любви, и с женой у них народилось четверо ребятишек.

ИР: Да. Но жена умерла рано. И в это страшное время оставшись один, в феврале двадцать первого года, в должности главного врача Ташкентской больницы, он становится священником, а затем и монахом.

АП: А как же дети?

ИР: Он их передал на попечение своей хирургической медсестре Софии Сергеевне Велецкой, которая отдала всю свою любовь детям «врага народа».

АП: Вот это да!

ИР: Теперь он оперировал и читал студентам лекции в рясе и с крестом на груди. Первые годы советской власти, советский институт и вдруг профессор – поп!

АП: И ему разрешали? Почему?

ИР: Да, разрешали. Перед операцией он молился Божией Матери, благословлял больного и ставил на его теле йодовый крест.

АП: Кстати, насчет креста из йода. Говорят, его неверующие ассистенты особо хихикали над этой процедурой, когда речь шла о гинекологических операциях. Так все же, почему он всегда открыто говорил о своей вере?

ИР: Был такой случай: из операционной вынесли икону, и Валентин Феликсович отказался оперировать. Не помогали ни уговоры, ни угрозы. И длилось это до тех пор, пока у высокого начальства не заболела жена. А оперировать некому – он лучший! И вот тогда высочайшим изволением икону вернули на место. И, вслед за иконой, в операционную вошел хирург Войно-Ясенецкий.

АП: Тверд, как скальпель...

ИР: Помноженный на глубину веры. Позвольте, я зачитаю несколько строк из его автобиографии: «Ничто не могло сравниться по огромной силе впечатления с тем местом Евангелия, в котором Иисус, указывая ученикам на поля созревшей пшеницы, сказал им: “Жатвы много, а делателей мало...” Позже, через много лет, когда Господь призвал меня делателем на ниву Свою, я был уверен, что этот евангельский текст был первым призывом Божиим на служение Ему».

АП: А мне понравилось вот это: «Куда меня ни пошлют – везде Бог»; «В служении Богу вся моя радость»; «Считаю своей главной обязанностью везде и всюду проповедовать о Христе».

ИР: А вот признание Валентина Феликсовича сыну Михаилу: «Я подлинно и глубоко отрекся от мира и от врачебной славы, которая, конечно, могла бы быть очень велика, что теперь для меня ничего не стоит. А в служении Богу вся моя радость, вся моя жизнь, ибо глубока моя вера. Однако врачебной и научной работы я не намерен оставлять». И еще: «О, если бы ты знал, как туп и ограничен атеизм, как живо и реально общение с Богом любящих Его...»

АП: Да, глубока вера его!

ИР: И, следуя своим путем, в 1923 году знаменитый хирург принял тайный монашеский постриг и был возведен в сан епископа.

АП: А как это произошло?

ИР: Это случилось в Ташкенте, куда он приехал в шестнадцатом году, уже имея за плечами многолетний опыт работы земским врачом, хирургическую практику во время русско-японской войны, звания доктора медицины и лауреата престижной медицинской премии.

В столице Туркестанского края ему доверили пост главного врача Первой городской больницы и выбрали профессором Среднеазиатского государственного университета.

АП: А-а, так вот почему его не трогали. Но не могла же советская власть долго терпеть профессора-епископа?

ИР: Не могла. Его скитания по тюрьмам и ссылкам начались после первой же архиерейской службы в кафедральном соборе города Ташкента 10 июня 1923 года.

АП: Игорь, расскажите нашим зрителям о необычном судебном процессе, где общественным обвинителем выступал председатель ташкентского ЧК, латыш Петерс.

ИР: Этот случай записан со слов профессора Ташкентского мединститута Льва Ошанина. А записал его Марк Поповский, первым решивший собрать в одну книгу «Жизнь и житие Войно-Ясенецко-го, архиепископа и хирурга». Причем еще при жизни архиепископа Войно-Ясенецкого, с которым он лично встречался! Но при советской власти издать ее не удалось, и автор эмигрировал из СССР.

АП: Да, смелость этого человека под стать нашему герою. По-моему, в это же время он написал еще и повесть об известном русском генетике Николае Ивановиче Вавилове, скончавшемся от голода в тюрьме.

ИР: Так вот, профессор Ошанин рассказывал, что в Ташкент из Бухары привезли партию раненых красноармейцев, у которых во время пути в санитарном поезде под повязками развились личинки мух. Раненых поместили в клинику профессора Ситковского. Рабочий день уже кончился, дежурный врач сделал неотложные перевязки, а остальных раненых оставил до утра. Сразу же неизвестно откуда распространился слух, что врачи клиники занимаются вредительством, а у бойцов раны кишмя кишат червями. Срочно, по приказу Петерса, профессор Ситковский и врачи его клиники были арестованы и заключены в тюрьму. Им грозил расстрел. Петерс решил сделать суд показательным и назначил себя общественным обвинителем. Профессор Войно-Ясенецкий был вызван как свидетель. Но епископ Лука сам обвинил Петерса в полном медицинском невежестве. Вот характерный момент записей суда:

«— Скажите, поп и профессор Ясенецкий-Войно, как это вы ночью молитесь, а днем людей режете?

— Я режу людей для их спасения, а во имя чего режете людей вы, гражданин общественный обвинитель? — смело ответил врач.

— Как это вы верите в Бога, поп и профессор Ясенецкий-Войно? Разве вы видели своего Бога?

— Бога я действительно не видел... Но я много оперировал на мозге и, открывая черепную коробку, никогда не видел там также и ума. И совести там тоже не находил. Значит ли это, что их нет?

Под хохот всего зала «Дело врачей» с треском провалилось».

АП: Трудно поверить, что такое могло произойти летом 1921 года!

ИР: Да, это удивительной силы человек. Владыку не сломили ни многочисленные аресты, ни годы тюрем с 13-дневными допросами «конвейером», когда ему не давали спать, ни ссылки в далекую Сибирь. Идти по столь тернистому пути, по его признанию, ему помогало реальное ощущение, что его поддерживает и укрепляет «Сам Иисус Христос».

АП: Смотрите, как интересно, ведь по биографии святителя Луки можно изучать историю и географию всей России! Он пережил революцию, участвовал в русско-японской войне, Гражданской и двух мировых войнах.

ИР: Да, соглашусь. Вот лишь некоторые места, где ему довелось жить: Керчь, Кишинев, Киев, Чита, Симбирская, Курская, Саратовская, Владимирская, Орловская, Черниговская губернии, Москва, Переславль-Залесский, Ташкент, Андижан, Самарканд, Педжикент, Архангельск, Красноярск, Енисейск, Большая Мурта, Туруханск, Плахино (это за Северным поляр-

ным кругом, куда его отправили на открытой повозке, без теплой одежды, – умирать), Тамбов, Тобольск, Тюмень, Крым...

В разные годы владыка был епископом Ташкентским и Туркестанским, епископом Елецким, викарием Орловской епархии, архиепископом: Красноярским и Енисейским, Тамбовским и Мичуринским, Симферопольским и Крымским.

АП: Невероятно.

ИР: Вы только себе представьте, Александр Павлович, во время Второй мировой войны в Тамбовской епархии владыка Лука одновременно служил в церкви и руководил хирургией в 150 госпиталях, не в одном, не в двух, а в ста пятидесяти! Благодаря его блистательным операциям тысячи солдат и офицеров вернулись в строй. При этом, будучи архиепископом Тамбовской кафедры, он открыл 24 прихода, что привело к формированию церковной среды и возрождения Тамбовской епархии.

АП: А как вам такой факт: за годы войны военные медики Красноярского края под руководством хирурга Луки Войно-Ясенецкого вернули в строй 73 % раненых и 91 % больных солдат и офицеров!

ИР: Причем, находясь в ссылке во время начала войны, святитель Лука пишет телеграмму на имя Председателя Верховного Совета М. И. Калинина, в которой самоотверженно предложил свою помощь как хирурга, и выразил готовность вернуться в ссылку после окончания войны.

АП: Да, впечатляет, недаром святителю Луке, прошедшему «сталинские лагеря», была присуждена Сталинская премия I степени!

ИР: А вот тут я с вами не соглашусь, Александр Павлович: в «сталинских лагерях» святитель не сидел.

АП: Как не сидел?

ИР: Многие путают «лагеря» с тюремным заключением и ссылками. Пожалуй, самой тяжелой у владыки была ссылка далеко за Полярный круг, в поселок Плахино, где святитель зимовал, не оставляя своей медицинской практики. Сам святитель Лука писал, что в окнах его жилища «вместо вторых рам снаружи были приморожены плоские льдины». При этом владыка Лука оставался единственным архиереем на всю Сибирь и Дальний Восток!

АП: Кстати, а что случилось со Сталиным в сорок втором году? С чего это «губитель церкви» стал ее «лучшим другом»?

ИР: А случилось то, что надо было спасать страну, вот и вспомнили о церкви. И резко поменяли отношение к священству: стали открываться храмы, назначаться епископы, зашла речь об открытии Духовной академии в Москве, Ленинграде, Киеве и выборах нового Патриарха.

АП: Ну и как отреагировала церковь?

ИР: За два месяца верующими было собрано шесть миллионов рублей на танковую колонну.

АП: А как Лука отреагировал на такой разворот?

ИР: Как пишет Марк Поповский, «искренне поддержал».

АП: И как вы тогда объясните, что этот негибкий, правдивый и принципиальный человек вдруг становится духовным апологетом коммунизма?

ИР: Что вы имеете в виду?

АП: Ну как же. Вот слова самого Луки Войно-Ясенецкого, что «буря Великой революции» все перевернула в стране нашей и былую социальную неправду заменила «великими принципами всеобщего равенства и коммунизма»? И про церковь, которая искупает «исторический грех своего участия в подавлении политической свободы народа и личные грехи отдельных представителей духовенства»?

ИР: Вижу, вы хорошо подготовились, Александр Павлович. Вот слова из духовного завещания самого святителя Луки, написанные в двадцать третьем году в ташкентской тюрьме: «Против власти, поставленной Богом по грехам нашим, никак нимало не восставать и во всем ей смиренно повиноваться». Но все встает на свои места, если мы послушаем, что он отвечает на допросе. Позвольте цитату?

АП: Будем рады слышать.

ИР: «Я тоже полагаю, что очень многое в программе коммунистов соответствует требованиям высшей справедливости и духу Евангелия. Я тоже полагаю, что власть рабочих есть самая лучшая и справедливая форма власти. Но я был бы подлым лжецом перед правдой Христовой, если бы своим епископским авторитетом одобрил бы не только цели революции, но и революционный метод. Мой священный долг учить людей тому, что свобода, равенство и братство священны, но достигнуть их человечество может только по пути Христову – пути любви, кротости, отвержения от себялюбия и нравственного совершенствования. Учение Иисуса Христа и учение Карла Маркса – это два полюса, они совершенно несовместимы, и потому Христову правду попирает тот, кто, прислушиваясь к Советской власти, авторитетом церкви Христовой освящает и покрывает все ее деяния». И это сказано не где-то в дружеском кругу, а на допросе, где за каждое слово ты отвечаешь головой.

АП: Убедительно. Но вернемся к нашей теме. Итак, в 1946 году за расширенную книгу «Очерки гнойной хирургии» архиепископу Луке, – профессору Войно-Ясенецкому, была присуждена Сталинская премия I степени.

ИР: Не все так просто! Первое издание «Очерков» увидело свет в 1934 году. А второе, расширенное и дополненное, было готово уже к началу войны. Тогда, до эры антибиотиков, гнойная хирургия была на переднем плане борьбы с гнойными ранами. Сколько хирургов получили бы новейшие методы для своей работы, сколько раненых воинов она бы спасла! Но, увы, главным аргументом был запрет на религиозную деятельность профессора медицины Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого. И вышла книга только в 1946 году, уже после окончания Второй мировой войны!

АП: Насколько я знаю, после победы Сталин все вернул назад и продолжил гонения на церковь? А там и Хрущев...

ИР: Кстати, а вы знаете, что существует свидетельство внука святителя Луки о резолюции И. В. Сталина, наложенной на «расстрельный список», включающий фамилию Войно-Ясенецкий? Вот ее содержание, позвольте процитировать: «Разве можно расстреливать таких людей, сейчас нужна религия, а медицина тем более, создать условия, дать Сталинскую премию I, чтобы он у нас работал». Это было во время войны. А 27 января 1946 года в газете «Правда» была помещена информация о присуждении профессору Войно-Ясенецкому Сталинской премии I степени в размере 200 тысяч рублей, из которых 130 тысяч владыка отправил на помощь сиротам, жертвам фашистских оккупантов».

АП: А еще в том же 1946 году владыка Лука назначается архиепископом Симферопольским и Крымским и уезжает в Крым. Здесь он завершает работу над богословским трудом «Дух, душа и тело», в котором внимание уделяется сердцу, как органу Богопознания. Так ли?

ИР: Да-да, вы совершенно правы.

АП: Вот отсюда я прошу вас поподробнее. Как историку «выросшему на физике», мне очень близка эта работа святителя Луки. Я был просто потрясен и, читая эту книгу, каждый раз возвращался к обложке, чтобы посмотреть, кто же ее написал: православный священник или там... теософ от Елены Петровны Блаватской?

ИР: И это не удивительно, книга не простая и не случайно ее так долго не признавала наша церковь, до самого прославления владыки.

АП: Вероятно, это единственное в своем роде исследование физических явлений природы, вышедшее из-под пера православного священника!

ИР: Да, причем написанное как итог многолетней хирургической практики и бескорыстного служения церкви.

АП: Так в чем основная суть книги, на ваш взгляд?

ИР: Я так понимаю, что главное в ней – это то, что первичная энергия на планете – это духовная энергия, любовь. Которая имеет свойство распространяться на всех, и которая побудила Господа к созданию человека. И Святитель Лука – тому пример. Вот его слова: «Для хирурга не должно быть “случая”, а только живой, страдающий человек».

АП: Да-да. Здесь епископ удивил даже меня, матерого физика, глубиной своих естественно-научных познаний.

ИР: И еще: душа – в сердце человека!

АП: А я думал – в пятках.

ИР: Не ерничайте, Александр Павлович.

АП: Извините. А как вам его представление о духе? Или о соотношении плоти, души и духа как энергетических субстанций? А его рассуждения о квантовании электронной среды? А...

ИР: А вы знаете, что, когда в 1958 году архиепископ Лука полностью ослеп, он писал своей дочери: «От операции я отказался и покорно принял волю Божию быть мне слепым до самой смерти. Свою архиерейскую службу буду продолжать до конца».

АП: Кстати, его автобиография называется «Я полюбил страдания». Почему?

ИР: Это знаете откуда? Это объясняет следующая фраза из Евангелия от Луки: «Блаженны вы, когда возненавидят вас люди... за Сына Человеческого». То есть, понимаете, для него мучения от людей – это, простите, не мазохизм, а естественная реакция на служение Богу. Очень точно сказал о себе святитель: «Изгнанный за Христа на край света».

АП: «Ибо гонимы будете». А сколько лет он провел в ссылках и тюрьмах?

ИР: В тюрьмах и трех ссылках он прожил, вытерпел, переболел одиннадцать лет, но не предал Христа. И лечил тунгусов, которые никого, кроме шаманов, и не видели.

АП: А правда, что Лука пришивал больным почки молодого теленка?

ИР: Да, это не байка. Оказывается, еще до него была такая практика, когда один из хирургов пришивал к ноге больного почки свиньи.

АП: И все же, как научная деятельность может сочетаться с религиозной? Наш архиерей оказывается архисложен. Смотрите, что он говорит про себя: «Я верю в Бога, но тружусь вопреки Ему, он наказывает болезнями, а я исцеляю людей».

ИР: Насколько я знаю, эта проблема разрешалась епископом Лукой в течение всей жизни. Но если на церковную службу приходили с просьбой о срочной помощи, – он все оставлял и шел на зов страждущего.

АП: То есть все же медицина?

ИР: Но пришло время, когда он сказал своему сыну, что оставляет медицину ради служения Богу.

АП: Ну да, может, так он принял свою слепоту как подсказку Бога?

ИР: Удивительна и его кончина: 11 июня 1961 года, в День Всех Святых, в земле Российской просиявших, архиепископ Лука отошел ко Господу в возрасте 84 лет.

АП: Удивительно, после стольких лет истязаний и мучений ему было дано такое долголетие! Причем он не переставал оперировать даже в ссылках, приговаривая: «Хирургом нужно родиться. Хирург должен иметь три качества: глаз орла, сердце льва и руки женщины».

ИР: У меня есть любимая фраза святителя Луки: «Если не можешь делать для людей добро большое, постарайся совершить хотя бы малое».

АП: Да-а-а, непревзойденная доблесть и великая скромность.

ИР: В апреле 2000 года архиепископа Луку реабилитируют как жертву политических репрессий, а в августе того же года прославляют в сонме новомучеников и исповедников Российских.

АП: Он прославлен только в нашей стране?

ИР: Не только. Я был в Греции у архимандрита Нектария (Антонопулуса), игумена Спасо-Преображенского монастыря «Сагмата». Он создал музей в часовне святителя Луки, написал книги о нем, организовал две международные конференции в Афинах, посвященные святителю Луке.

АП: Твердость в вере одного рождает преданность другого.

ИР: Это правда. Любовь и преданность отца Нектария владыке Луке безмерны. Наверно, вы знаете, что зафиксированы случаи чудесного исцеления больных по молитвам святителя.

АП: Расскажите.

ИР: Так, у юного пианиста Назара Стадниченко прихлопом двери были оторваны фаланги пальцев. Мальчик истово молился Святителю и произошло невозможное: у Назара выросли пальцы, и мальчик продолжил свою концертную деятельность.

АП: Это выше человеческого понимания!

ИР: Но есть свидетельства докторов и все результаты обследования!

АП: Да, я был на передачах, где все эти документы и кинохроника демонстрировались!

ИР: А как вам отчеты отца Нектария, когда в греческих больницах вдруг происходили случаи таинственных исцелений, при этом пациенты видели во сне седого бородатого большого человека, который проводил им операцию. Нередко на теле у больных оставались послеоперационные шрамы.

АП: Просто фантастика какая-то!

ИР: Кроме всего, отец Нектарий создал программу «Мост любви» и детский лагерь «Дети святителя Луки». А еще он проехал по всем местам, куда был сослан Святитель, и приглашал русских детей-сирот на отдых в Грецию. К сожалению, из-за экономического кризиса в Греции программа сейчас не действует, но отец Нектарий продолжает молиться святителю Луке о помощи.

АП: Если мы хотим, чтобы «Мост любви» соединял и исцелял детские души, вспомним завет святителя Луки: «Главное в жизни – делать добро. Если не можешь делать для людей добро большое, постарайся совершить хотя бы малое».

На этой великой ноте мы обращаемся ко всем, кто может помочь русским детям отдохнуть в греческом лагере – хоть малой толикой поддержите это благородное дело! Спасибо!

А напоследок – уже ставший традиционным вопрос: назовите, пожалуйста, три основных качества русского человека.

До новых встреч, дорогие телезрители. С вами была программа «История рядом с нами», наш гость – журналист Игорь Родионович Ивачев – и ваш постоянный ведущий Александр Павлович Романцев.

Оставайтесь с нами и никогда не отчаивайтесь, как учит нас своею святой жизнью Лука Крымский. И помните: куда бы вы ни пошли – ваша история следует за вами!

Глава 10

Каждый выбирает по себе...

Как ни странно, именно в Германии Маша неожиданно для себя обрела духовника. Не в России, где храм стоял во дворе ее дома, не среди русских священников, а здесь, на немецкой земле, она, внучка священника, встретила своего первого наставника.

– Батюшка, все же, почему православие и русский язык? – спросила она отца Фому при очередной встрече. Теперь все чаще между дежурствами она заходила к нему в храм. И постепенно привыкла и к его немецкой аккуратности, и мюнхенскому акценту.

Служба в храме закончилась, и на душе было так тихо, как в детстве. Маша рассказала священнику о себе, об отце, о своем странном пациенте. Потом стала спрашивать сама.

– Почему? Не знаю. Я считаю, что Господь нас фсех федет.

– Вы чувствуете на себе «руку Бога»?

– Фее мы чувствуем. А фы разве нет?

Маша задумалась.

– Наверное. Хотела на исторический, и вдруг – медицинский. Сама ведь не выбирала – так сложилось. И сейчас... жила в России, и вдруг – Германия... Тоже не выбирала – за один день все решилось. Я в ЦКБ в Москве работала. А там герр Хофман был на практике...

– Фот и у меня... Священник, хотя учился на архитектора. И живу в России, хотя родился тут, в Германии.

– Ау вас кто-нибудь: деды, дяди, ну, кто-нибудь – воевал во Вторую мМировую?

Маша спросила и сразу пожалела о своем вопросе: «Дура! Вот дура, вечно я со своим историческим анализом...»

Отец Фома почувствовал смущение девушки и взял ее ладошку в свои большие руки.

– Мой дед... Он прошел по Красной площади.

– Как?

– Пленным.

– Ух ты! А вы теперь в России служите! Вот и... – Маша снова запнулась.

– Да. Расплата, хотите фы сказать? Так часто гофорят – я слышу. Дед грешил, а я отмаливаю.

– Да нет... – совсем смутилась Маша.

– Я молюсь за сфоего деда. Он был солдат.

– Вас понимают родные?

– Нет, конечно. Просто я стал задавать фопросы, на которые нет оффетов у себя здесь. И поехал в Россию. Закончил семинарию... Женился...

– А! Вот как глубоко...

– Да. Я учился в Троице-Сергиевой Лафре. Ф Семинарии. Там фстретил дефушку. Она приехала из Польши учиться на регента и – фее...

– Пойдите, отец Фома, вы хотите сказать, что вы женились не на русской женщине, а на польской?

– Да.

– В России?

– Да.

– Вы немец, православный немец, нашли себе в России православную полячку?

– Да, – широко улыбнулся священник. – По милости Божьей.

– Вот это да-а-а! Не удивительно, что вас не понимают родные.

– Они долго прифыкали. Фее у меня для них «не типично, не по-немецки». У меня здесь, в Германии, остался друг – фрескописец – серб, Драган. Фот он-то и говорил много с моей

мамой, папой, сестрами. Фее им объяснял. И еще его русский друг, зовут Адмирал. Он настоящий дипломат!

– А иконы Драгана можно увидеть?

– Фрески. Они пишут фрески. И здесь немного есть... и... тут не далеко... э...

– Где? – Маша поднялась со скамьи.

– В Черногории и Сербии – тут пара часоф на хорошей скорости, – засмеялся отец Фома. – Фот там очень, ОЧЕНЬ много его фресок.

– Шутник вы, батюшка. А ваши родные стали тоже православными?

– Пока нет. Но постепенно они стали понимать, почему я фыбрал такую жизнь.

– Так вы служите не в этом храме?

– Я сейчас в отпуске и немного служу здесь. А через пару дней фернусь в Москфу и буду служить у себя. На Новослободской. Фернетесь – найдете меня там.

– А когда я вернусь? – Маша пожала плечами.

– Думаю, что мы с фами увидимся завтра, – улыбнулся отец Фома. – Фы далеко живете?

– Нет, тут рядом. Возле больницы снимаю квартиру... Только, батюшка, я через час заступаю на дежурство. Теперь только через сутки буду свободна.

– Ну тогда и приходите, – повернулся к девушке священник. В его глазах горели теплые искорки. Лишь позже Маша поняла, что это – свет искренней веры.

Межглавие

Петр Алексеевич лежал в высоких подушках. Силы покинули его.

Спать не мог, мучил вопрос: на кого он оставит Россию?

И даже измена жены и предательство любимца Менишкова не обжигали так остро.

Почему у него нет наследника? Почему близкие по духу люди оказались так далеко?

Петр поднял глаза и посмотрел на Романцева.

– Я сделал Россию великой. Великой морской империей! Я вместе с мужиками корабли рубил!

– А кто рубил бороды боярам и головы стрельцам? – Романцев вперил в него испытующий взгляд.

– Ну и что? Зато я построил новое государство!

– Да. Ты построил новое государство, но не сумел построить новый народ.

– Я сделал больше – я создал новую аристократию, вышедшую из этого самого народа!

Мой Менишков – из конюхов...

Романцев прервал Петра.

– В этом ты схож с Наполеоном, который тоже добился великих побед, потому что в ранце каждого его солдата был маршальский жезл. Правда, закончил он плохо.

– Кто таков?

– Французский император.

– Ты лжец! Я не знаю такового!

– Нет, государь. Вы разминетесь во времени.

...Романцев открыл глаза: перед ним на стуле сидела фрау Катарина.

– Стоят ли успехи государства духовного разрушения? – задумчиво произнес он.

Сиделка подскочила на стуле:

– Что ви скажут? – пыталась выговорить пожилая женщина, которая «никак не понимать русских».

* * *

Алла Борисовна нервно ходила по гостиничному номеру, а ее дочь, забравшись с ногами на диван, следила за голубями, воркующими за окном.

– Боже, как я устала! Когда же мы, наконец, вернемся домой? Совсем ничего не хочется от усталости. А завтра – снова... – Она присела на краешек дивана к дочери. – Что делать?

– Расслабься. – Лена стала массировать красивые плечи мамы. – Вон какая вся напряженная.

– Все равно... какое-то волнение. Может, нужно было остаться в клинике?

– Не переживай, а? Там же сиделка. Что говорят врачи?

– Да что они могут! – в сердцах дернула плечами Алла. – Время – вот наш лечащий врач. Главный.

– А-а-а! Кстати, вот что я хотела тебе сказать, – оживилась Ленка. – Мне тут в фейсбуке написала Наташка Ефимова...

Алла Борисовна махнула рукой:

– Никогда она мне не нравилась. Пустая девчонка.

– Нет, мам, она сейчас в Берлине живет, учится...

– Учится? Ефимова? И на кого?

– Пиар...

– Ну разве что. Каждый выбирает по себе...

– Что?

– Да это стих такой... «Каждый выбирает по себе / Женщину, профессию и друга»... – кажется, так... Я помню, как мы с ее отцом на родительских собраниях отдувались за вас!

– Мама! – вскинулась Ленка. – Я-то хорошо училась!

– А как себя вела? Кто класс подговорил с уроков сбежать? А кто в девятом...

– Кстати, а ты знаешь, что Андрей Сергеевич в Мюнхене?

– В Мюнхене? А почему не в Берлине?

– У него командировка, Наташка написала. Хотела с ним приехать, но завалила зачет. Приедет после сессии.

– Ну вот и хорошо. Сходишь с подругой в ресторан, в музей... Развеешься.

– А-а-а, кстати, мама! А может, и ты развеешься? Я сейчас напишу Наташке, пусть телефон дяди Андрея сбросит.

– Ну, нет, Лена...

– А почему?

– Потому что ты сама знаешь «почему».

– Ну, ты же только что сама жаловалась... Посидишь в ресторанчике с дядей Андреем. Вспомните, как сидели вместе на школьном собрании, а?

– Ах! – вскинулась Алла Борисовна. – А ты знаешь, мы даже всегда с ним за одной партой сидели, как вы с Наташкой.

Он даже прозвал меня «одноклассницей», – засмеялась своим воспоминаниям Алла.

– Вот и хорошо! – Лена заглянула в планшет. – Вот и телефончик Наташка скинула.

Быстро набрала номер.

– Алло, дядя Андрей? Здравствуйте. Отгадайте, кто это. А вот и нет. Это Лена Романцева. А знаете, что мы с мамой делаем?.. Правильно, все наоборот. Мы скучаем?.. А на какой улице вы скучаете?.. Не может быть! Что вы говорите?.. Так близко?.. Поскучать вместе? – Лена выразительно посмотрела на мать. – Ну, не знаю, уговорю ли ее. Она ведь у нас не сговорчивая... Да. Передаю трубку. Попробуйте вы. Может, у вас получится.

Алла Борисовна, скрывая волнение, взяла трубку.

– Алло, – томным голосом произнесла она. Дочь сделала ей знак окей. – Здравствуйте, Андрей Сергеевич. Да-да, совершенно верно, – улыбнулась она дочери. – Ваша «одноклассница». – Лицо ее вдруг вытянулось:

– С мужем? Ну-у-у... – тянула она фразу. – Все по-прежнему. Уже скоро год... Спасибо....

– Куда пойти?.. Ну-у-у... Может быть... Что?.. Хорошо... Да... Ну-у-у, может быть, завтра?

Лена замахала руками.

– Что вы говорите, я не расслышала... Уезжаете? Ну, хорошо. Тогда... на Мариенплац? Пускай будет в этом ресторане. Когда?.. Нет! Это рано, я не успею собраться. Может быть, часа через два? – Алла Борисовна вопросительно посмотрела на дочь, та энергично закивала головой. – Хорошо. Тогда – до встречи!

* * *

Маленький уютный ресторанчик, каких много в Германии: мягкий свет и приятная музыка, вежливые официанты и свежее пиво.

Алла Борисовна опоздала на полчаса. На ней было длинное зеленое платье, так шедшее к ее глазам и рыжим кудрям.

Волосы Лена помогла ей уложить так, чтобы открыть покатые плечи. Андрей Сергеевич встал, широко улыбнулся и, галантно поцеловав даме руку, пригласил ее к столу. В глазах Андрея Сергеевича читалось восхищение.

– Вы совсем не изменились!

– Что? Опять опоздала на собрание? – обворожительно улыбнулась Алла.

– О нет! Вы так же прекрасны! Как пять лет назад. Или... стойте! По-моему, вы стали еще красивей!

Алла махнула рукой.

– Вы пробовали немецкое пиво? – Андрей Сергеевич, высокий жгучий брюнет с проседью и пронзительными карими глазами смотрел на нее с понимающей улыбкой.

– Я бы предпочла бокал красного вина.

– Сухого?

– Конечно! Каждый выбирает по себе...

– Что?

– Да так, крутится с утра....

– А вы помните, как мы однажды после собрания зашли в кафешку...

– Снимали стресс?

– Еще бы, мою Наташку чуть не выгнали со школы за неуспеваемость...

– А мою Леночку – за поведение!

– Нет, Алла Борисовна! Подумать только, папа – литературный критик, а у дочки пара по литературе!

– Нет, Андрей Сергеевич! А моя-то что тогда натворила, помните?

– Очередной бунт в классе?

– Да того хуже! Засунула в дверной замок зубчик от расчески, и учитель не смог открыть математический класс! Уроки по математике на весь день были сорваны! – Алла рассмеялась. – Представляете? Во всех классах! Пришлось ломать дверь! Саша потом новый замок вставлял.

– Кстати, как он?

– Пока не очень. – Ее лицо побледнело.

– А что врачи говорят?

– Да что они могут? Время – вот лучший доктор.

– Я понял. А как дети? Мне Наташка говорила, что Лена защитила диплом и?..

– И работает по специальности. Юрист на телевидении.

– Хорошо. А сын... кажется, Игорь?

– Пошел в отца. Сейчас он с нашим помощником Георгием, вы знаете его...

– Нет.

– Ну, не важно... Друг Александра Павловича.

– И что сын?

– Ведет отцовский бизнес.

– А вы знаете последний анекдот о деловом партнере?

– Не люблю я анекдотов... – Алла капризно поджала полные губы.

Вошел официант.

– Так, – Ефимов взял меню. – Хотите немецкую кухню или...

– А есть суши?

– Есть! Я тоже люблю японскую.

– Ну, тогда сами и заказывайте.

Андрей Сергеевич повернулся к официанту и на хорошем немецком произнес:

– Два мисо, две «Калифорнии», две «Филадельфии», суши с тунцом и гребешком, пожалуйста, и салат чука. Так, и, конечно же, чай... Вам какой? – по-русски спросил он Аллу.

Та ответила по-немецки:

– Зеленый. С жасмином.

– Гут. А что на десерт?

– О! Я сладкого не ем.

– Ну, тогда с вашего позволения, я закажу себе берлинское пирожное.

– Здесь только мюнхенское! – улыбнулась Алла.

– Да? Ну и хорошо. Берлинским меня Наташка перекормила.

– Как она?

– Вроде бы поумнела, 23 годика, никак!

– Я в ее возрасте уже мамой была! – с гордостью сказала Алла Борисовна.

– За что будем пить? – Андрей Сергеевич вопросительно приподнял правую бровь.

– Есть предложения?

– За встречу старых друзей!

Они сдвинули бокалы. Подошел официант и принес свечу. Когда он ее зажег, все преобразилось. В мерцании трепетного огня Алла Борисовна казалась еще моложе, а кафе – еще сказочней.

– Ой, Аллочка Борисовна, как же я мечтаю стать дедом. На рыбалку с внуком ходить, в театр его водить, в футбол играть... а они не хотят...

– И что, Арсений тоже бунтует?

– Да окопался в своем Париже и все про свободную любовь талдычит.

– У меня тоже Игореха не спешит. Говорит, не время ему. Хотя бы Лена что ли влюбилась в кого!

– Нет, Аллочка Борисовна, уж кого-кого, а вас – он сознательно нажал на «вас» – я бабушкой не представляю.

– Я, между прочим, очень семейная барышня и буду отменной бабушкой, вот увидите. Мы с внучкой пироги будем печь, цветочки разводить на даче...

– Тогда предлагаю выпить за бабушек: красивых, элегантных и умных!

– Подождите, Андрей Сергеевич. Не будем торопиться!

– Точно. Тогда еще и за скромных!

Алла Борисовна рассмеялась.

– О нет! Я предлагаю выпить за наших детей!

Официант принес заказ.

– Нет уж! Пускай за себя они выпьют сами, а мы выпьем за нас! Кстати, вот и наши суши!

Налегаем?

– Не знаю. У меня что-то нет особого аппетита.

– Тогда мы его сейчас разбудим! – Андрей Сергеевич посмотрел на официанта, и тот долил вина в бокал Романцевой.

– За что?

– За... дружбу!

Лицо ее разумянилось, в глазах заиграли золотые искорки свечи.

– А хотите анекдот? – улыбнувшись, произнесла она.

Ефимов расхохотался, театрально запрокинув голову.

– Вы же не любите анекдотов?

– А сейчас могу себе позволить! Вот слушай. Звонит мне перед отлетом один знакомый и говорит: «Послушай, а тебе нужен телевизор? Такой большой, цветной!» – «Плазма что-ли?» – «Да нет, не совсем. Но очень хороший!» – «Послушайте, Славик, – говорю я ему, – а чего это вы такой сегодня добрый?» Тут мой приятель замялся: «Да, понимаете, кошку мне нужно пристроить!» – «А что так?» – настаиваю я. «Да... жена сказала: либо я, либо кошка...» – «И что же вы выбрали?» – не унимаюсь я. – «Да... Понимаете, жену труднее пристроить, даже с такой доплатой. А потом... она обратную дорогу знает!»

Андрей от души рассмеялся.

В этот момент раздался телефонный звонок.

– Боже мой, кому я еще сегодня понадобилась? – игриво улыбнувшись, Алла взяла трубку.

– Аллю? Да, это я... Что-о-о?

Андрей Сергеевич увидел, как красивое лицо женщины вдруг исказилось немим плачем и окаменело.

Интервью № 11

Золотой век тайной науки

АП: Дорогие друзья, тема нашей сегодняшней встречи – Алхимия духа, основанная на алхимии слова. Алхимики ведут начало своей науки от Гермеса Трисмегиста – Гермеса Триждывеличайшего, сочетающего в себе черты египетского Тота – бога мудрости и письма и греческого Гермеса. В христианской традиции искусство делать золото называлось герметическим. Свои сосуды алхимики запечатывали печатью с изображением Гермеса – отсюда выражение «герметически закрытый». И сегодня я предлагаю герметически открыть, или разгерметизировать, запретную тему. И поможет мне в этом учитель биологии и химии, а главное – прекрасный поэт – Петр Федорович Купцов. При чем тут словесность – спросите вы? Я вам отвечу: слово – это золото высшей пробы.

Скажите, Петр Федорович, а что думает химия о лженауке алхимии?

ПФ: А что может думать дитя о матери, Александр Павлович?

АП: Вы хотите сказать...

ПФ: Именно! Именно это я и хотел вам сказать: сегодняшняя химия как наука родилась из алхимии, и не только химия...

АП: А что же еще?

ПФ: Терпение, господин Романцев, терпение.

АП: У меня к вам так много вопросов, но я начну постепенно...

ПФ: С главного...

АП: Да, с главного. Меня всегда интересовало: а были ли на Руси алхимики, или это мракобесие Европы?

ПФ: Я бы на вашем месте поостерегся с такими выводами. Я только перечислю вам такие достойные имена, как Михайло Васильевич Ломоносов...

АП: Да неужто!

ПФ: Да, придворный алхимик, знаете ли...

АП: А еще?

ПФ: Пожалуйте... Яков Брюс, граф Толстой....

АП: Наш литератор?

ПФ: Нет. Его дальний родственник. И все они принесли огромную пользу для своего отечества. Но... все по порядку. Родиной алхимии считается Древний Египет. Это слышно и в ее названии: «хеми» или «хума» – «черная земля». Это древнее название Египта. Хотя по другой версии, слово алхимия восходит через арабское к греческому «хюмос», «хюма» – «лью», «отливаю», что указывает на связь алхимии с искусством плавки и литья металлов.

АП: Логично и то, и другое... Но в чем «соль» вопроса, скажите?

ПФ: В течение тысячелетий алхимики пытались найти «философский камень» – некое твердое или жидкое вещество, способное осуществить трансмутацию...

АП: А это что такое?

ПФ: Трансмутация – это облагораживание, превращение простого металла в серебро или золото. Это средство также должно было служить универсальным лекарством: раствор его должен был исцелять все болезни, омолаживать старое тело и удлинять жизнь.

АП: И достиг ли кто-нибудь таких вершин?

ПФ: Вот мы с вами сейчас и попытаемся это понять. Давайте размышлять логически. Египет вошел в состав Римской империи, а египетские алхимики, видимо, достигли какого-то успеха, потому что в 292 году римский император Диоклетиан вынужден был издать специальный указ о сожжении всех рукописей, в которых содержались рецепты получения искусственных золота и серебра.

АП: Возможно, этот шаг объясняется тем, что переизбыток золота создавал бы угрозу сложившемуся товарообороту и египтяне могли бы, накопив большое количество денег, поднять восстание против римлян.

ПФ: Совершенно верно! Толпы фанатиков преследовали и убивали ученых, из которых лишь немногие нашли убежище в Византии. В IX веке в руки арабов попала греческая библиотека, в которой находились и немногочисленные уцелевшие трактаты по алхимии. Арабы сразу оценили практическую сторону учения, и вскоре в Багдаде было освоено получение щелочей, перегонка растительных масел, кристаллизация и возгонка многих других веществ...

АП: Возгонка... Ага, что-то мне это напоминает!

ПФ: И правильно напоминает.

АП: Тогда вопросов нет – я на Руси знаю многих алхимиков!

ПФ: Но вы напрасно смеетесь, Александр Павлович. Это широко используемый процесс, и, кстати, всем известное слово «алкоголь», по-арабски «ал кюль», означало в первоисточнике – «сурьма».

АП: Сурьма?

АП: Да, ее получали возгонкой из соответствующего сырья. Потом так стали называть все продукты возгонки. А уж затем – всем известный этиловый спирт.

АП: Но это – Восток, а Европа? Россия?

ПФ: В Европе алхимия появилась только в XI веке, там, где был тесный контакт с арабами – в Испании и на острове Сицилия. Здесь впервые начали переводить арабские рукописи на латинский язык, стали возникать первые алхимические школы...

АП: Вот так, дорогие наши читатели, и начался золотой век тайной науки. Великие ученые Средневековья, такие как Абу-Али ибн-Сина, более известный нам как Авиценна, Френсис Бэкон, Барух Спиноза, Готфрид-Вильгельм Лейбниц, верили, что, если к серебру или ртути примешать в малых количествах «философский камень» и полученную смесь нагреть, она превратится в золото.

ПФ: Были и монархи, которые и сами были не прочь поэкспериментировать с превращениями элементов, например, датский король Фридрих III, который за 20 лет своего правления истратил миллионы талеров на поиски философского камня. Император Священной Римской Империи Рудольф II щедро поддерживал алхимиков деньгами, желая получить от них «вечный эликсир» от всех болезней и заодно «камень мудрецов» для производства золота. Но в целом занятие алхимией было проклято католической церковью и запрещено в Англии, Франции и на территории Венеции.

АП: Только вот какая странность, Петр Федорович. В то время как в Западной Европе было много алхимиков, в России их не было ни одного!

ПФ: Это кто же вам это сказал?

АП: До настоящего времени не найдено ни одного документального свидетельства о существовании в допетровской Руси алхимических лабораторий или же об увлечении русских людей алхимическими идеями.

ПФ: Не согласен с вами категорически! Есть сведения о русском алхимике-рудознатце, жившем в конце XVI века во времена царствования Федора Иоанновича. Этот человек жил в Твери в 1596 году. Тогда говорили – «в лето 7104». Великому князю и царю всея Руси Федору Иоанновичу доложили, что есть человек, который при помощи переплавки с различными добавками отделяет золото и серебро от руды. Он был доставлен в Москву и, начав переплавку руды, один раз удачно получил настоящее золото.

АП: О как!

ПФ: Да. Но дальше опыт не пошел. Царь Федор Иоаннович разгневался на него и приказал пытать без всякой жалости мастера и его ученика.

АП: А говорили, что царь милостив был...

ПФ: Так именем правителей сколько бед наделали. Вот Николай II даже имя «кровавый» получил, а он к «Кровавому воскресенью» не причастен был – его и в городе-то не было, но это так, к слову...

АП: И что же несчастный? Исправился?

ПФ: Да когда же страх помогал дело делать? Стали проводить дальнейшие опыты и в итоге отравились парами ртути. Переусердствовали со страху.

Но уже в XVI–XVII веках в Москву приезжали многие алхимики – иностранцы, предлагавшие свои услуги московским царям и боярам. Известно, что при дворе Ивана IV был в качестве врача-«арканиста» Элоизиус Бомелиус. Псковские хроники называют его «волхвом зело лютым».

АП: Хроники?

ПФ: Хроники! И там сказывалось, что он готовил для царя яды, от которых жертвы «умирали в назначенную минуту». Но и на него нашлась расправа при грозном-то царе! Бомелиус был обвинен в измене и сожжен заживо в Москве в 1580 году. Также при Иване IV был алхимик Игнацио Даги, который ввел передовые методы извлечения серебра из руды, что почти вдвое повысило отдачу рудников.

АП: Так это же успехи в минералогии!

ПФ: И я о том же! Есть сведения, что Борис Годунов «проводил свободное время» в своей резиденции в Хорошево под Москвой в компании заграничных докторов, одним из которых был Ридли, и факты дают основание предполагать, что Годунов и сам интересовался алхимией.

АП: Как же неожиданно и интересно!

ПФ: При дворе царя Михаила Романова находился в качестве его личного врача английский алхимик и врач Артур Ди известный в Москве под именем Артемий Иванович Дий. Артур Ди начал свою медицинскую карьеру в Лондоне, а в 1621 году по просьбе царя Михаила король Яков I послал его в Россию. Он был выбран не столько английским королем, сколько русскими агентами. Приезда Артура Ди очень ожидали, так как царь Михаил был болен и ему требовалась срочная медицинская помощь. Она же требовалась и другим членам царской семьи, в частности, отцу царя, Патриарху всея Руси Филарету – Феодору Никитичу Романову.

АП: Но это все чужие алхимики при дворе. А свои как?

ПФ: Не торопитесь, Александр Павлович. В XVII веке появляются и в России свои алхимики. Алхимией занимались монахи – старообрядцы Выговской пустыни, расположенной у Онежского озера. Под покровительством основателя пустыни Андрея Денисова был переведен на русский язык труд знаменитого алхимика XIII века Раймонда Луллия «Великое Искусство». Однако староверов привлекала не столько возможность получения философского камня, сколько «великая наука каббалистичная», объяснявшая единство божественного творения. Книгу Луллия читали и в Москве, и в Петербурге.

АП: Подумать только – каббализм в старообрядческом монастыре...

ПФ: Но... Петр I принимал все научные предложения, кроме алхимических, так как считал, что «изготовители золота» либо обманщики, либо невежды. При его дворе были алхимики, которые золота не добывали, но изучали разные химические реакции. Так, алхимик Генрих Апфельбаум улучшил качество продукции отечественных пороховых заводов. Сам Петр дружил с Яковом Брюсом, ум и образованность которого очень ценил.

АП: Я долго ждал, когда вы назовете это имя, уважаемый Петр Федорович! Дорогие наши читатели, позвольте вам представить высочайший ум Петровской эпохи – Яков Вилимович Брюс...

ПФ: Простите, что перебиваю, но мне так приятно слышать, что вы всех, буквально всех – и близких, и далеких, называете по имени-отчеству.

АП: Это мой принцип. Я считаю, что это удивительная характеристика России – мы всегда во всех сословиях с уважением относились и, я надеюсь, будем относиться, – к отчеству. Ни в Европе, ни тем паче в Америке – отчеств нет, словно бы человек безродный. Но... вернемся к нашему Брюсу.

ПФ: Вернемся.

АП: Родился он в Москве в семье шотландского дворянина в 1669 году. Записанный вместе с братом в царские потешные полки, Яков Вилимович с 1689 года является неразлучным спутником Петра, по праву заслужив звание одного из «птенцов гнезда Петрова». Во время поездки в Голландию и Англию у Брюса появляется возможность заняться наукой. Целый год он изучает математику, механику, астрономию, знакомится с Галлеем и Ньютоном... На минутку, я хочу еще раз подчеркнуть эти связи – с Галлеем и Ньютоном, пишет исследовательскую работу «Теория движения планет». По возвращении в Россию весь свой научный опыт и полученные знания Брюс ставит на службу российскому государству.

АП: Слава русским ученым, отдавшим свой талант для процветания Отечества!

ПФ: Да, Александр Павлович. Россия нуждается в образованных людях, специалистах в разных областях знания, и Брюс начинает с издания столь необходимых научных книг и учебников по математике, физике, астрономии, навигации, географии, артиллерии. Он сам лично переводит лучшие европейские образцы с английского, немецкого, голландского и латинского языков. Одновременно участвует в создании первых математической, «навигацкой» и инженерной школ, оборудует в Москве и Петербурге обсерватории, где ведет постоянные астрономические наблюдения. Так на верхних этажах Сухаревской башни в Москве...

АП: Позволю себе заметить, что это – второе по высоте здание Москвы после колокольни Ивана Великого...

ПФ: Совершенно верно. И там Яков Брюс установил телескопы и вел наблюдения за движением планет и солнечными затмениями.

АП: Я бы к этому еще добавил, что с 1709 по 1715 годы под редакцией Брюса выходит в свет первый в России гражданский календарь, где, помимо церковных праздников, даются основные астрономические сведения и публикуется астрологический прогноз более чем на столетие вперед.

ВН: Совершенно верно. Популярность издания была такова, что еще многие годы спустя все астрономические и астрологические календари люди по привычке продолжали именовать «Брюсов календарь».

Как ученый-практик он берется за составление географических карт и атласов России, во главе Берг-коллегии организует геологические экспедиции, строит новые рудники, сочетая при этом знания ученого с талантами организатора и экономиста, а на посту главы Мануфактур-коллегии руководит всей русской промышленностью.

АП: Это какой-то неумный гений. Русский Леонардо да Винчи!

ПФ: Русский? Хотя почему бы нет? Рожден в России, служил России, – значит, наш! Хотя следом за ним придет настоящий русский мужик – Михайло Васильевич Ломоносов, и его по праву назовут «русский Леонардо»!

АП: Кроме этого, я помню, Яков Брюс является создателем русской артиллерии.

ПФ: Да. Начиная с 1701 года он планомерно формирует новый род войск в русской армии: сам пишет устав, комплекзует полки, обучает бомбардиров, а затем в течение почти четверти века возглавляет российское артиллерийское ведомство в чине генерал-фельдцейхмейстера. Многие громкие победы Петра Великого были бы невозможны без таланта и отваги этого человека. Проводя время в походах и сражениях, он ни на секунду не забывает о научных и практических занятиях: переписывается со знаменитым Лейбницем...

АП: Хорошие знакомства вел, как бы в старину сказали: Галлей, Ньютон, Лейбниц...

ПФ: Но он не только заграничными умами восхищался, а еще и открывал собственные российские таланты. Например, географа и историка Татищева... И кроме того, он реформирует денежную систему России! А в условиях войны со Швецией в 1718 году отправляется первым министром на Аландский конгресс для переговоров о мире, и, если я не ошибаюсь, в 1721 году он подписал Ништадтский мир, завершивший Северную войну.

АП: Но... после смерти Петра I Брюс подал в отставку и до конца своих дней безвыездно и в полном уединении жил в своем имении Глинки неподалеку от Москвы, ныне – Щелковский район. Там он целиком посвятил себя науке.

ПФ: За свою недолгую жизнь, всего шестьдесят пять лет он прожил, Брюс был одновременно математиком, физиком, астрономом, географом, книгоиздателем, переводчиком, дипломатом, инженером, картографом, геологом, командующим артиллерией и министром промышленности.

АП: Петр Федорович, если Брюс такой государственный муж, так почему же тогда его относят к алхимикам?

ПФ: Вероятно, потому, что у крестьян личного имения Брюса его научные изыскания вызывали суеверный ужас. Они были уверены, что у него есть черная магическая книга, которая никому в руки не дается. Народная молва утверждала также, что книга эта, состоявшая из семи деревянных дощечек с вырезанным на них непонятным текстом, принадлежала когда-то премудрому царю Соломону.

АП: О как! Еще одно славное имя в его послужном списке!

ПФ: Да. Среди крестьян ходили слухи, что якобы Брюс сделал куклу, которая умела ходить и говорить. Этаким Голем. Рассказывали, что на службе у Брюса состоял дракон, прилетавший по ночам, но вот чем-то дракон не угодил хозяину, и тот превратил его в камень, а в окна его домашней химической лаборатории по ночам сверкает «дьявольский свет» и молнии. Они верили, что с помощью заговоров он среди жаркого лета покрывал пруд толстым слоем льда, а зимой, наоборот, не давал воде замерзнуть, делал живое и мертвое снадобья из лягушачьих мозгов, из цветов – живых девушек, а по ночам вылетал из окна и парил над окрестными деревушками.

АП: Ну это же явные суеверия!

ПФ: А вы знаете, ведь почти все эти слухи, за исключением легенды о кукле, которую проверить не удалось, несмотря на их нелепость, имели под собой реальную почву. Брюс действительно не упускал случая удивить своих высокородных, но не особенно образованных гостей. Как-то раз зимой Брюс велел засыпать лед на пруду опилками, летом смел этот теплоизоляционный слой и устроил для гостей каток. Зимой же он залил лед на пруду тонким слоем концентрированной серной кислоты, развивающей большой тепловой эффект при разбавлении водой. Лед растаял, и гости с удовольствием катались на лодках. А что касается разноцветного огня со странными вспышками, так это не удивительно: они всегда возникают при работе с раскаленными металлами и при испытании пороха.

АП: А как он умер? Говорят, и тут не обошлось без чудес?

ПФ: Согласно легенде, он погиб от неодолимой страсти к науке и магии. Якобы он изобрел воскресающий напиток, повелел слуге разрубить себя на части, «расчлененку» закопать и поливать «живой» водой. Неслыханный эксперимент прервался из-за решения царицы Анны Иоанновны. По ее повелению, слуга сознался и показал тело господина. Как рассказывали крестьяне, «глядят – тело Брюсово уж совсем срослось и ран не видно; он раскинул руки, как сонный, уже дышит, и румянец играет в лице». Решили: «Нечистое это дело» и перезахоронили, а содержимое склянки сожгли, книги замуровали в Сухаревой башне. После смерти Брюса дух волшебника обосновался в Сухаревой башне и по ночам пугал прохожих. Ходила и другая легенда – будто бы Яков Вилимович и не умер, а создал воздушный корабль и улетел на нем неизвестно куда.

АП: Интересная личность, нечего не скажешь! А вы еще назвали имя Михайлы Васильевича Ломоносова...

ПФ: Да. Известно, что Михаил Васильевич Ломоносов занимал должность придворного алхимика, хотя и не афишировал этого звания. Начиная с 1742 года Ломоносов добивается постройки химической лаборатории, и в октябре сорок восьмого она была построена при Академии наук по его собственным чертежам. Он начал проводить в ней экспериментальные исследования по химии и технологии силикатов, по обоснованию теории растворов, по обжигу металлов, а также осуществлял пробы руд. Здесь он провел более 4000 опытов, в результате которых им была заложена основа науки о стекле и разработана технология изготовления цветных стекол. При этом Ломоносов был один из первых, кто в педагогической практике применил химические опыты и привлекал студентов к лабораторной работе. В своей работе по разработке технологии изготовления цветного стекла Ломоносов опирается на алхимические работы известного немецкого алхимика Иогана Кункеля. Известный германский стеклотехник – алхимик Иоганн Кункель еще в XVII столетии в совершенстве овладел возрожденным им способом получения красного стекла – «золотого рубина»...

АП: А! Еще римляне знали эту технологию, подразумевающую включение золота в состав шихты – отсюда и название «золотой рубин», но эта технология была утрачена.

ПФ: Кункель унес в могилу тайну этой красоты, оставив записку такого содержания: «Так как этот секрет стоил мне больших трудов, стараний и забот, то пусть никто не сочтет дурным, что я не делаю его сейчас достоянием всех». И одним из первых, кто вновь открыл ее секрет, заново разрабатывая технологию «золотого рубина», был Ломоносов.

АП: Ломоносов получил задание от Петербургской академии наук на разработку и получение фарфоровой смеси в отечественных условиях. Совместно с ним этой проблемой занимался еще один выдающийся российский ученый, Дмитрий Иванович Виноградов, всю жизнь посвятивший идее получения российского фарфора и создания его производства. Ломоносов и Виноградов в результате своих опытов над гжельской глиной получили фарфор более белого цвета, чем знаменитый «саксонский фарфор», и блестяще решили поставленную перед ними задачу по его производству.

ПФ: Интересны также работы Ломоносова с первейшим элементом алхимиков – ртутью. В работах с ней Ломоносов впервые произвел ее заморозку с помощью жидкого азота и получил ртуть в состоянии отвердения, которая оказалась ковкой, как свинец. Известие, что ртуть можно ковать, произвело сенсацию в ученом мире того времени; оно явилось одним из наиболее убедительных доказательств того, что ртуть такой же металл, как и все прочие.

АП: Я с гордостью могу сказать, что Ломоносов вошел в науку как первый химик, который дал физической химии определение, близкое к современному, и разработал программу физико-химических исследований; его молекулярно-кинетическая теория тепла во многом предвосхитила современное представление о строении материи. Его вклад в химию был большим, но химия не была его любимым увлечением. Его увлекала физика, кроме этого – геогра-

фия, геология, металлургия, минералогия, литература, изобразительное искусство. Еще он был астрономом, приборостроителем, поэтом, историком, поборником развития отечественного просвещения, науки и экономики, утвердил основания современного русского литературного языка. Разработал проект Московского университета, позже названного в его честь. Открыл наличие атмосферы у планеты Венера. Был членом Петербургской, Стокгольмской, Болонской Академий наук, Петербургской Академии художеств.

ПФ: О! Александр Павлович! С каким вдохновением вы об этом говорите!

АП: Я готов сознаться и перед вами, дорогой Петр Федорович, и перед нашими читателями: не тем делом я занимаюсь. Я – физик, и по складу ума – ученый. И Михайло Васильевич – мой добрый гений, я не перестаю восхищаться им. Если бы никого русская земля не родила, а только его одного, то и этого было бы достаточно, чтобы оправдаться перед Творцом.

ПФ: Заслуживает уважение ваше мнение. И я разделяю его с вами.

АП: Так что же наши алхимики? Как идет развитие и внедрение алхимии в науку?

ПФ: Жесточайшими методами и быстрыми темпами. В XVIII веке название «алхимик» заменяется на «химик», так, уже при Екатерине II появляется должность химика при заводах в России. В «Положении о Тульском оружейном заводе» от 1782 года сказано: «При заводе полагается Химик, Механик и Архитектор». Однако должность придворного алхимика сохраняется до начала XX века. Последним алхимиком был граф Толстой Александр Владимирович, дальний родственник писателя Льва Николаевича. Он окончил Московский университет и продолжил образование в Германии, а затем и в Шотландии. Его интересуют проблемы превращения вещества, и он хотел осуществить вековую мечту человечества – превратить свинец в золото. Но... для подобного рода трансмутации необходима энергия, цена которой намного превысит стоимость золота, даже если опыт удастся. Уголь и нефть – слишком слабые источники энергии для подобного рода эксперимента. Молния непредсказуема и неуправляема, хотя и перспективна. И граф Толстой строит солнечную печь, выбрав для нее место неподалеку от Бухары. Все лето 1912 года Толстой пытается превратить свинец в золото. Но безрезультатно. Тогда он решил заняться более, на его взгляд, перспективной проблемой: превращением углерода в углерод.

АП: Углерода в углерод?

ПФ: Представьте себе! Уже в 1915 году Толстой смог превратить графит в алмаз, имевший юридическую ценность. После огранки этот бриллиант, названный Толстым «Анастасия», был преподнесен императрице Александре Федоровне. За 2 года граф Толстой создал алмазов на сумму не меньше чем 50 миллионов рублей золотом. Практически все они были переданы государству безвозмездно, проданы на международном рынке, а деньги пошли на вооружение полков и дивизий российской армии, участвующей в Первой мировой войне. Чаша весов решительно склоняется на тот момент в пользу победы России и ее союзников. В сентябре 1917 года Толстой покидает бухарскую лабораторию и едет в Петроград в сопровождении четырех казаков – вероятно, он лично хочет доставить очередную партию алмазов. На поезд, в котором едет Толстой, в городе Богородицке нападает банда дезертиров и грабит вагон. Казаки воспрепятствовали грабежу, завязался бой, в результате которого погибли и они, и Толстой.

АП: Удивительная история. Алхимия погибла в один год с монархией, и золотой век золотой науки, который длился почти пятьсот лет, закончился.

Спасибо вам огромное, Петр Федорович, за интереснейшее повествование, за соединение литературы, истории и... алхимии. Потому что мы уверены, что алхимия – это духовные коды восхождения души.

ПФ: Да, человек – это не просто таблица Менделеева, как принято думать. Это – живая идея Бога, и без смысла он жить не может...

Романцев застонал и открыл глаза.

Маша внимательно посмотрела на пациента.

– Все хорошо?

Александр Павлович махнул рукой и отвернулся к стенке. Девушка выключила телевизор и включила ночник. В комнате задрожали тени: на улице поднимался по веткам деревьев ночной ветер, казалось, какие-то исполины заглядывают в окна. Потом пришел дождь и забарабанил по стеклу. Романцев лежал с открытыми глазами и вдруг четко произнес:

– Петю...

– Что?

– Позови Петю...

Маша сначала растерялась, а потом очень обрадовалась. Конечно же, человек с экрана – это химик и поэт Петр Купцов, старый друг Романцева. Она не узнала его – в кадре он был без бороды и несколько моложе. Сюда приезжал зимой: с седой окладистой бородкой в льняном плетеном свитере и напоминал Маше средневекового рыцаря в кольчуге. А дочь его – Алла Купцова, жена герра Хофмана. Она в первое время помогала Маше адаптироваться к Германии, а потом закрутилась с детьми и уже редко приезжала в клинику. Как же Маша сразу не сложила эти кубики!

– Сейчас, сейчас сообщу герру Хофману. Не волнуйтесь.

Весь вечер Александр Павлович о чем-то сосредоточенно думал и перед сном выдал:

– Человек – тот же металл. Ему нужна транс...фор...мация...

Ничего длиннее этого слова она не слышала от него – «трансформация».

Глава 11

Жертва

Следующий день прошел на удивление тихо. Хозяиничал за окном все тот же дождь, и они не выходили на улицу. Смотреть программу Романцев отказался. Просил почитать ему дневники Теслы. Маша удивилась и достала с полки книгу, что принесла Алла Борисовна вместе с его любимыми вещами и альбомами. Начала читать и сама увлеклась.

– Без смысла он жить не может... – вдруг проговорил Романцев. – Не может.

– Что?

– Спать! – сказал он четко.

И вот долгожданная ночь. Романцев мирно заснул. Мирно гудели чуткие приборы. Маша уже привыкла к ним и не замечала этого гудения. Оно бессознательно создавало ощущение покоя. Все как обычно. Единственное, что изменилось с последнего дежурства – поменяли цветы в вазе. Наверное, Алла Борисовна заходила, решила она.

В одиночной палате и тишина какая-то особая. Маша подошла к Александру Павловичу и поправила одеяло. Спит. Что-то он сегодня рано, и десяти нет... Ну и слава богу. И заснул спокойно, и вел себя тихо целый день. Днем к нему заходила дочь Купцова, они даже поговорили немного о даче. Значит, память возвращается и эксперимент с фильмами удался. Александр Павлович попросил на ночь какао и заснул. Счастье-то какое: не кричал, не скандалил. Девушка примостилась на стуле и стала вслушиваться в ночную жизнь больницы. Как же тихо... только пульс окрашен в тональный ритм прибора.

Резкий сигнал заставил ее вздрогнуть. Она решила – в соседней палате. Потом обожгло: Романцев! Это у него! Что? Она метнулась к приборам. Не может быть... Остановка сердца?! Монотонный сигнал рисовал прямую линию смерти. Маша бросилась к тревожной кнопке:

– Врача! Срочно! – закричала она по-русски.

Межглавие

В эту ночь Александр I не спал. Он на всю жизнь запомнит то, что, может быть, произошло, а может быть, только привиделось: тяжелый хрип отца, громкое сопение заговорщиков и острый, тошнотворный запах человеческого пота...

* * *

Бригада реанимации попросила Машу выйти. На ватных ногах она зашла в «дежурку» и, рухнув на колени, начала истово молиться.

– Господи, не заberi, как отца! Даруй ему жизнь, Господи! Молю тебя, не отыми! Клянусь тебе, Господи – я ни на что не претендую, не для себя прошу, спаси его! Ты все можешь! Пусть живет! Все в твоей власти, Господи! Клянусь, что... Пусть только живет! – Вдруг силы оставили ее, голова закружилась, и она упала, ударившись об угол медицинского шкафа. Кровь брызнула из рассеченной брови и окропила белый халат...

Межглавие

Александр Павлович Романов, Александр I, государь Российской Империи, Благословенный. Прозванный Наполеоном «Красной девицей», плачущий при Аустерлице и прогнавший

через семь лет того самого Наполеона через всю Россию и всю Европу. Прогнавший непобедимого, как нерадивого солдата сквозь строй, под удары штыков и окрики народов.

Но никогда Александр, прозванный за эту победу Благословенным, не забывал, каким путем он пришел к власти. С молчаливого согласия семьи – да. Но...

В комнату вошла государыня в платье изумрудного цвета. Бархат стелился по полу, играя на солнце вышитыми самоцветами. Как капельки алой крови переливались рубины в ее серьгах. Серые глаза Александра поймали свет камней и согрелись ими. Он всегда с нежностью относился к своей супруге.

– Саша? Вы еще не готовы?

– Да. А куда мы едем?

– В оперу! Вы же не забыли, что мы едем в оперу?

– Сегодня не могу, Лизонька. Я занят. – Романцев склонился над рукой жены.

Александр не мог признаться, что все его думы сейчас были о болящей внебрачной дочери. Софья умирала. А своих детей Господь не дал.

«Вот расплата», – думал Государь.

Государыня ласково поцеловала мужа в лысеющую макушку. Она знала о смертельной болезни Софьи Нарышкиной.

– Полноте. Я не сержусь. – И медленно вышла из кабинета.

Когда Романцев наконец-то остался один, он со слезами опустил на колени. В руках у него был медальон с изображением дочери. Со стен строго смотрели святые лики.

– Господи, Царю Небесный! – рыдал он. – Богородица, Пресвятая заступница грешному человеку, сохрани жизнь моей девочки. Не отыми единственную радость моих очей. Возьми лучшие мою жизнь...

В дверь постучали.

Романцев быстро поднялся с колен, смахнул слезы и спрятал образок во внутренний карман кителя.

– Войдите!

Вошел Аракчеев.

– Вы меня звали?

– Магога, – произнес Романцев нараспев, – Сделай все, что можешь.

– А что я могу, Ваше Величество?

* * *

Алла в вечернем платье влетела в больницу:

– Где? Где он?

В палату ее не пустили.

– Почему к нему нельзя? Реанимация? Где сиделка?

Ее подвели к ординаторской.

Алла Борисовна распахнула дверь и... ее затрясло от негодования.

Маша спала на кушетке.

– Как?! Как вы можете спать? Вы что не знаете, что... что... что Саша... – Рыдания прервали ее речь. – Почему сразу не сообщили?

Опухшая от слез и бессонницы Маша села на топчане.

– Здравствуйте, Алла Борисовна, – безо всякого выражения сказала она.

– Почему вы не с ним?

– Туда не пускают.

– Он что... Что с ним?

– Не знаю. Сердце.

– Сердце? – И тут Алла Борисовна увидела кровь на халате девушки, – это... его кровь?

– Нет. – Маша коснулась рукой окровавленного лба. – Моя.

– Что это? – Алла Борисовна пригляделась к распухшему лицу сиделки.

– Заживет. – Девушка равнодушно смотрела на вечерней наряд Романцевой.

* * *

Алла просидела у палаты почти целые сутки. Никакие уговоры дочери не могли заставить ее покинуть свой пост. Единственное, на что она согласилась, так это переодеть свое роскошное

изумрудное платье и выпить стакан кофе. Случившееся, похоже, отняло у нее последние силы. Во всем она винила себя. Как же она могла позволить себе... Как же можно было так забыть! Как же это произошло? Немцы аккуратны, оборудование подвести не могло. Тогда, значит... Господи! Зачем ей была нужна эта встреча? – Она рухнула на кушетку и прислонилась к стене.

– Дочь, принеси воды, что-то голова кружится.

Лена бросилась за стаканом и за сердечным.

– Мама, да не переживай ты так. Не хватало чтобы еще и ты свалилась тут, прямо перед его палатой. Вот, выпей валерьянки... – Лена как могла старалась успокоить мать. – Все уже прошло. Доктора говорят, что кризис миновал. Все наладилось, слышишь, ма! Кстати, смотри, профессор идет. Видишь, спокойный какой – значит, все нормально.

* * *

И вот, наконец, герр Хофман открыл перед ними двери.

– Заходите, Алла Борисовна. Александр Павлович пришел в себя. У вас – пять минут, он еще слаб.

Алла вскинулась и стала торопливо приводить себя в порядок, но все валилось у нее из рук.

– Мама, успокойся. Вот, на, ты уронила, – она подняла с пола оброненную Аллой помаду и с нежностью обняла маму. – Да не спеши ты. Видишь, я же говорила... сейчас все и выясним.

Ленка встала и подошла к доктору:

– Здравствуйте, Ханс Фридрихович, скажите, что произошло? Ведь все шло нормально, ну в смысле... И вдруг? – Ей хотелось, чтобы профессор своими аргументами объяснил происшедшее и хоть как-то утешил мать.

Но герр Хофман выглядел озадаченным:

– Могу констатировать только... э-э... установленный факт: по неизвестному пока причине у ваш муж произошла остановка сердца. А через некоторый время оно опять стало работать... в обычный режим.

Профессор снял очки и близоруко посмотрел на Аллу.

– Это впервые э... в моей практике.

Алла, вытерев слезы, поднялась на слабых ногах и тихо подошла к мужу.

– Сашенька, милый! – Она погладила его трясущимися руками. – Живой!

Романцев приоткрыл глаза:

– Где ты была? В опере?

– Я? – Она осмотрела свое платье, да нет же, она переделалась. Тогда откуда он мог знать... – Сашенька... Я просто встретила... одноклассника... – Алла метнула возмущенный взгляд на вошедшую следом Машу.

Девушка, опустив глаза, быстро вышла из палаты и натолкнулась на герра Хофмана, задумчиво стоящего у дверей.

– Мария Николаевна, что это у вас... с лицом? – вежливо спросил профессор, разглядывая медсестру.

– Я ударилась, – смущенно пролепетала Маша, пытаясь закрыться рукой.

– Думаю, вам необходим отдых... э-э... не меньше, чем ваш больной. Я найду замену... Пусть это будет премией за оперативный реагирование. – Профессор, улыбнувшись, показал пальцем себе на бровь.

– Спасибо, герр Хофман, – сказала Мария Николаевна и, покачиваясь на ходу, поплелась к лифту.

– Вызвать машину?

– Спасибо. Я рядом живу...

Ей было так плохо, что она не удивилась ни длинной тираде профессора, ни его юмору, блиставшему в самых исключительных случаях. Ей бы только добраться до своей комнатухи, упасть на кровать и – спать, спать, спать! Больше помочь Саше она ничем не могла. Она даже не заметила, что впервые для себя назвала его по имени...

А профессор все стоял и стоял, задумчиво глядя вслед девушке.

Все-таки русские странные, и то, что с ними происходит – тоже странно, – вероятно, размышлял он. – И моя жена... Моя жена тоже русская и тоже очень странная...

* * *

Романцев уже вторые сутки пытался отделить явь от сна. Его тело вдруг стало чужим и тесным, как не по росту скроенный костюм. А сам он – легким-легким, только спеленатым этой тесной плотью... Казалось, вот-вот, еще немного, и он оставит эту надоевшую, измучившую его оболочку! Что ему тут делать? Смысла в его жизни не было никакого, он осознавал, что все его ближайшие цели сводятся к элементарной биологии, и это было ему ненавистно. Уйти! Но как? Зачем оно снова ожило? Он ведь так хорошо договорился со своим телом, поблагодарил его и даже проводил его до черты, плотно закрыв дверь. Старые бойцовские техники не подвели, и вдруг... Этот свет и этот страх... И эта молитва тихим голосом... Откуда?

«А Кутузов писал, что вечером перед покушением он был на ужине в царской семье. Павел I был бледен, но спокоен. И, трапезничая в кругу родных, произнес: “Делайте что задумали”. Да, он был в курсе заговора и смирился с неизбежным. Но не важно. Важно другое: почему Ленка не принесла мне компот? Мне сейчас требуется второе рождение. В этом – я уже все испытал...»

– Я испил эту жизнь... – произнес он вслух.

– Что вы сказали? – над ним склонилась девушка с белыми крыльями. Он точно помнил, что это его ангел. Вот только имя забыл...

«А как же мой сын? Александр? А жена? Возможно ли допустить, что они тоже смирились с неизбежностью моей смерти? Отца и мужа? Своего Государя... Так вот оно что...» Александр Павлович приподнялся на кровати:

– Как твое имя?

– Маша...

– А мое?

Ангел тихо улыбнулся:

– Ну сколько можно говорить: Александр Павлович Романцев. Ой! Как похоже...

– На что?

– Почти что... Александр Первый!

– Что ты сказала?

Интервью № 12

Неблагодарное время Александра Благословенного

АП: В 1801 году история поставила очередной драматический эксперимент на русской сцене: на монарший престол взошел человек, воспитанный швейцарским республиканцем Фредериком Лагарпом, страстным поклонником Руссо. Тем самым Лагарпом, который в ходе великой Французской революции удалил из своей фамилии дворянскую приставку «де». Не мудрено, что его ученик с большой симпатией относился к материалистическим и республиканским взглядам Европы, а своей бабушке Екатерине Великой признавался, что готов бежать в свободную Америку. Но по иронии судьбы любимый внук Екатерины становится императором «Всея Руси» и оказывается втянут в тяжкое преступление отцеубийства.

Добрый вечер, дорогие телезрители. В эфире программа «История рядом с нами» и ваш покорный слуга – Романцев Александр Павлович. Тема нашей встречи – государь Российской империи Александр Первый. Победа над «антихристом» Наполеоном, спасение Отечества, – все это на счету Александра, прозванного «Благословенным». Но любил ли народ своего помазанника? Был ли счастлив Государь? И, наконец, почему Александр I отрекся от престола и ушел в старчество, как считает наш гость, публицист, автор книги о дипломатии Михаила Илларионовича Кутузова и оригинальных исследований по Отечественной войне 1812 года, «русский француз» Иван Петрович Купцов. Вам слово, Иван Петрович.

ИП: Здравствуйте, уважаемые зрители. Александр Павлович, простите, но вы меня смущаете. Во-первых, книгу мы написали совместно с моей супругой Майей, а во-вторых, я не француз. Просто в свое время был приглашен для работы во Францию известным специалистом по наполеоновским войнам профессором Жан-Полем Круазаном. В результате этого любезного предложения я имел доступ ко многим документам этого периода, хранящимся в библиотеках и архивах Парижа, что, несомненно, обогатило мое представление о роли «русской кампании Наполеона» в истории Франции и России того времени.

АП: Простите меня за не совсем точную вашу характеристику, но мне не терпится перейти к теме нашей беседы. Итак, самый таинственный император России Александр I родился 12 декабря 1777 года в Санкт-Петербурге. Вот что писали тогда «Санкт-Петербургские ведомости»: «О сем великом благополучном происшествии возвещено жителям столицы 201 пушечным выстрелом с крепостей Петропавловской и Адмиралтейской, а в придворной большой церкви отправлено с коленопреклонением благодарственное молебствие». И, как пишет историк Николай Карлович Шильдер: «Затем начался целый ряд великолепных придворных и народных празднеств. «До поста осталось каких-нибудь две недели, – писала в феврале 1778 года Екатерина, – и между тем у нас будет одиннадцать маскарадов, не считая обедов и ужинов, на которые я приглашена. Опасаясь умереть, я заказала вчера свою эпитафию».

ИК: И действительно, мальчик родился «порфириноносный», как пророчествовал Гавриил Державин. Современники отмечали, что Александр с детства отличался хорошим здоровьем и спокойным нравом. Также они отмечали его проницательный ум, ловкость и свободу в обращении, красоту и склонность к благородным порывам. Но не надо забывать, что до конца жизни император любил участвовать в различных военных действиях: от парадов до войн, и был убежденным сторонником военных поселений в мирное время и очень любил маршировать. Что, возможно, говорит о серьезном влиянии на него отца, Павла Петровича.

АП: Кстати, когда Павел I стал императором, он назначил Александра военным губернатором Санкт-Петербурга, шефом лейб-гвардейского Семеновского полка, инспектором кавалерии и пехоты, а позднее – председателем военного департамента Сената. Как вам?

ИК: Также известно, что по указанию Павла I юный Александр проходил военную службу в Гатчинских войсках, и там он «от сильного гула пушек лишился слуха в левом ухе». Поэтому Василий Ключевской имел полное право сказать: что «Вращаясь между двумя столь непохожими дворами, Александр должен был жить на два ума, держать две парадные физиономии кроме ежедневной – домашней...»

АП: Вероятно, по этой причине маленького Александра Екатерина II забирает к себе на воспитание, таким образом признавая родителей не способными воспитать молодого царя.

ИК: Это стало возможно благодаря закону о престолонаследии, изданному еще Петром I, согласно которому глава государства мог сам, по своему усмотрению, назначать себе преемника.

АП: Этот закон сыграл злую шутку с Павлом I, который всю жизнь боялся, что мать лишит его не только трона, но и самой жизни, как в свое время поступила со своим мужем, Петром III.

ИК: А императрица и не скрывала своих намерений посадить на трон не своего сына, а внука, Александра, и до своей смерти не давала возможности Павлу участвовать в управлении государством. Кстати, интересная параллель: деда Александра, убиенного Петра III, тоже воспитывала бабушка, – Елизавета I.

АП: Вы намекаете, что бабушки портят внуков? Да, интересно... Но вернемся к Александру. Насколько я знаю, Екатерина II вырастила из него великолепного вельможу по образцу своего монаршего двора.

ИК: И при этом назначила ему в воспитатели швейцарца с республиканскими взглядами. Вот как характеризует Лагарпа биограф Александра I, историк Александр Архангельский, позвольте мне процитировать цитату, лучше не скажешь: «Единственная вина воспитателя Лагарпа состояла в том, что “главный” его воспитанник рос (и вырос) русским царем без царя в голове; что либерализм, как намагниченная стружка, был напылен лишь на поверхность Александровского сознания; что идея свободы не сомкнулась в его сердце с образом традиционной России, не соотносилась с ее судьбой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.